

Т. В. Николаева, А. В. Чернецов

ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ- ЗМЕЕВИКИ

« НАУКА »

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Т.В. Николаева, А.В. Чернецов

ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ- ЗМЕЕВИКИ

МОСКВА «НАУКА»

1991

ББК 63.4(2)
Н63

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. МЕДЫНЦЕВА

Рецензенты:
доктор исторических наук В. П. ДАРКЕВИЧ,
доктор исторических наук Т. И. МАКАРОВА

Н $\frac{0504000000-248}{042(02)-91}$ 101-91 (I полуг.)

ISBN 5-02-010041-2

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена древнерусским амулетам-змеевикам. Под этим условным названием в науке известны двусторонние подвески в виде медальонов (или реже — иной формы, обычной для небольших металлических и каменных иконок), несущие на одной стороне каноническое христианское изображение (Христа, Богородицы или святых), а на другой — нехристианский мотив, так называемую змеевидную композицию. Последняя представляет собой изображение человеческой головы (реже — полуфигуры или даже полной фигуры), окруженной змеями. Хотя в ряде случаев «змеевидная композиция» могла восприниматься в древней Руси как второстепенное изображение на обороте иконы, именно наличие этой композиции является основным признаком, объединяющим собранные в данной публикации амулеты.

Сочетание на амулетах канонических иконографических мотивов с нехристианскими ярко характеризует древнерусское «бытовое православие», тот сложный синкретизм христианства и народных верований, который получил в церковно-учительной литературе название «двоеверия».

Изучение этого синкретического мировоззрения является одним из центральных направлений истории русской культуры, так как оно составляло глубинный, интимный пласт духовной жизни человека древней Руси и представителя патриархального крестьянства нового времени, формировало эстетику и конкретные черты народного искусства, во многом определяло национальное своеобразие культур восточнославянских народов¹.

Термин «двоеверие» нельзя считать общепризнанным в науке, поскольку ряд исследователей вполне справедливо указывает, что соответствующее явление, несмотря на различное происхождение составляющих его элементов, представляло собой единое, цельное мировоззрение. Вместе с тем употребление слова «двоеверие» в научной литературе допустимо и оправдано по той причине, что оно встречается в письменных источниках. В традиционных списках исповедальных вопросов грех «двоеверия» (наряду с «маловерием» и «суеверием») занимает одно из первых мест. Таким образом, в данном случае слово «двоеверие» используется не как научный термин. Оно отражает ортодоксальную догматическую трактовку официальной церковью конкретных явлений духовной жизни народа.

Наличие в составе «двоеверия» элементов христианской веры не считалось идеологами официальной церкви положительным явлением. Наоборот, смешение священных понятий с нечестивыми трактовалось как особо тяжкий грех, ведущий к профанации святыни и кощунству. Ортодоксальное отношение к «двоеверию» основывалось на текстах Нового Завета, таких как: «Не можете пить чашу господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе господней и в трапезе бесовской»

(Кор. I, 10, 21); «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? .Какая совместность храма божия с идолами?» (Кор. II, 6, 14—16).

Несмотря на бесспорную важность рассматриваемой проблемы, степень ее разработанности нельзя признать достаточной, хотя ей и посвящено значительное количество специальных работ.

Это прежде всего исследования, в которых реконструируются дохристианские верования славян², а также работы этнографов и фольклористов³, позволяющие нарисовать широкую и цельную картину духовного мира русского крестьянина позднейшего времени. При этом сведения письменных источников о верованиях славянских народов дохристианской поры крайне отрывочны и практически без исключения связаны с враждебной язычеству, крайне тенденциозной церковной книжностью. Поэтому для времен, предшествующих принятию христианства на Руси, а также для первых столетий распространения здесь новой религии первостепенное значение в плане изучения народных верований имеют археологические источники. Это языческие идолы⁴, святилища⁵ и исключительно обильные материалы по языческому погребальному обряду⁶. К числу ярких и довольно многочисленных материалов подобного рода относятся и разнообразные амулеты, неоднократно привлекавшие к себе внимание ученых⁷. В ряду этих памятников амулеты-змеевики, появившиеся на Руси в XI в. и изготовлявшиеся вплоть до нового времени, представляют особый интерес. Они отмечены довольно сложной, развитой иконографией изображений на обеих сторонах. Источниковедческое значение этих амулетов тем более велико, что они несут на себе надписи как молитвенного, так и заклинательного характера и в ряде случаев включают имена заказчиков.

Сведения письменных источников о древнейших верованиях восточных славян и археологические материалы, с одной стороны, и этнографические и фольклорные данные — с другой, не могут быть напрямую увязаны друг с другом вследствие значительного хронологического разрыва, разделяющего соответствующие группы источников. Между тем наследие язычества и народная трансформация христианства ярко отразились в таких явлениях древнерусской книжности, как отреченные книги, апокрифы⁸, заговоры⁹, гадательные книги и т. п., и, кроме того, в поучениях против суеверий, судебных делах о колдовстве¹⁰, описаниях свадеб русской высшей знати. Изучение подобных текстов в последние десятилетия почти не ведется, хотя их фонд в рукописных собраниях страны далеко не исчерпан¹¹. В результате мы по-прежнему очень мало знаем об идейной стороне даже крупнейших антифеодальных еретических учений древней Руси — ересей «стригольников» и «жидовствующих». Неразработанным остается и вопрос об идейном влиянии на Русь еретического учения средневековой Болгарии — богомилства, хотя в древнерусской книжности тексты, несомненно восходящие к богомилской традиции, представлены значительной серией, а в трансформированном виде были в довольно широком масштабе усвоены фольклором.

Памятники отреченной литературы преследовались и уничтожались церковью. Поэтому количество дошедших до нас списков этих текстов и их набор нельзя считать объективным отражением их действительной

роли в истории древнерусской книжности. Значительное число переводных сочинений, а также славянских текстов болгарского происхождения (богомильских) среди отреченных книг заставляет обратиться к вопросу о том, насколько адекватно и органично воспринималось их содержание русскими книжниками. Наконец, далеко не ясно, насколько были популярны в разные периоды неортодоксальные мотивы подобных текстов в среде неграмотного и малокнижного населения. До некоторой степени на этот последний вопрос может дать ответ изучение произведений искусства¹², представляющих сюжеты запретных книг, поскольку набор тем изобразительного искусства всегда более узок, чем набор мотивов, распространенных в письменности, и проникновение любого из них в иконографию само по себе подтверждает его определенную популярность и доступность. Тем более характерны и показательны длительные бытование и общая устойчивость типа таких амулетов, как змеевики, несомненно связанных с миром отреченных книг и апокрифов.

Связь амулетов-змеевиков с миром апокрифов и книжностью, отражающей средневековые суеверия, неоспорима. Уже древнейшие змеевики несут на себе текст греческой заклинательной формулы (заговора), отражающей мотивы апокрифических сказаний, причем все без исключения змеевики имеют изображение, прямо связанное с этим заговором. Важно, что вариации формулы, характерной для целого ряда типов змеевиков, были также известны в славянской книжности, в русских рукописях. Связь между змеевидной композицией и мотивом борьбы со змеем Феодора Тирона на ряде позднейших русских змеевиков приводит нас к текстам, включенным в списки отреченных книг. Тот несомненный факт, что русские амулеты-змеевики были талисманами охранительного характера, в первую очередь оберегали от различных болезней и эпидемий, заставляет предполагать, что их изготовление и ношение входили в целый комплекс разнообразных обрядов и связанных с ними поверий как книжного, так и некнижного характера.

Амулеты-змеевики нельзя рассматривать как порождение и исключительную принадлежность низовой, простонародной культуры. Они имеют несомненно византийское происхождение и были принесены на Русь в рамках единого культурного потока с церковной ортодоксией. Многие русские змеевики несут на себе греческие надписи. Это показывает, что их первоначальное распространение на Руси было связано с греческими мастерами (т. е. с ближайшим окружением церковных иерархов греческого происхождения).

Судя по дошедшим до нас памятникам, амулеты-змеевики получили на Руси несравненно более широкое распространение, чем на своей родине — в Византии. У южных славян подобные амулеты практически неизвестны.

Существование золотых и серебряных змеевиков указывает на бытование подобных амулетов в княжеско-боярской среде; для знатных заказчиков, очевидно, были изготовлены и все именные змеевики (как правило, получившие убедительную атрибуцию, связывающую их с конкретными князьями). Таким образом, значительная часть амулетов-змеевиков (в том числе и наиболее ранние из них) распространилась на Руси среди высшей

знати, причем посредником этого процесса было ближайшее окружение верхушки духовенства.

Некоторые исследователи прошлого века, подходившие к материалу с конфессиональных позиций, писали, что «православная церковь не принимала и запрещала» подобные амулеты¹³, что «странно предполагать, чтобы христиане довели свою святую до поругания превращением святых ликов и молитв в наузу (амулет), осужденную церковью как вещь бесовскую»¹⁴. Между тем материал говорит как раз о другом, в частности, о том, что «историческая церковь» древней Руси далеко не в полной мере и не во всех деталях соответствовала идеалу строгой догматической ортодоксии.

Безусловно, оба цитируемых автора совершенно правильно оценивают характер амулетов-змеевиков с точки зрения догматического богословия и канонического права. Однако их попытка рассматривать змеевики в этой связи как памятники нецерковные, чисто бытовые, простонародные наталкивается на целый ряд противоречий.

Так, нет оснований говорить о последовательной борьбе православного духовенства против традиции ношения и изготовления подобных амулетов. Иногда змеевики в качестве дозволенных предметов христианского культа попадали в церковные и монастырские ризницы и хранились там веками, не вызывая осуждения со стороны духовенства. Один из змеевиков в XVII в. был вставлен в икону с изображением богородичных праздников и помещался в иконостасе Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры¹⁵. При этом змеевик выступал как наиболее почитаемая часть иконы (очевидно, он попал в лавру в качестве вклада, как почитаемая родовая реликвия). Естественно, что змеевик был вмонтирован в доску лицевой стороной, несущей христианское изображение, наружу, так, чтобы змеевидная композиция была не видна. В описи монастыря 1641 г. рассматриваемый амулет фигурирует как «икона», наличие на его обороте змеевидной композиции никак не оговорено. Сходным образом описан в той же описи и каменный змеевик, вложенный в монастырскую казну Иваном Грозным, причем змеевидная композиция охарактеризована как «узор»¹⁶. Здесь же отметим позднейший пример использования одного из змеевиков в качестве панагии во время торжественных великопостных богослужений¹⁷.

Известен лишь единичный случай проявления негативного отношения к змеевидной композиции в древней Руси. На новгородском амулете, найденном в слоях XII в., змеевидная композиция была изглажена, и вместо нее нанесена гравировка с изображением процветшего креста¹⁸. В данном случае неканоническое изображение было, очевидно, определено как нехристианское, нечестивое. Этот единичный пример, конечно, нельзя рассматривать как свидетельство того, что представление о змеевиках как о нечестивых амулетах было широко распространено на Руси. Он указывает только на то, что среди новгородцев XII в. были люди, способные критически отнестись к изображениям на популярном амулете и правильно оценить их нехристианские происхождение и характер.

Рассмотренный пример можно трактовать как случай превращения амулета-змеевика в обычную икону. Известны и примеры обратного превращения — иконы в змеевик. Среди амулетов-змеевиков известны

такие, изображение лицевой стороны которых может на отдельных отливках фигурировать без сопровождения змеевидной композицией на обороте. Очевидно, что изображения лицевой стороны некоторых змеевиков создавались для простых иконок, а змеевидная композиция на их обороте появилась как вторичное добавление. На это указывают змеевики, на которых змеевидная композиция воспроизводит оттиск в формовочной глине амулета-змеевика, меньшего по размерам, чем иконное изображение на лицевой стороне¹⁹. Такое несоответствие ясно указывает на вторичный характер сочетания изображений лицевой и оборотной сторон.

Если мы не всегда можем связать производство амулетов-змеевиков домонгольского времени с той или иной категорией ремесленников, то несомненно, что позднейшие змеевики, XV в. и более поздние, изготовлялись мастерами, работавшими при церквях и монастырях. Очевидно, позднейшие змеевики производились и распространялись главным образом при монастырях, с ведома их настоятелей. Таким образом, православная церковь, осуждая подобные амулеты с богословских и догматических позиций, в то же время как живой организм в своей повседневной практике не гнушалась эксплуатацией суеверий с целью как привлечения паствы, так и получения доходов.

Историческое развитие амулетов-змеевиков, сопровождавшееся созданием новых типов, в основном завершилось в XV в. Однако их бытование фиксируется и в более позднее время. Их продолжали отливать по старым образцам, а иногда и по новым. Во всяком случае существуют разновидности амулетов-змеевиков, надписи на которых отмечены признаками XVIII в.²⁰ Вместе с другими литыми иконками змеевики встречаются в крестьянских божницах и в XX в. От XIX в. дошли сведения о том, что крестьяне северных губерний нередко носили змеевики наряду с крестом на груди²¹, о том, что «многочисленное семейство, которому принадлежит описываемый образ (Змеевик. — А. Ч.), питает к нему особенное уважение и в разных болезнях одному наложению оного приписывает чудесную силу утешать страдания»²². Так в продолжение ряда столетий амулеты-змеевики сохраняют связь, с одной стороны, с традициями славянского язычества, с другой — с народной, неортодоксальной трансформацией христианства.

Сложное положение в контексте древнерусской культуры амулетов-змеевиков с их чужеземным происхождением и связью с книжной культурой и в то же время органичным вхождением в мир народных представлений с последующей трансформацией и переосмыслением в духе этих представлений заставляет видеть в этих памятниках важный исторический источник. Его значение тем более велико, что хронология бытования подобных амулетов перекрывает сравнительно слабо изученный период в истории народных верований. По всем этим причинам разнообразие и хронология типов змеевиков, направление их эволюции представляют значительный интерес для истории культуры.

Бросающееся в глаза противоречие между характером изображений на разных сторонах амулетов-змеевиков, их загадочный, экзотический характер способствовали тому, что их изучению посвящена значительная литература. Своим происхождением эта литература обязана сенсационной находке 1821 г. знаменитого золотого змеевика, украшенного высококу-

дожественными изображениями и надписью с именем русского князя, — так называемой черниговской гривны. Усилиями ряда ученых, прежде всего И. И. Толстого²³ и А. С. Уварова²⁴, были описаны и датированы по палеографическим и иконографическим признакам основные типы змеевиков. Ученые XIX в. указали и византийские прототипы русских амулетов. В работах М. И. Соколова получил истолкование мифологический мотив, с которым связаны змеевидная композиция и греческая заклинательная формула²⁵. В дальнейшем работа велась в направлении дополнений и систематизации имеющихся материалов. Особого замечания требуют описание змеевиков из собрания Исторического музея, составленное А. С. Орловым, и имеющаяся в этой работе классификация типов змеевидных композиций²⁶.

Постоянное накопление нового материала, а также наличие в музейных собраниях до сих пор не описанных змеевиков уже давно сделали необходимым создание новой сводной работы. Особенно важно, что ряд амулетов-змеевиков из раскопок послевоенных лет может быть датирован с высокой степенью точности (прежде всего змеевики из новгородских раскопок, имеющие дендрохронологические даты). Кроме того, важнейшие работы по змеевикам в настоящее время представляют библиографическую редкость и далеко не всегда доступны даже специалистам.

Следует отметить значительные трудности, возникающие при работе с амулетами-змеевиками. Они связаны в первую очередь с тем, что большая часть этих амулетов представляет собой произведения художественного литья, с трудом поддающиеся датировке, так как старые литейные формы могли использоваться в течение столетий²⁷. Кроме того, глиняные литейные формы иногда изготовлялись путем оттискивания в формовочной глине готового изделия. Наконец, в музейных собраниях хранятся многочисленные антикварные подделки и так называемые новоделы (копии, изготовлявшиеся специально для коллекционеров и не носившие характера подделки). Поскольку и подделки, и новоделы нередко являются точными копиями (отливками) с древних подлинников, возникает вопрос о том, как отличать их от древних отливок, требующий в каждом отдельном случае специальных исследований, далеко не всегда возможных. Подобные сложности затрудняют, в частности, определение числа древнерусских змеевиков, хранящихся в музеях нашей страны. По той же причине затруднен ответ на вопрос, в какие века традиция изготовления и ношения амулетов-змеевиков была наиболее распространена.

Предлагаемая вниманию читателей работа была первоначально задумана как монография одного автора — Т. В. Николаевой. Ее исключительный опыт и эрудиция в области изучения мелкой пластики, в том числе металлической, палеографии, древнерусского искусства и церковных древностей в целом позволяли надеяться, что и в данном случае книга окажется образцовым фундаментальным исследованием. К сожалению, тяжелая болезнь и безвременная кончина не позволили Т. В. Николаевой завершить эту работу.

В данной книге разделы, написанные Т. В. Николаевой, публикуются без изменений. Это прежде всего каталог змеевиков, задуманный Т. В. Николаевой как каталог типов, а не единиц хранения. Кроме него, Т. В. Николаева оставила часть историографической статьи (до конца XIX в.)

и небольшую вступительную статью, посвященную классификации амулетов.

Подготовка рукописи к публикации была поручена А. В. Чернецову. Ему принадлежат введение, заключительная часть историографической статьи, а также раздел, помещенный вслед за вступительной статьей Т. В. Николаевой, о происхождении змеевидной композиции и о параллелях к змеевидной композиции за пределами сферы амулетов-змеевиков в древнерусском искусстве. Им же составлены таблицы (в значительной мере подбор иллюстраций осуществлен Т. В. Николаевой). Разделы, написанные разными авторами, в тексте разделены звездочками. Отдельные уточнения и дополнения, внесенные в каталог А. В. Чернецовым, оформлены как примечания.

- ¹ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. 1974. № 1; Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975; Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.
- ² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865—1869. Т. I—III; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. I; М., 1913. Т. II; Аншкков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914; Кагаров Е. Г. Религия древних славян. М., 1918; Mansikka V. Die Religion der Ostslaven: Quellen. Helsinki, 1922; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974; Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; Он же. Язычество древней Руси. М., 1986.
- ³ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов. М.; Л., 1957; Толстая С. М., Толстой Н. И. Заметки по славянскому язычеству // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиция. М., 1978. 2: Вызывание дождя в Полесье; Он же. Заметки по славянскому язычеству // Русский фольклор. Л., 1981. Т. XXI: Поэтика русского фольклора. 1: Вызывание дождя у колодца; Он же. Заметки по славянскому язычеству // Славянский и балканский фольклор: Обряд: Текст. М., 1981. 5: Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах; Он же. Заметки по славянскому язычеству // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. 3: Первый гром в Полесье; 4: Защита от града в Полесье; Толстой Н. И. Заметки по славянскому язычеству: Откуда название шуликун? // Восточнославянские языки, история, культуры. М., 1985.
- ⁴ Гуревич Ф. Д. Збручский идол // МИА. 1941. № 6; Она же. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. М., 1954. Вып. 54; Рыбаков Б. А. Святовит-Род // Liber Josepho Kostorzewski octogenario a veneratioribus dicatus. Warszawa, 1968; Sedov V. V. Pagan sanctuaries and idols of the Eastern Slavs // Symposium international et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Bruxelles; Gand, 21—24 mai 1980. Contributions // Slavica Gandensia. 1980—1981. 7/8.
- ⁵ Седов В. В. Древнерусское святилище на Перины // КСИИМК. М., 1953. Вып. 50; Он же. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. М., 1962. Вып. 87; Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура древней Руси. М., 1966; Куза А. В., Соловьева Г. Ф. Языческое святилище в земле радимичей // СА. 1972. № 1; Тимошук Б. А., Русанова И. П. Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. 1983. № 4; Русанова И. П., Тимошук Б. А. Збручское святилище // СА. 1986. № 4; Тимошук Б. А., Русанова И. П. Второе Збручское (Крутиловское) святилище: По материалам раскопок 1985 г. // Древности славян и Руси. М., 1988; Лабуткина И. К. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- ⁶ Новейший обзор материалов по восточнославянскому погребальному обряду см.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. Сер. Археология СССР.

- ⁷ Гольмстен В. В. Лунницы Российского исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 г. М., 1914; Седова М. В. Амулет из древнего Новгорода // СА. 1957. № 4; Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2; Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни в X—XIII вв. (Тр. ГИМ. Вып. 43). М., 1967; Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968; Алешковский П. М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. Е1-60; Он же. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1989. См. также: Сумцов Н. Ф. Личные обереги от сглаза. Харьков, 1896.
- ⁸ Пыпин А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летописи занятий Археологической комиссии за 1861 г. СПб., 1862; Он же. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелев-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3; Тихомиров Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. I; II; СПб., 1894. Т. III; Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872; Он же. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890; Франко I. Апокрифи і легенди з українських рукописів / Збираю, упорядкував і пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. I—V; Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1899—1904. Вып. I—IV; Петец В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды. СПб., 1899—1901. Т. I; II.
- ⁹ Майков Л. Н. Великорусские заклинания // Зап. Русского географического общества по отд. этнографии. СПб., 1868. Т. II; Сумцов Н. Ф. Заговоры: Библиографический указатель. Харьков, 1878; Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
- ¹⁰ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества. Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII ст. СПб., 1906.
- ¹¹ Турилов А. А., Чернецов А. В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. 1986. № 1.
- ¹² Барсова Е. В. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись // ЖМНП. 1885. № 12; Сапунов Б. В. Памятники материальной культуры двоеверцев // Тр. ГЭ. Л., 1970. Т. XI; Чернецов А. В. Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в древней Руси // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства (ТОДРЛ. Т. XXXVIII). Л., 1985.
- ¹³ Еггений [Болдоситинов], митрополит киевский. Замечания о черниговской гривне // Тр. и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете. М., 1833. Ч. VI. С. 121—123.
- ¹⁴ Прозоровский Д. И. О древних медальонах, называемых «змеевиками» // Христианские древности / Изд. под ред. В. Прохорова. СПб., 1877. Кн. 1.
- ¹⁵ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960. С. 98—100.
- ¹⁶ Там же. С. 100, 101.
- ¹⁷ ИРАО. СПб., 1884. Т. X, вып. 1 (протоколы заседаний). С. 226.
- ¹⁸ Колчин Б. А., Рябина Е. А. Раскопки на ул. Кирова // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 230, 232.
- ¹⁹ Каталог собрания А. С. Уварова. М., 1908. Отд. IX. С. 100, 101. Рис. 82; 83; Лесючевский В. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. I. С. 19, 20. Рис. 11.
- ²⁰ Орлов А. С. Амулеты-«змеевики» Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 36, 54, 55.
- ²¹ Дестунис Г. С. Еще о «змеевиках»: Взгляд на Крузено объяснение греческой надписи, начинающейся со слова *δατέρα* // ЗРАО. СПб., 1889. Нов. сер. Т. IV, вып. 2. С. 113.
- ²² Нечаев С. Замечание о старинном медном образе // Тр. и зап. ОИДР. М., 1826. Ч. III, кн. 1. С. 136.
- ²³ Толстой И. И. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб., 1888. Т. III.

- ²⁴ Уваров А. С. Византийские филактерии и русские наузы // Уваров А. С. Сб. мелких трудов. М., 1910. Т. I; Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1908. Отд. IX.
- ²⁵ Соколов М. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. СПб., 1889. № 6; Соколов М. И. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Тр. Славянской комиссии МАО. М., 1895. Т. I; См. также: Познанский Н. Ф. Сисиниева молитва-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. СПб., 1912.
- ²⁶ Орлов А. С. Амулеты-«змеевики» .
- ²⁷ Перетц В. Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 73; Порфиридов Н. Г. Об одной группе древнерусских медных изделий // Сообщения ГЭ. Л., 1959. Т. VI.

Глава первая

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

Ни один археологический предмет не возбуждал в научной литературе так много толков, как знаменитая черниговская гривна — золотой змеевик, найденный под Черниговом на р. Белоус в 1821 г. Вскоре после находки змеевик попал в Эрмитаж, и в изучение и расшифровку этого предмета включились представители разных профессий — профессора университетов, литераторы, журналисты, палеографы, представители духовенства, вплоть до петербургской знати. Несмотря на славянскую надпись на змеевике, его долго не желали признать древнерусским произведением, а лишь только греческим. Было высказано предположение, что под упомянутым на змеевике Василием нужно понимать Василия Македонского¹, а под изображением архангела Михаила — императора Михаила III, сына Феофила². Другие поддерживали версию Моргенштерна о том, что эта медаль выбита «в память торжества в России христианской веры над идолопоклонством при Владимире I»³. Но уже тогда находки новых змеевиков породили большие сомнения в правильности этих версий, и в 1823 г. К. Ф. Калайдович иронически замечал: «Неужели все эти талисманы, что в древние суеверные времена люди, носившие оные на груди и шее, полагали, что эти знаки могут предохранить их от бед и зол. Где же мнимый император Василий Македонянин? Они скрываются при появлении памятников найденных. На одном вместо Михаила является Богоматерь; на другом — Козма и Дамиан; на третьем, теперь приобретенном в Рязани, — великомученик Никита»⁴. С находками новых змеевиков отпала и версия о том, что черниговский змеевик связан с первым киевским митрополитом Михаилом и князем Владимиром Святым и что «во славу духовной победы сего же Архистратига принято со времени христианства изображать его на гербе города Киева»⁵. Раздавались еще неуверенные голоса и о связи черниговской гривны с Владимиром Мономахом⁶. Находки новых змеевиков в Рязанской губернии и на Куликовом поле были поводом для раскрытия символического значения этих предметов, и наиболее приближенные к истине версии высказывались теми, кто обратил внимание на использование змеевиков в быту. «Многочисленное семейство, которому принадлежит описываемый образ, питает к нему особенное уважение и в разных болезнях одному наложению оного приписывает чудесную силу утолять страдания»⁷.

Наиболее верные и разумные объяснения змеевиков в то время давались просвещенными лицами духовного звания — например, киевским митрополитом Евгением (Болховитиновым), — лучше других знавшими народные обычаи и отношение к ним церковных установлений. Болховитинов первым указал на то, что змеевики как амулеты вышли из языческого

Востока, а потом уже распространились по христианскому миру. Интересна и его мысль о происхождении христианских и языческих изображений на змеевиках от синкретических еретиков, христианских гностиков. Православная церковь не принимала и запрещала их, «как можно видеть в нашей Кормчей Книге, часть 1, лист 26, 51, 80, где делатели и раздаватели таковых амулетов называются узольниками (по-гречески филиктерии), потому что у простого народа амулеты сии составляют узолки, или так называемые ладанки»⁸. Верна и его мысль о том, что эти суеверия принесли к нам греки, но что черниговская гривна сделана в России, так как на ней имеется русская надпись, а греческая ἄγιος, ἄγιος приведена с ошибками. Высказана им мысль и о том, что гривна могла быть связана и с Владимиром Святым, и с Владимиром Мономахом, а самое главное, было указано на эти предметы как на чисто бытовые, а не церковные.

В определении датировки черниговской гривны ведущее слово высказали палеографы. И. И. Срезневский датирует черниговскую гривну по эпиграфическим признакам XI в. и пишет, что «имя Василия напоминает о князе Владимире; место нахождения заставляет думать о Владимире Мономахе, бывшем черниговским князем до 1095 г.; начерк букв — XI в.»⁹ Несмотря на эти здравые суждения, принадлежность гривны еще долго оспаривалась¹⁰. Камнем преткновения оказались греческие надписи, которые известны были не только на черниговской гривне, но и на других экземплярах, найденных еще в 30-х годах XIX в., например, на золотом казанском змеевике, хранившемся в Минц-кабинете Казанского университета. Чтение этих надписей должно было дать ключ к разъяснению значения змеевиков. Недостатка в ученых, знавших древнегреческий язык, в XIX в. не было. Тем не менее, легко читалась только трисвятая песнь ἄγιος, ἄγιος, ἄγιος. Другая же более пространная надпись чтению не поддавалась, так как она была сделана с русскими ошибками, пропусками и, по-видимому, не на древнегреческом, а на мало известном средневековом наречии¹¹. Первым, кто предложил более или менее достоверную расшифровку надписи, был профессор Дерптского университета Крузе¹². Он решил сопоставить надпись на черниговской гривне с каменными змеевиками, хранившимися в Готе, и другими змеевиками, известными в тому времени. Надписи на них читались более четко и без пропусков. Крузе удалось определить, что это заклинательная надпись ὕστερα, которая передавалась на змеевиках в разных вариантах. Смысл этого заклинания должен быть следующий: «Черная родильница очернила себя злом (или лучше яростию), пресмыкалась в прахе, как змея, и шипела, как дракон, и рычала, как лев, и была в ужасе, как ягненок, [когда победил ее архангел Михаил]» (Ὑστέρᾳ μέλανι μελανομένη μελάνη ὡς ὄφις εἰλόησε καὶ ὡς δράκων σὺρίζησε καὶ ὡς λέων βρόχησε καὶ ὡς ἀρνίον κωμνήγαστο). По его мнению, «вся надпись указывает на победу архангела Михаила над змием (над язычеством) и именно в том виде, как она изображена в Апокалипсисе XII, 7—12»¹³. На казанском змеевике Эрдман читал заклинательную надпись несколько иначе: «Сдавайся (уступи), очерненная чернотою; как змея, ты будешь извиваться, как лев, реветь, как агнец, (трепетать)»¹⁴. К заслуге этого автора нужно отнести и то, что надпись вокруг человеческой личины, окруженной змеями, состоящая из букв ΕΦΡΟΣΥΝ, не является именем собствен-

ным, а употреблено как греческое слово в значении «умствование», «вымысел»¹⁵.

В 40—70-е годы было опубликовано большое количество змеевиков в «Древностях Российского государства»¹⁶, в атласе к «Древней русской истории» М. Погодина¹⁷, в собрании Д. И. Прозоровского¹⁸, в «Христианских древностях» В. Прохорова¹⁹. Накопился довольно большой материал, который использовался учеными для расшифровки этих предметов. Вновь за чтение надписи на черниговской гривне взялся Г. С. Дестунис. Посредством сличения надписи с восемью разными змеевиками он прочел заклинательную надпись следующим образом: «Матица черная, почернелая, как змей, (ты) вьешья, и как дракон, свищешь, и как лев, рычишь, и как ягненок, спи (спишь)»²⁰. «Матица», по его расшифровке, — это утроба. Этим словом обозначали опухоль кожи в паху. В надписи, писал Дестунис, «недуг вьется, кружится около больного в виде змея, в образ которого облекся некогда злой дух. Здесь главным образом, сравнивается недуг, угрожающий смертью, с действием смертоносного дракона»²¹. «Болезни вообще народ в Греции приписывал и приписывает непосредственному воздействию демонов. В обороте „ты рычишь, как лев“, опять указано на дьявола. . . При этом, вероятно, имеется в виду изречение [из первого послания] апостола Петра: „Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити (5, 8)“». Автор считает, что «упоминание о змее и льве как внешнем образе дьявола есть заимствование из текста Ветхого и Нового Завета»²². «Но в нашей надписи мы видим ту особенность, что трем страшным зверям: змею, дракону и льву, уподоблена не сама нечистая сила, и не человек, служащий ей орудием, а недуг человеческий как одно из ее произведений»²³. В качестве примера Дестунис приводит ряд народных заговоров. Далее, дополняя свое исследование критикой на объяснение надписей на змеевиках, предложенное Крузе, Дестунис делает совершенно правильное заключение, что «памятники с „истерой“ подвергались еще большим митарствам, нежели рукописи, так как к произволу писца примешивался произвол техника. Но мы скажем нечто более серьезное: наш текст не исходит от ученых или литераторов: он записан с уст народа»²⁴. В дополнении к заметке Г. С. Дестуниса архимандрит Леонид высказал мнение, что «все эти „змеевики“ есть не что иное как „богумильские наузы“ (амулеты): одно из средств, которыми богумилы старались пропагандировать в народе свои „дуалистические“ верования, заимствованные ими у гностиков, преимущественно же у их предшественников манихеев и павликиан. Вот почему в древней христианской церкви отцы церкви, а по их следам и первые наши архипастыри сильно вооружались против употребления „наузов“ как средств предохранения или лечения от немощей. Предназначались эти наузы, очевидно, для ношения ради охранения человека от враждебного влияния, при борьбе двух начал: доброго и злого, от последнего при помощи первого. Вот почему на лицевой стороне наузов изображали Распятие (Крестная сила), Божию Матерь, Архистратига небесных сил Михаила, воинствующих святых: Георгия Победоносца, Феодора Стратилата, Феодора Тирона (воина), св. великомученика Никиту»²⁵.

Обзор всей появившейся к тому времени литературы и сводку известных змеевиков сделал И. И. Толстой, высказавший и свои весьма интерес-

ные соображения по поводу значения этих предметов ²⁶. Он считал, что «помещение священных изображений Богоматери, Архистратига — победителя сатаны, угодников может иметь целью избавление от бед, защиту от напастей. Если эти напасти первоначально и представлялись, может быть, в уме верующего более или менее духовными (а если и реальными, то в образе апокалипсических бедствий), то уже очень рано, вероятно даже одновременно (и это под влиянием самого апокалипсического пророчества), они должны были воплотиться в более реальную форму, главным образом болезней и ран как наиболее обыденных и чувствительных бед, постигавших человека. Поэтому и наши змеевики с их апокалипсической окраской должны были служить для отвращения этих напастей... Надписи вроде θεοτόξη φιλάττε τον έχόντα σε или еще более определенной гл даже ραβομα σκοπμα сонз жибодтаный и т. п. прямо указывают на предохранительную силу, приписываемую нашим медальонам» ²⁷.

Далее автор совершенно правильно обратил внимание на народные картинки, изданные Д. А. Ровинским. На одном из листов приведен текст под заглавием: «Сказание киим святым каковые благодати исцеления от Бога. . .» И далее говорится: «О прозрении ослепших очес молитися Пресвятей Богородице Казанской, о сохранении здравия младенцев — Пресвятей Богородице Тихвинской. . ., о избавлении младенцев от родимца — святому великомученику Никите, о сохранении от пожара и молнии — святому Никите Новгородскому, о обретении украденных вещей и бежавших рабов — мученику Феодору Тирону. . .» ²⁸ «Таким образом, — заключает И. И. Толстой, — как надписи, так и изображения на змеевиках упрочивают за ними характер предметов, вполне однородных с амулетами, ладанками и вообще наузами, на что решительно указал уже митрополит Евгений». При этом отмечено, что 12 змей, чаще всего изображаемых на змеевиках, несомненно могут быть связаны с поверьем о 12 сестрах-лихорадках, на что указал Е. В. Барсов ²⁹. От определения времени изготовления змеевиков и их исторического значения автор решительно отказался и подверг снова сомнению принадлежность черниговской гривны Владимиру Мономаху, которая была почти доказана И. И. Срезневским. Автора смущало то, что в надписях на змеевиках нигде нет указаний на княжеский титул. Все это объяснялось еще слабой изученностью памятников. Впоследствии было понято, что надписи на змеевиках представляли собой не историческую «летопись», а моление. Перед богом молящийся был всего лишь раб божий Василий, Варвара, Евдокия или Андрей ³⁰.

Основополагающим для объяснения змеевиков явилось обстоятельное исследование М. И. Соколова «Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками», опубликованное в Журнале Министерства народного просвещения ³¹. Вскоре он дополнил свое исследование большой статьей «Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками» ³². Символическое значение змеевиков и их историческая подоснова были теперь почти полностью раскрыты.

Прежде всего М. И. Соколов отметил, что в результате появления нового числа рассматриваемых памятников полностью подтвердилось мнение, впервые высказанное митрополитом Евгением, о том, что «змеевики суть не что иное, как предохранительные наузы, амулеты (филактерии). От чего же они должны предохранять? На этот вопрос, по нашему мнению,

всего удачнее ответил Е. В. Барсов. Он высказался в том смысле, что медальоны употреблялись в качестве целебных амулетов. Указав на значение змия в Писании и в народных сказаниях как на символ всего злого, Барсов думал, что 12-головый змей олицетворяет собой на змеевиках 12 сестер-лихорадок как представительниц всех человеческих болезней»³³. Надпись на змеевиках, по мнению М. И. Соколова, вернее всего прочел Г. С. Дестунис, который рассматривал ее как заклинательный заговор против болезни матки или утробы. «Но если, по нашему мнению, приблизительно верно понято значение змеевиков как предохранительных наузов, амулетов, то вовсе не объяснено происхождение их, значение и взаимное соотношение изображений и надписей»³⁴. Вот на эти вопросы и отвечает богатый апокрифический материал, который привлек М. И. Соколов. Он обратил внимание на то, что в греческой, славянской и румынской письменности записан целый ряд легенд, молитв и заклинаний против демонического существа, причиняющего вред людям. Обычно борьба с ним связывается с именем апокрифического Сисиния, иногда его место занимает архангел Михаил или другие святые. Греческие тексты были опубликованы А. Н. Веселовским и И. Д. Мансветовым³⁵, славянские — М. И. Соколовым. В греческих и славянских текстах рассказывается, как злое демоническое существо женского образа похищало новорожденных детей одной женщины по имени Мелитина. Ее брат Сисиний (или братья Сисиний и Синодор или Теодор) преследуют этого демона. Демон обещает возратить проглоченных детей и избежать того человека, который будет иметь запись имен демона или произнесет молитву Сисиния (т. е. перечень тех же имен или изображение козней дьявола). Во многих вариантах ловит демона и отбирает прогоняющие его имена архангел Михаил. Таким образом, существовало верование в демоническое злое существо, которое можно прогонять заклятием. Отсюда вполне законно напрашивается сравнение этих текстов с изображениями на змеевиках. Женская голова или фигура, окруженная змеями, и есть то самое демоническое существо, о котором говорится в заклätиях. Оно представляется в образе отвратительной и страшной женщины; «существо это — диавол, оно носит различные имена, действия его описываются сравнениями с различными зверями, птицами, гадами; существо это способно принимать образы этих зверей, птиц, гадов»³⁶. В некоторых вариантах греческих апокрифов эта женщина-дьявол называется именем Гилло. Когда архангел Михаил ее спрашивает: «Откуда идешь и куда направляешься», отвечает: «Я прихожу в чей-либо дом, как змея, как дракон, как пресмыкающееся четвероногое, чтобы погубить его; я хожу поражать женщин, я причиняю болезнь живота (или сердца) и иссушаю их молоко; я могу задавить и сокрушить; я убиваю детей, ибо имя мое Παταράρα („Поперница“ в славянских текстах)»³⁷. В русских текстах в образе демонов обычно предстают дочери Ирода или 12 трясовиц-лихорадок.

«Прогоняющим демона средством служат: 1) имена демона, 2) имена ангелов или святых, поймавших демона и отобравших у него имена и взявших с него клятву, 3) имена как демона, так и ангелов и святых, наконец, 4) вообще молитва против диавола, содержащая рассказ о поимке его ангелами или святыми и о его „кознях“. Прогоняющую силу имеет как чтение молитвы, так и просто запись ее и ношение с собою в качестве

филактерия, амулета, науза; то же значение имеет и изображение ангела»³⁸

Далее М. И. Соколов дает интереснейшее толкование слова ДЪНН, встречаемого вокруг головы демона на змеевиках с лицевым изображением Феодора Стратилата³⁹. В славянских заклинательных текстах и молитвах это слово является переводом греческого слова *δστέρα*.

Древнейший текст он нашел в глаголическом синайском тревнике, изданном Гейтлером. Здесь на л. 36 читается:

Мо^а ѡ избавленди данѣ чкоу

ГІ Иѣ Хѣ Бже нашз, помилуи чка сего взпнижцадог дзнож тже Іматз ногтз [р. и .л. тз, не дѣи [емоу пакости, ни ржкама, ни ногамма, ни ксеому тѣлеси, нз вз едином[з] [м]ѣстѣ лззи събвишиса, прѣстѣл Брце помилуи, І еги раба вжит сего ныне и присно и в вѣкы.

Оказались подобные тексты в рукописях Соловецкой библиотеки, особенно в тревнике XV—XVI вв.

Мо^а тому же

Во има Оца и Сна и Сгго Дха. Дно нута во еси прелюта, протверта еси по кса уды чкыд, епи ако агна млада аспидоко, проклата еси и треклата еси Оцем и Сном и Сгтам Дхом.

Как же представляли себе дну? Дна — «черная-черная, лютая-прелютая, имеющая 130 (150, 170) ногтей, волосатая, рыкает, как лев, вопит(-яциши) как вол, играет (прыгает), как козел, она поражает все тело человека, руки, ноги, все члены, большой вопит от ее мучений, заклинатель выражает желание, чтобы она не делала человеку пакости, легла в одном, в своем, месте, спала, как молодой ягненок; он закликает ее божеством и тремя ангелами, которые вяжут ее».

Значение слова дна как болезни не только женской, но и мужской, находит очень интересную аналогию в латышских заговорах «от матери». По объяснению латышских знахарок и знахарей, внутри каждого человека без различия пола находится как бы отдельное существо, от спокойного состояния которого зависит здоровье человека. Это «мать» человека, твердый кусок жилистого мяса, величиной с кулак, помещающийся вблизи спины против хребта. Мать человека имеет, «точно лягушка», четыре ноги или руки, состоящие из жил толщиной с порядочный шнурок. Приведенная в беспокойное состояние или «сдвинутая со своего места», особенно чрезмерным усилием при работе («когда кто сорвал живот»), мать охватывает своими руками внутренности человека и производит сильное сжатие, страшную боль в животе, сопровождаемую головной болью. Молитвы от дны те же, что и от нежита. Здесь в качестве запрещающих нежиту вредить человеку выступают Козма и Дамиан. В русских и югославянских текстах существует много молитв от нежита. Нежит — общее название для нечистой силы. Его образ сближается с истерой и дной.

Русские молитвы и заговоры сисиниевского типа отличаются от греческих и югославянских тем, что совершенно не знают легенды о Мели-

тине и говорят обычно не об одном демоне, а о 12 (иногда семи или более 12) дочерях Ирода, трясовицах, носящих имена, характеризующие тот или иной признак болезни. В разных заговорах эти имена имеют разные варианты. Вот один из них:

- 1) Огненная понеже зжет и палит человека велика тяжка.
- 2) Пуще час от часа того зжеть.
- 3) Студенит аки лег, и знобит человека, и скорбит тот человек, и согреться не может.
- 4) Гнетя.
- 5) Хрипуша.
- 6) Худая.
- 7) Ломотная.
- 8) Опухлая.
- 9) Желтая.
- 10) Рабъпуша или стаскуша, та утробу и жилы ручные и ножные у человека сводит и скорчит.
- 11) Сломея, сестра ее.
- 12) Пухлея; та в ноци спящему человеку видением бесовским и смущает.

Для объяснения изображения солнца, луны на амулетах следует принять во внимание формулу клятвы Гилло в греческом тексте филактерия, где она клянется престолом Божиим, мышцею высокою, оком недреманным, богом солнца, рогом луны и именем архангела Михаила.

Общий вывод М. И. Соколов делает в начале своего исследования: «Для меня представляется несомненным, что эти амулеты, употреблявшиеся среди русских и византийских христиан, являются отражением суеверия, ведущего свое начало с Востока, из древней Халдеи, и всего ближе соответствуют тем демоническим и магическим представлениям и учениям, какие изложены в известной Testamentum Solomonis, этой иудейско-византийской перелицовке древней халдейской магии»⁴⁰.

На исследование М. И. Соколова тотчас же отозвался И. И. Толстой, наиболее скептически относившийся к определению символики змеевиков и их датировок⁴¹. Он полностью принимает его версию по поводу истеры и дны и пишет, что «исследования М. И. Соколова о значении „змеевиков“ как филактерий и амулетов против истеры, по-русски дъны, нужно считать доказанным».

Вслед за сводкой змеевиков, сделанной И. И. Толстым, появилась заметка профессора Киевской духовной академии Н. И. Петрова о змеевиках, найденных в Киевской губернии и находившихся в коллекции В. Е. Гезе. Это сообщение интересно тем, что рассматривает змеевики, где, кроме греческих надписей, были еще и славянские с именами заказчиков и молитвенными заклинательными надписями. Они подтверждали основные доводы М. И. Соколова. На одном змеевике с изображением Богоматери по-гречески было написано: «Богородице, помоги рабу Афонасию». На другом, найденном в Каневском уезде и имеющем изображение архистратига Михаила, поражающего змея, надпись следующая:

СТ. МИХАЛЕ ВЕЛИКЕ ПРОЖЕМИ ТЫ ЧЕЛК ВПАДИ

На другой стороне — 12-головый змей вокруг человеческого лица с круговой надписью ⁴²

ГО. ПОМ. I ПОМЛ' СІ УЕЛКА Р С. НАРЕУЕНЕВО ЗОСНИ

Это дало основание для прочтения надписи на одном из змеевиков, опубликованных И. И. Толстым (№ 4) ⁴³. Н. И. Петров предлагает следующее прочтение надписи:

СТЕ МНХАНЛЕ ВЕЛНКИ СОММ

(Т. е. сними.)

С Т(Р)УД)НА УЕЛКА...

(Вероятно, какую то-болезнь.)

На оборотной

—Г. ПОМОЗН РАБЕ СВОЕІ ІЛСАВЕ НАРЕУЕН ВО КР...

«Оба эти змеевика обращаются с одинаковыми молитвами к архангелу Михаилу и ко Господу о прогнании от человека „впадины“, т. е. напасти, или снятия с „трудного“ больного человека какого-то недуга и, следовательно, имеют бытовое значение» ⁴⁴. В то же время мимо Н. И. Петрова прошло незамеченным фундаментальное исследование М. И. Соколова, и он по-прежнему вместо «дна» читает надпись как **ИНАДЪ**, считая ее именем собственным Андрея.

Два интересных змеевика с изображением на одном Богоматери, а на другом — Феодора Стратилата опубликовал Л. В. Даль ⁴⁵. Исследования М. И. Соколова еще не было, и он дал свое произвольное толкование надписи, прочитав ее как **ДИПЪ**. Л. В. Даль приводит текст из Библии (Быт. X, 17, 18): «И да будет Дан змий на пути, седяй на распутии, угрызая пята конску; и падет конник вспясть». При этом он высказывает мысль, что змеевики с изображением Феодора Стратилата предназначались преимущественно для воинов.

Большое научное значение представляли исследования палеографов о змеевиках. В то время палеография была единственным аргументом для их относительной датировки. В этом отношении интересна публикация серебряного змеевика, найденного в 1872 г. близ д. Песцова Рязанского уезда. Он принадлежит к типу змеевиков с Козмой и Дамианом. Вокруг лицевого изображения надпись:

+ГН ПОМОЗН РАБЪ СВОЕМЪ АНДРЪОВІ

По палеографическим признакам В. Н. Щепкин датирует змеевик XIII в., но неправильно связывает изображения с апостолами Филиппом и Андреем ⁴⁶. Змеевики с изображениями апостолов пока неизвестны, и вряд ли апостолы могли толковаться как змеборцы и целители.

Изучение змеевиков и выяснение связи их с народными апокрифами вызвали публикацию многочисленных заговоров, оберегов и спаситель-

ных молитв. Одни из них были опубликованы Е. Ляцким. Он обратил внимание на имя одиннадцатой трясовицы — Глядей: «Та буди всех проклятие: в нощи спать не дает, многие беси к тому человеку приступают и с ума его сбрасывают, и спать не дают: на месте не сидят»⁴⁷.

* * *

Основные вопросы изучения амулетов-змеевиков были успешно решены уже в дореволюционной историографии. Исследователи XIX в. смогли правильно оценить назначение амулетов, их промежуточное положение в контексте оппозиции учение официальной церкви — народные верования. Ими опубликованы основные типы змеевиков, указаны византийские прототипы этих русских амулетов, античный прообраз иконографии змеевидной композиции. Благодаря работам М. И. Соколова выяснилось, что греческая заклинательная формула, сопутствующая змеевидной композиции, была известна также в славянской версии и что змеевики с надписью «дъна» указывают на то, что усвоение на Руси рассматриваемых амулетов сопровождалось восприятием связанного с ними византийского мифологического мотива. В общих чертах была определена и хронология бытования змеевиков на Руси.

Дальнейшее изучение этих памятников было направлено на уточнение и конкретизацию их типологической и хронологической классификации, а также публикации новых материалов. Среди последних особое значение имеют датированные находки, обнаруженные при археологических раскопках.

Одна из первых работ по изучению амулетов-змеевиков, опубликованных в советское время, — публикация А. С. Орлова, посвященная описанию 116 змеевиков из собрания Исторического музея⁴⁸. В этой работе автор предпринял попытку систематизации материала. В основу созданной им типологии положены разновидности змеевидной композиции⁴⁹.

Работая над созданием данного свода, Т. В. Николаева пришла к выводу, что классификация А. С. Орлова неудачна. Ей представлялось несомненным, что решающее значение для атрибуции и датировки амулетов-змеевиков имеют изображения их лицевой стороны, носящие иконописный характер. Действительно, именно изображения лицевой стороны змеевиков дают основания для четкой классификации, они более показательны и для определения хронологии. Каталогная часть данного свода расположена в соответствии с замыслом Т. В. Николаевой.

Вместе с тем нельзя считать классификацию змеевидных композиций вообще ненужной. Прежде всего, именно наличие змеевидной композиции явилось ведущим признаком для объединения памятников в данную группу. Если же основывать классификацию змеевиков исключительно на изображениях лицевой стороны, то, строго говоря, в таком случае их следует рассматривать как иконки и они должны бы быть объединены с иконками, несущими те же христианские мотивы (тем более что известны случаи, когда тип аверса змеевиков может фигурировать отдельно от змеевидной композиции, в качестве обычной иконы). Кроме того, при типологическом изучении двусторонних предметов, украшенных изображениями, целесообразно использовать две типологии (для аверса и для реверса), как это принято в работах по нумизматике и сфрагистике. По суще-

ству Т. В. Николаева так и поступала, поскольку в ее каталоге обычно указывается тип змеевидной композиции по А. С. Орлову.

Ввиду того что классификация А. С. Орлова помещена в редком издании и не проиллюстрирована графической таблицей, целесообразно остановиться на ней подробнее. Для ясности здесь помещается сводная таблица основных разновидностей змеевидных композиций (рис. 1; 2), из которой, в отличие от схемы А. С. Орлова, исключены излишне дробные типологические подразделения и те асимметричные деградированные вариации композиции, которые связаны с единичными памятниками, а в типологическом отношении представляют собой тупиковые формы, не оказавшие влияния на дальнейшую эволюцию типов змеевидной композиции.

Типы I и II по А. С. Орлову («мощный» и «облегченный») — это разновидности наиболее роскошной вензелевидной композиции, для которой характерны плавные извивы змеиных тел, образующие петли (рис. 1, 1). В центре исходного варианта композиции — верхняя часть человеческой фигуры, однако на большей части вариаций представлена только одна человеческая голова. Данный тип змеевидной композиции встречается на змеевиках с изображением архангела Михаила и Богородицы Умиление, а также с парными изображениями святых — Козмы и Дамиана и Бориса и Глеба.

Тип III назван А. С. Орловым «безобразным» (рис. 1, 2). Змеевидная композиция представляет женскую фигуру, ноги которой завершаются извивающимися змеями. В руках фигуры разветвляющиеся змеиные тела. Еще одна пара змей образует собой как бы крылья фигуры. Первая, исходная, версия типа (сопутствуемая изображением Одигитрии на другой стороне) едва ли заслуживает названия «безобразной». Композиция отмечена плавными живописными очертаниями, трактована довольно высоким рельефом. Вторая версия (встречаемая на змеевиках вместе с изображением Крещения) представляет собой огрубленное подражание первой (рис. 1, 3). Она более графична, уплощена, контуры потеряли плавные очертания. Третья, «упадочная», версия трактует человеческую фигуру как бы сидящей по-восточному (рис. 1, 4). Она сдвинута книзу так, что, в отличие от первой и второй версий, голова фигуры помещена не сверху, а в центре композиции. В этом можно видеть влияние других, центрических, типов змеевидной композиции. Наличие среди змеиных плетений в верхней части пересекающихся дуг как будто указывает на влияние на эту версию типа VIII («серповидный сложнопересекающийся»). Данная версия встречается на змеевиках с изображением Богоматери Знамение.

Тип IV — «вензелевидный» — несомненно, происходит от одной из двух версий типа III, хотя иконографически резко отличается от них. Это единственный тип змеевидной композиции, где человеческое туловище образовано змеями (рис. 1, 5). В то же время общая композиция, размещение человеческой головы не в центре, а вверху, расположение змеиных головок вдоль внешнего края композиции, змеиные завершения ног роднят данный тип с типом III. Подобные композиции встречаются на змеевиках, имеющих на другой стороне изображение двух конных святых воинов. Возможно, этот тип змеевидной композиции имеет русское происхождение.

Рис. 1
Основные разновидности змеевидной композиции

1 — тип черниговской гривны (типы I и II по А. С. Орлову); 2 — тип III, «безобразный» (версия 1 по А. С. Орлову); 3 — тип III (версия 2 по А. С. Орлову); 4 — тип III (версия 3, «унаочная», по А. С. Орлову); 5 — тип IV («вензелевидный» по А. С. Орлову); 6 — тип V, «колесовидный сигматический» (версия 3 по А. С. Орлову); 7 — тип V (версия I по А. С. Орлову); 8 — тип V (версия 2 по А. С. Орлову); 9 — тип VIII («серповидный сложнопересекающийся» по А. С. Орлову)

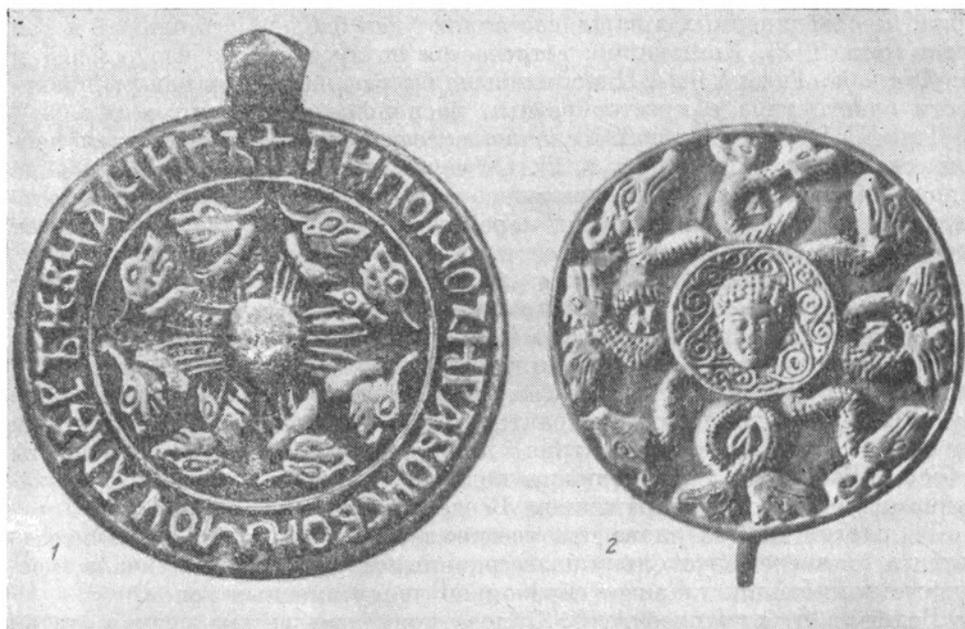

Рис. 2

Разновидности змеевидной композиции по А. С. Орлову

1 — тип VI, «серповидный встречный», версия 2 — тип VII, «серповидный пересекающийся», версия 1

Тип V — «колесовидный сигматический». Композиция центрическая, змеиные туловища радиально расходятся от человеческой головы (рис. 1, 6—8). Змеиные головы обращены в одну сторону, вызывая представление о вращательном движении. Количество змей может варьировать. Подобная композиция встречается на змеевиках с изображением архангела Михаила, Богоматери Умиление, конного св. Георгия и семи спящих отроков эфесских. Разновидность типа с семью змеиными туловищами, раздваивающимися на конце, и с 14 змеиными головами известна на змеевиках с изображением архангела Михаила (рис. 1, 8).

Тип VI назван А. С. Орловым «серповидным встречным». Композиция центрическая, окруженная восемью змеиными туловищами, сгруппированными попарно и расположенными крестообразно (рис. 2, 1). Дугообразный изгиб змеиных туловищ, составляющих пару, обращен выпуклостью к соседнему. Составляющие пару змеиные (драконьи) головы развернуты в разные стороны. Композиция известна на змеевиках с изображением архангела Михаила.

Тип VII — «серповидный пересекающийся». Композиция центрическая, окруженная 12 змеиными туловищами. Из них восемь сгруппированы попарно и расположены крестообразно. В данном случае дугообразные змеиные тела расположены в паре выпуклостью наружу, змеиные шеи в верхней части пересекаются. Четыре извивающихся змеиных туло-

вища, не объединенных в пары, составляют как бы дополнительный крест (рис. 2, 2). Композиция встречается на змеевиках с изображением св. Феодора. Типы VI и VII можно было бы рассматривать как разновидности одного типа с крестообразным расположением змеиных тел.

Тип VIII — «серповидный сложнопересекающийся». Устойчивая центрическая композиция (рис. 1, 9). От человеческой головы вверх и вниз отходит по четыре змеиных туловища, в обе стороны — по два. Боковые пары змей, а также по одной их паре вверху и внизу как бы повторяют схему типа VII. Изнутри верхней и нижней пары змей выходит еще по одной паре, дуги их расходятся в разные стороны и при этом пересекают тела другой пары змей. Иногда, кроме человеческой головы, эта композиция может включать также руки и ноги. Подобная композиция обычна на змеевиках кнотчатой формы. При этом нередко в ее верхней или нижней части появляется миниатюрная фигурка Феодора Тирона, поражающего змея. Подобные композиции характерны для змеевиков с богородичными мотивами (Умиление, Одигитрия, Знамение), изображением Никиты с бесом, Распятия. Разновидность подобной композиции имеется на каменном змеевике с изображением Вседержителя.

Типология А. С. Орлова при всех ее недостатках явилась значительным шагом вперед, поскольку более ранние исследователи различали змеевидные композиции главным образом по числу змеиных голов.

Вслед за публикацией А. С. Орлова появилась весьма ценная статья В. Лесючевского о змеевиках Русского музея⁵⁰, в которой было опубликовано несколько амулетов, имеющих интересные иконографические особенности. В дальнейшем в течение продолжительного времени змеевики привлекали внимание исследователей главным образом как памятники эпиграфики⁵¹.

В 1961 г. к истолкованию змеевидной композиции обратился Г. К. Вагнер⁵². Он полемизирует с исследователями, видящими в этом изображении воплощение злого, демонического начала. Г. К. Вагнер обращает внимание на охранительный и, таким образом, благожелательный характер символики амулетов-змеевиков, на древнюю неоднозначную трактовку образа змея-дракона. Построения Г. К. Вагнера наталкиваются на ряд противоречий по отношению как к значению композиции древнейших византийских змеевиков, так и к позднему русскому переосмыслению значения этой композиции. Истера, как и ее иконографический прототип — Горгона, — бесспорно, демонический, вредоносный образ. На это прямо указывает содержание традиционной греческой заклинательной формулы. Существование этой формулы в славянской версии, а также русские змеевики с надписью «дъна» показывают, что подобная трактовка перешла во всяком случае на часть русских змеевиков. Демонический характер змеевидной композиции не находится в противоречии с охранительным смыслом амулетов-змеевиков. Использование изображений демонических сил в качестве апотропея (в частности, охраняющего именно от изображаемого демона) — обычный магический прием. Изображение демона, знание его имени согласно средневековым представлениям позволяли защищаться от него, приобретать власть над ним. Демоническое значение змеевидной композиции подчеркнуто на тех русских змеевиках, где оно сопровождается сценой борьбы со змеем на другой стороне, и в особен-

ности на тех позднейших змеевиках, где непосредственно рядом со змеевидной композицией изображался поражающий змея Феодор Тирон. Таким образом, устойчивое демоническое значение змеевидной композиции может быть прослежено с древнейших византийских змеевиков до позднейших русских.

В 1972 г. была опубликована статья А. В. Рындиной, посвященная суздальскому змеевика⁵³. Исследовательница подробно анализирует надписи и изображения на амулете, сопоставляет с ними ряд иконок с изображением спящих отроков зфесских. Имя Георгий в надписи на змеевике А. В. Рындина считает одним из христианских имен Мстислава Великого (в источниках в качестве христианского имени этого князя обычно фигурирует Феодор)⁵⁴. Происхождение амулетов-змеевиков А. В. Рындина связывает с представлениями манихеев (богомиллов)⁵⁵. В 1972 г. М. В. Щепкина предложила аргументированное построение, доказывая связь суздальского змеевика с Марией Шварновной, супругой Всеволода Большое Гнездо⁵⁶.

В 1974 г. был опубликован отклик В. Н. Залесской на статью А. В. Рындиной⁵⁷. Исследовательница дает развернутую аргументацию византийского происхождения змеевика. Она указывает на то, что на Руси в рассматриваемое время, по-видимому, не умели резать твердые породы камня. Правда, она тут же высказывает предположение, что славянские надписи на змеевике были сделаны на Руси. Между тем каллиграфические надписи на змеевике, несомненно, резаны профессионалом; если он был русским, следовательно, на Руси владели искусством резьбы по яшме. Далее В. Н. Залесская указывает на то, что как по материалу, так и по иконографии змеевидной композиции (небольшое число змеиных голов) суздальский змеевик ближе к византийским, чем к русским⁵⁸. Эти положения, безусловно, являются сильными аргументами в пользу точки зрения В. Н. Залесской. Возможно, среди вещей с древнерусскими надписями имеются изделия византийских мастеров (ср., например, византийские мозаики Михайловского Златоверхого монастыря со славянскими надписями). Однако до сих пор такая группа не была выделена среди произведений прикладного искусства; наличие славянских надписей служит пока наиболее надежным критерием для различения изделий византийских и древнерусских мастеров. В. Н. Залесская указывает на непосредственную связь византийских амулетов-змеевиков с гностической традицией и в силу этого считает приведенные А. В. Рындиной манихейские параллели неправомерными, поскольку отмеченные А. В. Рындиной черты сходства отражают вторичную переработку наследия гностической традиции. Эти замечания, вполне справедливые, если речь идет о византийских змеевиках, не столь верны, если мы обратимся к русскому материалу. Действительно, генезис византийских змеевиков из гностических амулетов, очевидно, неоспорим. Между тем распространение на Руси амулетов-змеевиков не сопровождалось усвоением литературной традиции и учений гностиков, тогда как богомилская традиция (которую книжники нередко называли манихейской) имела в древней Руси значительное распространение.

В. Н. Залесская склонна принять очень проблематичное предположение А. В. Рындиной о принадлежности змеевика конкретной княжеской

семье. К числу досадных упущений В. Н. Залесской следует отнести ее упоминание на то, что надписи на змеевике сделаны зеркально, из чего она делает вывод, что он мог использоваться для изготовления оттисков⁵⁹. Это — недоразумение, основанное на неправильных (зеркальных) отпечатках фотографий, использованных А. В. Рындиной. Линзовидная форма змеевика совершенно не подходит для роли печати; вообще подобное употребление змеевиков неизвестно.

Помимо специально рассмотренных в данном разделе исследований, в послевоенное время было опубликовано значительное число работ, в которых так или иначе затрагиваются вопросы изучения амулетов-змеевиков. Некоторые из них носят обзорный, ознакомительный характер⁶⁰. Т. В. Николаевой был рассмотрен ряд змеевиков с изображением Феодора Стратилата. Исследовательница высказала предположение, что они были специализированными воинскими амулетами⁶¹. Большинство других работ носит публикационный характер⁶². Отметим изданное А. Я. Брюсовым богатое финно-угорское погребение (по-видимому, шамана) X—XII вв., содержащее змеевики⁶³. Особое значение имеют публикации находок из многослойных стратифицированных памятников, прежде всего работы М. В. Седовой о новгородских находках с точными дендрохронологическими датами⁶⁴.

¹ *Ставроцкий И.* Объяснение черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе, и по другим известным до сего времени и относящимся к тому же роду: Сочинение ординарного профессора Дерптского университета Крузе // ЖМНП. СПб., 1836. № 1—3. С. 348.

² *Каченовский М. Т.* Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой // Вестник Европы. М., 1822. Ч. СХХII, февраль, март и апрель, июль и август, ноябрь. С. 185, 186.

³ *Санглен Я.*, де. О медали, найденной в Чернигове // Тр. и зап. ОИДР. М., 1826. Ч. III, кн. 1. С. 113—120.

⁴ *Калайдович К. Ф.* Русские древности: а) О древних русских медалях // Северный архив: Журнал истории, статистики и путешествий. СПб., 1823. Февраль, № 3. С. 240—242.

⁵ *Берлинский М.* Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Тр. Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822. Ч. XVII. С. 116—119.

⁶ *Анастасевич В.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. СПб., 1821. Ч. VIII, № 18—20. С. 425—442.

⁷ *Нечаев С.* Замечания о старинном медном образе // Тр. и зап. ОИДР. М., 1826. Ч. III, кн. 1. С. 131—136.

⁸ *Евгений [Болговитинов],* митрополит. Замечания о черниговской гривне // Тр. и летописи ОИДР. М., 1833. Ч. VI. С. 121—123.

⁹ *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма в языке, X—XIV вв. СПб., 1882. 2-е изд. С. 40, 41.

¹⁰ *Толстой И. И.* О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб., 1888. Т. III. С. 408, 409.

¹¹ *Дестунис Г. С.* Разбор спорной греческой надписи, изображенной на осьми памятниках // ИРАО. СПб., 1884. Т. X, вып. 1. С. 13, 14; *Он же.* Еще о «змеевиках»: Взгляд на Крузево объяснение греческой надписи, начинающейся со слова *ὁστέρᾱ* // ЗРАО. СПб., 1889. Нов. сер. Т. IV, вып. 2. С. 104.

¹² *Kruze.* Nachtrag zu Herrn D-r Napiersky Beschreibung einer Denkmünze // Dorpater Jahrbücher der Literatur. Dorpat, 1835. Bd V; *Ставроцкий И.* Объяснение черниговской медали. . . С. 336—354.

¹³ *Ставроцкий И.* Объяснение черниговской медали. . . С. 346.

¹⁴ *Эрдман.* Объяснение еще одной медали: [Письмо ординарного профессора Казан-

- ского университета Эрдмана к г. министру народного просвещения] // ЖМНП. СПб., 1836. № 1—3. С. 362.
- ¹⁵ Там же. С. 362.
- ¹⁶ Древности Российского государства. М., 1849. Отд. I. С. 42—45.
- ¹⁷ *Погодин М.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. III, отд. 1: Атлас исторический, географический, археологический с объяснением. С. 22, 23.
- ¹⁸ *Прозоровский Д. И.* О древних медальонах, называемых «змеевиками» // Христианские древности / Изд. под ред. В. Прохорова. СПб., 1877. Кн. 1. С. 1—46. Табл. I—XIX.
- ¹⁹ Христианские древности и археология: Ежемесячный журнал, издаваемый В. Прохоровым. СПб., 1862. Кн. 5.
- ²⁰ *Дестунис Г. С.* Разбор спорной греческой надписи. С. 2.
- ²¹ Там же. С. 8, 9.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ Там же. С. 11—13.
- ²⁴ *Дестунис Г. С.* Еще о «змеевиках». С. 104.
- ²⁵ Там же. С. 109, 110.
- ²⁶ *Толстой И. И.* О русских амулетах. С. 406.
- ²⁷ Там же. С. 407.
- ²⁸ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. III. С. 418.
- ²⁹ *Толстой И. И.* О русских амулетах. С. 407.
- ³⁰ *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Тр. Музея палеографии. Л., 1928. Вып. 1. С. 127.
- ³¹ *Соколов М. И.* Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. СПб., 1889. № 6. С. 339—368.
- ³² *Соколов М. И.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Тр. славянской комиссии МАО. М., 1895. Т. I. С. 134—202.
- ³³ *Соколов М. И.* Апокрифический материал. С. 340.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. СПб., 1883. Вып. VI—X. С. 89—96; *Он же.* Заметки по истории апокрифов // ЖМНП. СПб., 1886. № 6. С. 289—293; *Мансветов И. Д.* Византийский материал для сказания о двенадцати трясовицах // Древности: Тр. МАО. М., 1881. Т. IX, вып. 1.
- ³⁶ *Соколов М. И.* Апокрифический материал. С. 343.
- ³⁷ Там же. С. 345.
- ³⁸ Там же. С. 349.
- ³⁹ *Соколов М. И.* Новый материал. С. 135—202.
- ⁴⁰ Там же. С. 134.
- ⁴¹ *Толстой И. И.* Отзыв действительного члена графа И. И. Толстого о сочинении М. И. Соколова «Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками» // ЗРАО, 1898. Т. X, вып. 1/2. С. XXXIV—XXXVII.
- ⁴² *Петров Н. И.* О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // АИЗ. М., 1898. Т. VI, № 5/6. С. 157—163.
- ⁴³ *Толстой И. И.* О русских амулетах. С. 379.
- ⁴⁴ *Петров Н. И.* О некоторых змеевиках. С. 158.
- ⁴⁵ *Даль Л. В.* Заметка о медных гривнах XII в. // Древности: Тр. МАО. М., 1874. Т. I, вып. 1. С. 74—76.
- ⁴⁶ *Щепкин В. Н.* Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губернии // АИЗ. М., 1898. Т. VI. С. 132, 133.
- ⁴⁷ *Ляцкий Е.* К вопросу о заговорах от трясовиц // Этнографическое обозрение. М., 1893, № 4. С. 124.
- ⁴⁸ *Орлов А. С.* Амулеты-«змеевики» Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926.
- ⁴⁹ Там же. С. 13—26.
- ⁵⁰ *Лесючевский В.* Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1.
- ⁵¹ *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. // САИ. М., 1964. Вып. Е1-44. С. 19, 20, 44.
- ⁵² *Вагнер Г. К.* О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. М., 1961. Вып. 85.

- ⁵³ *Рындина А. В.* Суздальский змеевик: // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
- ⁵⁴ Там же. С. 220—223.
- ⁵⁵ Там же. С. 229—232.
- ⁵⁶ *Шепкина М. В.* О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 74—80.
- ⁵⁷ *Залеская В. Н.* К вопросу об атрибуции суздальского змеевика: В связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик» // ВВ. М., 1974. Т. 36.
- ⁵⁸ Там же. С. 185.
- ⁵⁹ Там же. С. 188. Ср.: *Рындина А. В.* Суздальский змеевик. Рис. на с. 218.
- ⁶⁰ *Куза А. В.* Золотая гривна Мономаха // Наука и религия. 1966. № 8; *Бланков Ж.* О двоверии и амулетах-змеевиках // Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973; *Blankoff J.* A propos d'une amulette zmeevik du musée de Vologda // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire slave à l'Université de Bruxelles. Bruxelles, 1972. Т. XX. Отметим также новейшие работы, появившиеся в то время, когда эта книга уже готовилась к печати: *Велецкая Н. Н.* О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М., 1988; *Боровский Я. Е.* О змеевидной композиции черниговской гривны // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тез. докл. Чернигов, 1988.
- ⁶¹ *Николаева Т. В.* Змеевики с изображением Феодора Стратилата как филактерии преимущественно для воинов // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
- ⁶² Помимо публикаций советских археологов, следует иметь в виду также каталоги некоторых зарубежных собраний: Collection de Me Maréchal: Catalogue. Paris, 1966. N 411—416; Russian ecclesiastical art: A descriptive catalogue of the de Savitsch collection / Compiled by Nathalie Scheffer. Washington, D. C., 1951. P. 51. Pl. 25.
- ⁶³ *Брюсов А. Я.* Финское погребение X—XI вв. в д. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. // КСИА. М., 1969. Вып. 120.
- ⁶⁴ *Седова М. В.* Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси. М., 1966. Она же. Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М., 1981. С. 65—69.

Глава вторая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ИКОНОГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

Древнерусские амулеты-змеевики являются довольно частыми археологическими находками на древних городищах и, потерянные владельцами, в случайных местах. Количество этих находок за последние 200 лет накопилось большое, и вряд ли все их в настоящее время можно учесть, так как некоторые находки не публиковались и, может быть, даже не упоминались в литературе, другие были снова утеряны, хотя о них имеются сведения в периодической печати. В XIX в. находимые случайно змеевики попадали прежде всего в частные коллекции. Так были созданы собрания Д. И. Прозоровского, А. А. Бобринского, И. И. Толстого, М. П. Погодина, Б. И. и В. Н. Ханенко, В. В. Тарновского и др. Наиболее ценные золотые экземпляры были переданы в Эрмитаж и в Минц-Кабинет Казанского университета. Большинство этих собранных в XIX в. экземпляров не имеет никаких научных паспортов, за исключением разве только указаний на топографические ориентиры находок: Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород, Казань, Рязань, Белгородка, Вятская губерния, Куликово поле.

Благодаря тому, что ученой общественностью уделялось большое внимание знаменитой черниговской гривне, найденной в 1821 г., дискуссии о которой широко освещались в печати на протяжении XIX в., находки других змеевиков также публиковались, и их старались приобрести в свои собрания наиболее ретивые коллекционеры. Но эта погоня за редкими и мало еще понятными вещами породила и много подделок, которые отливали по старым образцам, не говоря уже о том, что с редких золотых образцов для различных Археологических обществ делались местные гальваноконии (например, с казанской находки) и их копии попадали в большие собрания А. С. Уварова, П. И. Щукина, Румянцевский музей и другие хранилища, еще более затрудняя их научное определение. В настоящее время наибольшее количество змеевиков хранится в ГИМ, ГЭ, ГРМ, ГТГ, ЗИХМЗ, а также в музеях Новгорода, Киева, Чернигова, Смоленска, Вологды, Рязани, Казани, Новгорода Северского и в других местах. Некоторые змеевики хранятся в частных руках. Большинство провинциальных музеев не имеет никаких каталогов или просто справочников о составе своих коллекций, и те змеевики, которые могут храниться там, для нас остаются пока неизвестными.

Большое количество змеевиков было найдено в советское время при археологических раскопках древних городов. На эти находки уже имеется научная документация, определяющая прежде всего их топографию, а в некоторых случаях — и указания на стратиграфию, что очень важно для датирования произведений и их аналогий коллекционного происхождения. Эти находки, во-первых, дают возможность картографировать определенные типы змеевиков и, во-вторых, определить время их возник-

новения. Многие типы змеевиков бытовали очень долго, и время их бытования определяется от возникновения наиболее древних образцов до появления отливок с поздними эпиграфическими признаками. Некоторые змеевики, сделанные в XVIII в., доживают до XX в., и до сих пор их можно видеть в божницах старожилов. Именно эти экземпляры, имеющие научные паспорта, и позволяют разобраться в многочисленных старых коллекциях, распределяя змеевики по определенным типам.

Первая попытка создать типологию змеевиков была сделана А. С. Орловым на примере одного собрания ГИМ. На наш взгляд, эта попытка была неудачной, так как за основу была взята змеиная композиция, т. е. оборотная сторона вещи, что не определяет ни символики змеевиков, ни их датировки, ни сферы распространения. Пользоваться такой типологией для практических целей очень трудно, тем более что свой текст А. С. Орлов не снабдил иллюстрациями, а ограничился лишь ссылками на издания, которые нужно разыскивать по старым, малодоступным книгам. По работе А. С. Орлова можно лишь представить состав собрания ГИМ, так как в ней приводятся номера вещей и указывается, из какой коллекции поступила вещь. Заслугой А. С. Орлова является то, что он сумел отделить оригинальные экземпляры от подделок XIX в.

Составляя типологию змеевиков, Т. В. Николаева взяла за основу лицевую сторону с христианским изображением, которой, как правило, соответствует и определенная змеиная композиция. Символика змеевика и его функциональное назначение зависели именно от изображения на лицевой стороне. Количество иконографических разновидностей, определяемых лицевым изображением, оказалось не так велико (около 30). Каждый тип змеевиков представлен на таблицах, где помещены наиболее характерные и хорошо аннотированные экземпляры данного типа. Описания змеевиков даются по иконографическим типам. За основу берется лучший по сохранности экземпляр ранней отливки, и к этому описанию даются все известные указания на литературу, где публиковались подобные экземпляры, или на музейные собрания, где они хранятся. При этом указываются новые детали изображений, появившиеся в более поздних отливках данного типа. Описывать змеевики поштучно не имеет смысла, так как многие экземпляры отливались по одной и той же литейной форме и они совершенно идентичны. Но Т. В. Николаева стремилась по возможности указывать на все известные экземпляры данного типа.

Таким образом, змеевики систематизируются по иконографическому изображению лицевой стороны. Они группируются следующим образом: 1. Змеевики с изображением архангела Михаила. В настоящее время известно пять типов змеевиков с архангелом Михаилом, которые датируются XI—XIV вв. Это змеевики, отлитые в разных литейных формах и различающиеся по иконографии, но имеющие одинаковое функциональное назначение, определяемое символикой иконографического изображения. Датируются эти змеевики по эпиграфическим и стратиграфическим признакам XI—XIII вв. Два из этих типов с надписью ΕΦΡΟΣΥΝ связаны только с Новгородом, а остальные три — с Киевом и Южной Русью. 2. Змеевики с изображением Богоматери Умиление с младенцем на правой руке (тип древней Владимирской иконы). Они известны с XII в. и доживают до XIV—XV вв. Это наиболее распространенный тип змеевиков,

представленный многочисленными экземплярами. Известно несколько типов данного извода: круглые и крестчатые. Последние появляются с XIII в. 3. Змеевики с изображением Богоматери с младенцем на правой руке (извод древней Федоровской иконы). Появляются они с конца XIII в. и доживают до XVII в. Этот иконографический вариант Богоматери чаще встречается на крестчатых средниках триптихов с изображением змеиной композиции в круге на обороте крестца и надписями около круга. 4. Змеевики с изображением Богоматери с младенцем на левой руке (извод Одигитрии или Тихвинской). Этот вариант змеевиков сравнительно поздний, возникает где-то в XIV в. и доживает, по-видимому, до XVIII в. Он представлен несколькими типами круглых и крестчатых экземпляров. 5. Змеевики с изображением Богоматери Знамение. Представлены двумя типами: один — с треугольным орнаментом по краю, другой — с кольцевой надписью. Появляется первый тип в XIII в., а второй — в XII в. Известны в многочисленных экземплярах и связаны, видимо, только с Новгородом. На юге Руси подобные змеевики не встречались. 6. Змеевики с изображением Крещения. Представлены двумя типами. Появляются не раньше XIII в. и доживают, по-видимому, до XV в. Характерны в основном для среднерусской группы произведений. 7. Змеевики с изображением двух конных воинов (Феодора Стратилата и Георгия). Представлены двумя типами. Появляются в XIII в. и наиболее характерны для XIV в. 8. Змеевики с изображением конного Георгия. Представлены двумя типами XIV в. Один из них связан с Новгородом. 9. Змеевики с изображением Феодора Стратилата в рост. Представлены двумя типами в немногочисленных экземплярах, наиболее ранние из которых относятся к концу XII в. 10. Змеевики с изображением Никиты с бесом. Они известны в двух типах: небольшие восьмигранные и в форме крестцов с изображением на обороте змеиного гнезда в круге и фигуры Феодора Тирона, втыкающего копьё в пасть змея. Первый тип, по-видимому более ранний, известен с XIII в. Второй — более поздний, бытует с XIV по XVII в. 11. Змеевики с изображением Козмы и Дамиана представлены одной иконографической схемой, но выполнены в разных и разновременных отливках. Появляются с XIII в. Характерны в основном для Украины, где найдены в Новгороде-Северском, на Полтавщине и Черниговщине, на Княжей Горе, в Вышгороде. По-видимому, этот тип змеевиков связан с фольклором Козмо-Дамианского цикла, записанным в тех же местах Украины.

К этим змеевикам нужно отнести один необычный экземпляр из старых коллекций Тверского музея с изображением на лицевой стороне не двух, а одного святого. Возможно, что здесь мы встречаемся с отражением народного апокрифа о богатыре-змееборце Козме-Дамиане, объединенном в одном лице. Во всяком случае это должен быть змееборец и целитель.

12. Змеевики с изображением Бориса и Глеба. Появляются, по-видимому, в XIII в., известны в немногочисленных экземплярах и все связаны с Южной Русью. Этот тип возник вслед за змеевиками с Козмой и Дамианом, так как змееборческие легенды, связанные с ними, были перенесены в фольклоре на Бориса и Глеба. По житийным преданиям Борис и Глеб не считались змееборцами, но почитались как целители. Иконографически змеевики с Борисом и Глебом больше похожи на иконки с Константином и Еленой. 13. Змеевики с изображением Распятia. Представ-

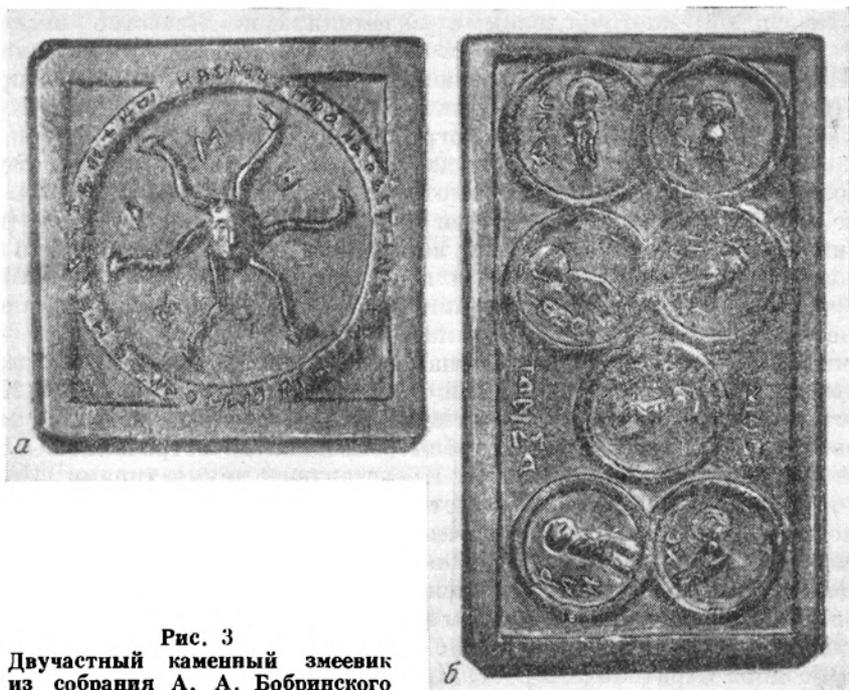

Рис. 3
Двучастный каменный змеевик
из собрания А. А. Бобринского

лены двумя типами: круглые монетовидные и в виде иконки с закругленным верхом и оттиснутой на обороте композицией готового киотчатого змеевика с Феодором Тироном.

Что же касается иконографических вариантов змеиного гнезда на оборотной стороне змеевиков, то они изменяются с появлением нового иконографического изображения на лицевой стороне. Иногда один и тот же вариант змеевидной композиции может сочетаться с различными христианскими изображениями на лицевой стороне.

Змеевики из камня не были распространены на Руси и известны только в трех экземплярах: 1) суздальский змеевик из яшмы с изображением семи отроков эфесских; 2) змеевик из яшмы в золотой оправе с изображением Спаса на престоле из ризницы Троице-Сергиевой лавры; 3) змеевик, состоящий из двух камней (песчаник), с изображением семи спящих отроков из собрания А. А. Бобринского (рис. 3).

Ониксы с греческими надписями, опубликованные И. И. Толстым, несомненно византийского происхождения, в наш свод не включены.

* * *

Змеевидная композиция, как и сам тип амулета-змеевика, имеет византийские истоки (см. ниже табл. XX). Устойчивая основа всех разновидностей змеевидной композиции — человеческая голова, окруженная змеями, несомненно, представляет собой результат иконографического развития популярного античного мотива — головы Горгоны Медузы, имевшей,

так же как и средневековая змеевидная композиция, талисманический характер, причем в обоих случаях изображенный персонаж трактовался как демонический, наделенный вредоносной силой.

Изображения головы Горгоны Медузы в античном искусстве нередки, в частности, их много на перстнях-печатах. Отметим, что на позднеантичных геммах изображение Горгоны Медузы могло носить характер оберега от болезней, т. е. исполнять ту же функцию, что и позднейшая змеевидная композиция. Так, на гемме II—III вв. н. э. с изображением Персея, несущего голову Медузы, имеется надпись: «Беги, подагра, тебя преследует Персей»¹. Изображения головы Горгоны встречаются и на монетах (например, архаические медные монеты Ольвии)². Нередко головы Медузы изображались как украшения воинских панцирей или щитов; в таком случае они представляли собой амулеты, вредоносное действие которых было направлено против врагов владельцев доспехов³. Панцири с подобными изображениями представлены в ранневизантийском искусстве (резная кость)⁴. Эти изображения указывают на один из путей, по которым античная иконография Горгоны Медузы могла переходить в искусство эпохи средних веков.

В византийском сатирическом диалоге X в. «Патриот или поучаемый» содержатся любопытные данные о том, какие представления связывались с Горгоной, а также с амулетами, изображающими ее голову.

Триефонт: Ответ, друг мой, что за польза от Горгоны, и для чего богиня (Афина) носит ее на груди?

Критий: Для устрашения и для отвращения опасностей; Афина с ее помощью вселяет во врагов ужас и клонит победу, куда пожелает.

Триефонт: Так значит, Совеокая (Афина) необорима только благодаря Горгоне?

Критий: Конечно!

Триефонт: А почему же тогда мы, желая стать непобедимыми, подобно Афине, сжигаем бедра быков и коз не Горгоне-избавительнице, а богам, которым она дарует силу?

Критий: Горгона, Триефонт, не может, подобно богам, оказывать помощь издалека, но хранит только того, кто носит ее на себе»⁵.

Здесь содержится ясное указание на принадлежность Горгоны к низшим мифологическим персонажам: отмечено и то, что амулет с ее изображением действует только тогда, когда он находится на владельце, и то, какое воздействие приписывалось голове Горгоны. Приведенный текст демонстрирует очень конкретный, утилитарный, близкий простонародному взгляд на амулет. Столь длительное сохранение представлений о магическом значении головы Горгоны свидетельствует о том, что эволюция этого мотива в змеевидную композицию, вполне вероятно, носила характер непосредственной и органичной преемственности. Все же следует учитывать то обстоятельство, что сатирический диалог — произведение образованного книжника, знакомого с античной мифологией. Поэтому его представления не могут быть безоговорочно перенесены на ту малообразованную среду, в которой бытовали ранние византийские амулеты-змеевики.

Отметим, что миф о Горгоне Медузе, в частности, о победе над ней Персея и о чудесных свойствах ее отрубленной головы, не был забыт средневековыми книжниками и миниатюристами. Так, известна византийская

миниатюра XII в., представляющая убийство Медузы Персеем⁶. Медуза имеет вид сирены с змеиным хвостом; специфика ее волос не выявлена. В одной руке Медуза держит змею (обычный в средневековом, в том числе и древнерусском, искусстве атрибут отрицательных персонажей). Данный мифологический образ проник даже в персидскую миниатюру, где Горгона Медуза имеет облик рогатого четвероногого с хвостом, завершающимся змеиной головой (демоническая черта)⁷. Эти примеры показывают, сколь неустойчивым оказывается облик персонажей античной мифологии в интерпретации средневековых мастеров. Приемственность иконографии змеевидной композиции, требующая в этой связи какого-то объяснения, обусловлена не устойчивостью связывавшихся с нею мифологических представлений, а спецификой и весьма ограниченной сферой применения самих амулетов-змеевиков. Здесь же можно отметить, что в западноевропейском средневековом искусстве чрезвычайно многочисленны чудовищные демонические образы, названия которых восходят к греческому Γοργώ (Gorgouille и т. п.), причем их иконография, как правило, не имеет ничего общего с классической Медузой⁸. В то же время встречаются и более традиционные западноевропейские изображения голов Медузы (в частности, на астрономо-астрологических миниатюрах)⁹. Древнерусские изображения Горгоны Медузы и мифа о ее убийстве рассмотрены ниже.

На византийских амулетах-змеевиках изображения человеческой головы в окружении змеиных голов утрачивают связь с Горгоной Медузой, и этот персонаж фигурирует под названием «ὄστέρρα» (это название нередко присутствует на сопровождающих изображение надписях). Образы Горгоны Медузы и ὄστέρρα могли сближаться, так как в обоих случаях речь идет о демонических существах женского пола, наделенных исключительной вредоносной силой. Смещение образов, сходных по своему характеру, обычно в истории развития религии и суеверий. Оно особенно характерно для средневековых народных верований.

Византийские прототипы древнерусских амулетов-змеевиков известны как каменные (табл. XX, 1—5), так и металлические (табл. V, 1; VI, 4; XX, 6)¹⁰. Каменные, по-видимому древнейшие, нередко несут на себе только одно изображение — змеевидную композицию, а на обороте — только надпись (табл. XX, 1, 2), и тем отличаются от древнерусских, всегда имеющих на одной из сторон христианское изображение. Впрочем, известен и византийский каменный змеевик с набором изображений, тождественных русским, — со святым на одной из сторон (табл. XX, 3)¹¹. Надписи на византийских каменных змеевиках могут содержать обычную заклинательную формулу, причем она иногда сопровождает змеевидную композицию, а иногда располагается на другой стороне. Как и русские змеевики, византийские могут нести греческие молитвенные надписи типа «Свят, свят, свят. . .» и «Богородице, помози. . . (указание имени)». Исходные иконографические вариации змеевидной композиции также встречаются на византийских каменных змеевиках. Это тип V «колесовидный сигматический» (в виде сегнерова колеса; табл. XX, 1, 3), тип VIII «серповидный сложнопересекающийся» (табл. XX, 2). Роскошная иконография змеевидной композиции черниговской гривны (тип I, «мощный» по А. С. Орлову) с характерными плавными изгибами и петлями может быть понята как усложнение более простой, для которой характерны

змеи, извивающиеся наподобие прописных рукописных Е и З, также известной по каменным змеевикам греческого происхождения (табл. XX, 5)¹². Отметим змеевидную композицию, приближающуюся к имеющейся на черниговской гривне, на литом змеевике также, по-видимому, византийского происхождения. В отличие от русских змеевиков, имеющих сходный тип реверса со змеевидной композицией, этот змеевик лишен христианского изображения на лицевой стороне (табл. VI, 4). Вместо него помещена греческая многострочная надпись (заклинательная формула). На византийское происхождение змеевика указывает и правильное греческое написание имени заказчицы — Εἰρήνη (ср. русск. Ирина)¹³.

Конкретные истоки типа змеевидной композиции, который А. С. Орлов назвал «безобразным», неизвестны, но представляется, что и в этом случае следует предполагать византийский источник. В пользу этого говорят строгая симметрия и сложность композиции, гармония округлых плавных линий, своего рода живописность рисунка, и в то же время объемная, скульптурная, трактовка образа.

Преемственность между античными талисманами, украшенными изображениями Горгоны Медузы, и византийскими змеевиками пока не прослежена во всех деталях. По-видимому, здесь следует особенно подчеркнуть наличие изображений головы Медузы (как одной, так и в сопровождении других персонажей) на ряде так называемых гностических гемм¹⁴. Эти резные камни, служившие талисманами, отражают греко-восточные (преимущественно греко-египетские, в ряде случаев с примесью иудейского и раннехристианского элементов) синкретические культы. Гностические геммы могут нести еще одно, довольно популярное на них изображение, имеющее прямое отношение к мифологическому персонажу, представленному на греческих и русских змеевиках. Это несколько схематизированное изображение женской матки, которое бывает единственным изображением на гностических геммах или входит в состав довольно сложных композиций¹⁵. Наименование демона, представляемого в виде змеевидной композиции, как греческое (δστέρα), так и древнерусское (дѣна), имеет то же самое значение, хотя как имя демона оно могло в то же время пониматься более широко. Вопрос о том, когда и как мифологический образ Медузы стал ассоциироваться или смешиваться с данным популярным у гностиков символом женского пола, может быть решен с помощью филологов-классиков или византинистов.

Гностические истоки змеевидной композиции и связанных с нею поверий кратко, но концентрированно указаны в статье В. Н. Залесской. Особое значение исследовательница уделила известному памятнику византийской магической литературы — Testamentum Solomonis¹⁶. Этот текст повествует о власти библейского царя Соломона над демонами и содержит, в частности, перечисление и описание многочисленных демонов. Среди них имеется персонаж, который может быть сближен с иконографией змеевидной композиции. Этого демона женского пола характеризуют множественность обликов и неопределенность образа («тысяча имен и много образов»). Упоминаются головы различных животных, которыми завершаются все члены его тела, а также распущенные волосы (о значении последней черты см. ниже). Соломон приказал связать демону волосы и повесить его перед храмом¹⁷. Популярный в охранительной магии разных

народов мотив «связанного дьявола» (ср. также Апокалипсис, 20, 2, 3) здесь осложнен такой специфической чертой, как связанные волосы. Последняя черта известна в русском заклинании от «дъны», тождественной «истер» греческих надписей на змеевиках («власы и ногты связана от трех ангел») ¹⁸.

Обращаясь к вопросу о литературных параллелях персонажу, которого изображает змеевидная композиция, нельзя пройти мимо приведенного М. И. Соколовым описания возбуждающего болезни демона в поздней греческой рукописи XVIII в. Этот демон, направляющийся «есть кости человека и тело его сокрушать», назван «авра черная почерная, волосатая голова» ¹⁹. Здесь слова «черная почерная» восходят к заговорному тексту амулетов-змеевиков, а «волосатая голова» — к иконографии змеевидной композиции и головы Горгоны (о связи символики волос в виде змей с вздыбленными и распушенными волосами см. ниже). Слово «авра» (αβρα), по-видимому, указывает на гностические истоки образа (известный змееносный персонаж гностической глиптики обычно сопровождается надписями «Абрасакс» или «Абраксас»).

Помимо черт Горгоны Медузы, демонический персонаж, представленный на змеевиках, мог наделяться также иными иконографическими чертами. К ним прежде всего относятся образы с человеческим торсом и «змеиными» ногами (табл. X, 1—3; XIII). Такая черта уже не находит себе аналогий в традиционной античной иконографии Горгоны и заставляет вспомнить об иных персонажах древнегреческой мифологии — гигантах. Отметим, что «змеиные» ноги, так же как и змееобразные волосы, — черты в принципе одного порядка, связанные с представлением о змее как опасном, демоническом существе. Так, на византийской миниатюре Горгона Медуза изображена с нижней частью тела в виде хвоста змеи. В средние века мотив «змеиных» ног, помимо классической иконографии гигантов, мог питаться еще из одного источника — образов так называемой гностической глиптики. Один из самых популярных мотивов гностических гемм — божество со «змеиными» ногами и головой петуха (или, реже, иного животного) ²⁰. Подобные геммы использовались в продолжение всего средневековья, и их оттиски встречаются, в частности, при русских документах XV—XVI вв. (табл. XXI, 4) ²¹.

Змеи в руках демонического персонажа — черта, встречающаяся на некоторых древнегреческих изображениях Горгоны Медузы; змея в руке представлена и на византийской миниатюре XII в., изображающей убийство Горгоны.

Разновидность иконографии змеевидной композиции — человеческая фигура, завершающаяся двумя змеиными туловищами, — может также рассматриваться как одна из модификаций образа сирены (сирена). Последняя в средневековом искусстве фигурирует в разных обликах — с телом или хвостом птицы, рыбы или змеи ²². Сирены с рыбьим или змеиным завершением туловища нередко изображались с раздвоенным хвостом ²³. Человеческая протема, завершающаяся змеиным хвостом, представлена в древнерусской миниатюре конца XV—начала XVI в., где таким образом изображалась ехидна ²⁴. Все упомянутые выше персонажи с чертами человека и змеи, несомненно, рассматривались в средние века как представители темных, демонических сил. Персонаж, имеющий змеиное

туловище, завязанное узлом, и крылья, держащий в руке змею, встречается в прикладном искусстве конца XV в. (резная кость, литье)²⁵. Это персонаж бесспорно мужского пола. По-видимому, с его иконографией связаны популярные в новгородской резной кости образы крылатых русалок, также с завязанным хвостом, держащих в руке рог для питья (парный женский образ?)²⁶.

Вопрос о том, какое место занимает змеевидная композиция в ряду образов древнерусской иконографии, имеет немаловажное значение. Дело в том, что перед нами образ, с одной стороны, достаточно популярный, и с другой — фактически не находящий себе близких аналогий вне пределов чрезвычайно специфической группы памятников — амулетов-змеевиков. Можно было бы попытаться объяснить это обстоятельство тем, что амулет-змеевик рассматривался на Руси как нечто экзотическое (или сделанное по экзотическому образцу), имеющееся на нем изображение воспринималось и ценилось как загадочное и в силу этого ни в какой мере не подвергалось русификации и не вводилось в общий арсенал образов древнерусского искусства. Действительно, ряд распространенных типов змеевидных композиций отмечен яркими чертами нерусского происхождения и имеет ближайшие византийские аналоги. Греческая заклинательная формула, относящаяся к данному изображению и многократно повторенная на русских змеевиках, никогда не дается на амулетах в славянском переводе. По-видимому, доля истины в подобных предположениях есть: ссылки на экзотический, зачастую непонятный источник — обычное явление в сфере средневековых суеверий и связанных с ними магических талисманов и амулетов. Тем не менее, в такую характеристику змеевиков следует внести некоторые «смягчающие» коррективы. Учитывая чрезвычайную популярность амулета и сферу его применения, мы должны попытаться связать его с тем культурным пластом, где книжные, в том числе инокультурные, элементы находятся в ближайшем контакте с народными, фольклоризирующими. Змеевидная композиция должна быть поставлена в какую-то связь с собственно русской традицией, как литературной (устной и письменной), так и изобразительной.

Конкретные наблюдения над иконографией и надписями на русских амулетах-змеевиках показывают, что в ряде случаев исходное значение демонического образа на амулетах и связанный с ним мифологический мотив усваивались на Руси достаточно полно, хотя, конечно, наряду с этим могли иметь место как забвение изначального смысла змеевидной композиции, так и ее позднейшее переосмысление.

Змеевидная композиция на византийских и значительной части русских амулетов сопровождается надписью, содержащей греческую заклинательную формулу (заговор). Этот заговор включает и название изображаемого демона. Судя по надписям, демон, изображаемый на амулетах, уже не назывался Горгоной; очевидно, и связь с мифом о ней была утрачена. Надписи на змеевиках называют демона «истера». Точный перевод этого греческого слова — «матка» (uterus). В данном случае это слово имеет также более широкое значение — внутренность, утроба, ее болезни и вызывающий их демон. Очевидно, имеется в виду болезнетворный демон женского пола, часто фигурирующий в апокрифических текстах и связанных с ними заговорах.

Реконструируемая заговорная формула, обычно неполная и искаженная на змеевиках, читается в переводе следующим образом: «Матка чернотю чернеющая (ср. русск.: черная-пречерная), как змея, извивалась, как дракон, шипела, и как лев, рычала, и как агнец, была в ужасе». Подразумевается завершение типа «...когда ее поразила божественная сила (или кто-то из святых)»²⁷. Отметим, что эта заговорная формула до сих пор не была найдена в славянском переводе ни на одном змеевике, хотя амулеты русского происхождения с подобной греческой надписью многочисленны.

Вместе с тем текстуально сходные заговоры в славянской письменности известны. Греческое слово «истеря» в них обычно переводится на славянский как «дъна» (слово, в старинных лечебниках обозначающее матку). Как и «истеря» в греческой версии, славянское слово «дъна» имело широкий круг значений, в том числе болезнь и вызывающий ее демон. В русской рукописи XV в. читаем: «Дна. аky молнииу подобству подобящися скорость имеет и во все входит и горе, и долу, и в жилы, и в члены, и в кости»²⁸. В Ипатьевской летописи встречается выражение «дна есть подступила», где «дна» обозначает «смерть», «конец»²⁹.

Молитва от «дны» в славянской версии читается следующим образом: «Во имя отца и сына и святого духа. Дно люта бо еси прелюта, простерта еси по вся уды человеческиа, спи яко агня младо аспидово, проклята еси и треклята еси отцом и сыном и святым духом». Вариант: «Червленная и черная, власы и ногти связана от трех ангел, что рыкаеши яко лев, яко вол яциши, яко козлище зыграеши». Известны славянские варианты этой заговорной формулы, в которых вместо слова «дна» фигурируют слова «желудок» (очевидно, в значении «утроба») и «пуш».

Важно, что в славянских версиях заговорной формулы рассматриваемый демон, как и в исходном греческом тексте, характеризуется полиморфизмом, чертами оборотня, могущего приобретать облик различных существ. Демон женского пола, насылающий болезни («бесица»), наделен сходными чертами и в одной югославянской рукописи («яко медведица, и яко голубица, и яко змия, и яко кокошь») ³⁰.

О том, что змеевидная композиция на Руси связывалась именно с этим комплексом представлений, свидетельствует существование змеевиков, на которых изображение сопровождается надписью «дъна» (XII в.; табл. XV, 1—3). Хотя на сохранившихся древнерусских змеевиках отсутствуют достоверные славянские надписи с заговорной формулой от «дны», не исключено, что такие змеевики все же существовали. Так, на змеевике с изображением Бориса и Глеба (табл. XVII, 3) А. С. Орлов читает остатки надписи как «...ния дъна...»³¹, возможно, остаток подобной формулы. На одном из змеевиков с изображением архангела Михаила вокруг змеевидной композиции, там, где обычно бывает греческий заговор против «истеры», имеется неразборчивая надпись, в начале которой читаются буквы «ДОН» (дон-дън; табл. III, 3); на змеевике с изображением Богоматери Знамение — «В ДОН» (последняя буква, возможно, И; табл. XII, 1, 2). Н. И. Петров упоминает змеевик с надписью «ст Михаиле велики, прожени ты человек[а] впадину»³², где «впадина», очевидно, соответствует «дне». Так или иначе, можно констатировать, что мифологический мотив, отразившийся в греческой надписи на змеевиках, не только был

известен в славянской письменности, но в ряде случаев прямо связывался со змеевидной композицией.

Сочетание христианского и языческого мотивов на русских амулетах-змеевиках, очевидно, осмыслялось в духе славянского «основного мифа» (в той самой общей его форме, в какой он известен также всем древним индоевропейским религиям и христианству)³³. Его содержание — борьба бога-громовника с его противником (нередко принимавшим облик змея). При этом на лицевой стороне змеевиков обычны святые, могущие замещать громовержца в этом мифологическом мотиве. Это прежде всего типичный для древнейших змеевиков архангел Михаил, предстающий в Апокалипсисе (12, 7—9) победителем «великого дракона, древнего змия, называемого диаволом и сатаной», святые змеборцы Георгий и Феодор. Обычная на змеевиках формула «Свят, свят, свят господь Саваоф. .» (Исайя, 6, 3) указывает, что в роли антагониста змеевидного демона мог выступать также Саваоф.

Оппозиция змеевидной композиции и ее христианского противника первоначально выражалась в расположении соответствующих изображений на разных сторонах амулета. В дальнейшем идея борьбы со злым началом приобретает более конкретное выражение в иконографии. Появляются изображения Михаила (табл. I, 3, 4; II, 1) и Георгия (табл. XIV, 3, 4), поражающих змия, позднее — Никиты, побивающего беса (табл. XVIII, 4—6). В XIV—XV вв. идея змеборчества получает развитие также на оборотной стороне амулетов, заполненной в основном змеевидной композицией. Рядом с ней появляется небольшая фигурка Феодора Тирона, поражающего змея (табл. IX, 3—5; XI, 1—4; XVIII, 3, 5). Отдельный змей, несомненно, воплощает ту же идею зла, что и те, которые входят в состав змеевидной композиции. Эта связь наглядно выражена на наиболее поздних змеевиках, где Феодор поражает змея не просто рядом со змеевидной композицией, а сквозь верхнюю пару составляющих ее змей (табл. X, 4).

Распространение амулетов, на которых рядом со змеевидной композицией находится сцена борьбы Феодора со змеем, в ряде случаев сопровождается трансформацией представлений о значении основной композиции. Рядом со змеевидной композицией появляются надписи, которые следует читать как «мати Федора Тирона» (табл. IX, 4; XVIII, 5), указывающие на то, что человеческая голова в центре композиции стала пониматься как голова матери Феодора Тирона, томящейся в плену у дракона в змеином гнезде. Смена мифологического мотива, с которым связана змеевидная композиция, не привела, однако, к изменению ее общей трактовки как демонической. Хоть связь с культом популярного святого придает этой разновидности змеевидной композиции христианизированный характер, она тем не менее остается неканонической. Чудо Феодора Тирона, освобождающего свою мать от змея, относится к кругу отреченных книг, внесенных духовенством в запретительные индексы³⁴. Таким образом, змеевидная композиция сохраняет свою исконную связь с миром апокрифов и неортодоксальных полуязыческих верований.

В греческом заклинании против «истеры», как уже говорилось, этот демон выступает в обличи разных животных. Представления об оборотничестве, широко распространенные на Руси, относятся к кругу весьма

архаичных народных верований. Можно вспомнить архаичную былинку о князе-оборотне Волхе Всеславьевиче³⁵, навеянные подобным поверьем поэтические иносказания Слова о полку Игореве. Длительное сохранение верований в оборотней отразилось в поздних индексах ложных книг, в которых описывается, к сожалению, не дошедшая до нас книга Чаровник: «Чаровник, в них же суть 12 главизн, стихи двюнадесят опрометных лиц звериных и птичьих — се же есть первое — тело свое хранит мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлом, и совою, и рыщут лютым зверем, и вепрем диким, и волком, летают змием и рыщут рысию и медведем»³⁶.

Таким образом, отразившаяся в греческой заклинательной формуле вера в оборотней могла быть органично воспринята на Руси. Однако действительно ли видели на Руси изображение оборотня в змеевидной композиции? Можно предполагать, что многие средневековые изображения животных и чудовищ могли, по мысли их создателей, представлять оборотня. Однако, за исключением тех случаев, когда это неопровержимо доказывается контекстом композиции или связью изображения с текстом, у исследователей нет оснований выделять среди изображений реальных и фантастических существ образы оборотней. Идея оборотничества выражена на византийских змеевиках двойственностью облика (человеческого и змеиног) и множественностью змей-волос. Способность демона принимать облик различных животных не отражена в обычной иконографии змеевидной композиции. Подобное изображение на Руси могло восприниматься как представляющее не оборотня, а чудовище. Отметим, что в русских рукописях встречаются упоминания «девицы Горгонии», имеющей голову с волосами-змеями, причем в связи с ней ничего не говорится об оборотничестве.

Связь изображений змеевидной композиции на русских амулетах с идеей оборотничества может быть проиллюстрирована на двух примерах по особенностям иконографии. На одном амулете с русской надписью XIV в., помимо змеиных (драконовых) голов, видны также птичьи (табл. II, 3). Эта черта полиморфизма прямо связана со способностью демона представлять в разных обличьях. Птичьи головки появились на амулете, несомненно, потому, что мастера знали содержание заклинательной формулы, в которой говорится об оборотничестве, и подчеркнули именно этот мотив, внося разнообразие в зооморфные элементы композиции. Второй пример — изображение не на амулете, а в резьбе по кости конца XV в. (резной посох из собрания Оружейной палаты)³⁷, будет рассмотрен ниже. Вообще же бесспорные изображения оборотней (помимо иллюстраций к конкретным текстам, рассказывающим о них) в средневековом искусстве крайне редки.

Отметим отдельные случаи деградации змеевидной композиции, свидетельствующие о том, что эта деградация, несомненно, сопровождалась утратой или весьма значительным затемнением смысла изображения. На двух змеевиках из собрания Русского музея в свое время остановил внимание В. Лесючевский. Первый пример — змеевидная композиция, в центре которой помещена бесспорно мужская голова с бородой и усами (табл. VI, 3)³⁸. Поскольку мифологический образ истеры-дны по основному значению связан с женским началом (и соответственно с характерным сред-

невековым представлением о «женской злобе», об особой склонности женщин к греху), подобная особенность змеевидной композиции указывает на забвение исходного значения образа.

Еще один, притом довольно поздний кротчатый змеевик несет изображение змеевидной композиции, рядом с которой представлена фигура святого, поражающего змея копьём. В целом тип реверса аналогичен многочисленным змеевикам с изображением Феодора Тирона в роли змеборца. Однако данный змеевик замечателен тем, что в центре змеевидной композиции человеческая голова вообще отсутствует и вся эта композиция представляет собой одно сплетение змей (табл. IX, 5)³⁹. Утрата основного, центрального, элемента змеевидной композиции — свидетельство полной деградации образа. Следует полагать, что и представление о соответствующем мифологическом персонаже подверглось искажению. Голова в центре композиции служила ясным указанием на то, что речь идет о единичном персонаже; лишенное ее сплетение змей могло быть понято уже как совокупность демонических существ, носителей зла. Характерно, что в данном случае перетолкованию подвергся и образ змеборца. Вместо обычного «Феодор Тирон» здесь читается «Зесиний», т. е. Сисиний. Эта надпись показывает, что и с данным змеевиком связывались поверья, восходящие к апокрифам и отреченным книгам.

Перейдем к вопросу о тех образах древнерусского искусства, которые обнаруживают иконографическое родство со змеевидной композицией амулетов. Прежде всего отметим, что они немногочисленны и для древнерусского искусства в целом не характерны. При всей своей популярности талисманическое изображение лишь в небольшой степени обнаруживает тенденцию к переходу с амулетов на другие произведения искусства. Очевидно, это связано с тем, что рассматриваемый изобразительный мотив имел очень конкретное утилитарное назначение, вне которого он, как правило, самостоятельного интереса не представлял.

Все же некоторые изображения, представляющие собой более или менее отдаленные подобие змеевидной композиции, в древнерусском искусстве известны, и вопрос об их соотношении с древнерусскими амулетами-змеевиками интересен в плане некоторых специальных проблем древнерусской иконографии и ее семантики.

К числу параллелей змеевидной композиции (которая, как уже говорилось, представляет собой иконографическую модификацию древнего типа головы Горгоны Медузы) следует отнести древнерусские изображения Горгоны (девицы Горгонии).

Сведения о Горгоне Медузе, ее облике и чудесных свойствах отрубленной головы известны из древнерусской письменности в одной из версий Физиолога, а также в русских переделках Александрии⁴⁰. Приводим текст Физиолога по списку XVI в.:

«О Горни. Вьргони обличие имать жены красны и блудница. Власы же главы своя суть змиа, а видение ея смерть. Играет же и смеется во время свое. Живет же в горах западных. Да егда приидут днье ея, да ся гонит, станет и начнет звать наченши от лва и прочаа звери от человека до скотины и птиц и змиа, глаголюще: идете ко мне. Да елико их услышат глас ея, идуць к ней и видевше ю измирают. Тако бо разумеет всяк язык всем зверем. Которым же образом уловляеть ю волхв. Разумеет хитростию

своею от звезд деѣ, в ня же ся гонит, и поидет на место ея волхвуй отда-
леча. Она же начнет звати наченши от лва и прочая звери. Егда же доидет
языка волхвова, отзовется ей глаголя: ископай яму на месте и вложи в ню
главу свою, да ее не вижу и умру, и прииду и лягу с тобою. Тогда шедше
волхов посечеть ю за ся зря, и не видит главы ея, да не умрет. И вложит
ю во сосудину, да егда узрит змиа или человек или зверь, кажет им главу
горгоину и абие одепнеуть. И Александр бо имяше ю и одоляше языком
всем. И ты, человеце, имей смысл ко господу, и удобь одолееш противным
силам»⁴¹.

Здесь важно талисманическое значение головы с волосами-змеями,
умерщвляющей всех врагов ее владельца (включая войска противника).
Это сочетание охранительных и вредоносных функций полностью перешло
от классической Горгоны Медузы и к средневековой девице Горгонии и
к «истер» амулетов-змеевиков. Призывание Горгоной разнообразных
животных, то, что она «разумет всяк язык всем зверем», — черта, пере-
кликающаяся с полиморфизмом «истеры» в греческой заклинательной
формуле на змеевиках. По-видимому, эти особенности находятся в связи
с популярными народными представлениями об оборотнях.

Отметим упомянутый в цитированшемся отрывке мотив хранения
головы Горгоны в сосуде («сосудине»). Возможно, именно этот мотив отра-
зился на тех змеевиках, где человеческая голова представлена не то
в нимбе, не то на блюде (табл. XV). Если данное сопоставление правомерно,
тогда следует признать, что Горгона и «истер»-«дѣна» на Руси отождествля-
лись (поскольку надпись «дѣна» присутствует именно на тех змеевиках,
где есть деталь, которую можно интерпретировать как сосуд).

Девица Горгония — персонаж, представленный в древнерусской иконо-
графии. Ее изображение встречается среди иллюстраций к Александрии,
прежде всего на миниатюрах Хронографического тома Лицевого летопис-
ного свода, хранящегося в Библиотеке АН СССР⁴². Здесь показано, как
Александр Македонский, воспользовавшись рецептом, описанным в при-
веденной выше цитате, отсекает Горгоне голову. Сбоку Горгона созывает
различных зверей. Внизу — обезглавленное тело Горгоны и ее отрублен-
ная голова (табл. XXII, 1). Еще на нескольких миниатюрах Свода Але-
ксандр показывает насаженную на копье голову Горгоны «нечистым чело-
векам», что приводит к их гибели. Горгона на миниатюре имеет в целом
антропоморфный облик, но с конским хвостом. Волосы в виде змей также
отмечены миниатюристом.

На миниатюре рукописной Александрии XVII в. также представлена
встреча Горгоны с Александром⁴³. На этот раз Горгоне присвоены (в со-
ответствии с текстом данного списка) также конские ноги, причем ее облик
оказывается сближен с иконографией кентавра. Волосы в виде змей сохра-
нены (табл. XXII, 2).

Помимо Физиолога и Александрии, Горгона в русской книжности
встречается также в апокрифической литературе — там упоминается
«зверь Горгоний», охраняющий рай от людей после грехопадения (т. е.
в роли ангела?)⁴⁴.

Змеи, растущие на голове вместо волос, в русской письменности при-
писывались не только Горгоне, но могли переходить и на других носителей
злого начала. Так, в позднем списке апокрифического сказания о руко-

писании Адама говорится: «Праотец наш Каин сквернав родися, глава на нем яко и на прочих человецех, на персех и на челе двенадесять глав змиинных»⁴⁵. Грешница с волосами в виде змей представлена в поздней (XVIII—XIX вв.) старообрядческой рукописи на миниатюре к Повести страшной зело о жене, утаившей грех свой у отца духовного. Соответствующий текст гласит: «Ящерицы на главе моей за прелестное украшение главы моея»⁴⁶.

Волосы-змеи в иконографическом плане, а также по своему значению, по-видимому, могут быть сближены с вадрыбленными волосами грешников и дьяволов, обычными в средневековой византийской и русской иконографии⁴⁷.

Демоническое значение вадрыбленных волос в иконографии, очевидно, находится в тесной связи с распространенными древними представлениями о магической силе распущенных волос. Им приписывалась привораживающая сила, волосы распускали участники церемоний и плясок, связанных с культом плодородия, а также во время погребальных обрядов. Распущенные волосы были обычным атрибутом средневековых ведьм, ассоциировались с демонической, вредоносной магией (порчей)⁴⁸.

Отметим, что и в памятниках византийской письменности, как показывают уже приводившиеся примеры, распущенные волосы, «волосатость» демонических персонажей являются нередко характерной чертой.

Распущенные волосы — особенность популярных демонических образов русского фольклора — трясовиц (обычно называемых дочерьми царя Ирода). Именно так они изображались на поздних иконах и миниатюрах фольклоризирующего характера⁴⁹. Здесь следует оговориться, что несмотря на ряд черт, сближающих трясовиц с демоном, изображавшимся в виде змеевидной композиции (болезнетворный характер, женское обличье, трактовка волос), все же едва ли можно говорить о тождестве образов, поскольку с трясовицами в русском фольклоре постоянно связано представление об их множественности, тогда как змеевидная композиция, несомненно, представляет единичный персонаж.

Среди изображений грешников с вадрыбленными волосами в плане сближения с иконографией Горгоны и змеевидной композицией особенно показательны отдельные головы с торчащими в разные стороны волосами — одна из характерных разновидностей сюжета адских мук в иконописи, известная, в частности, по фрескам Нередицы⁵⁰.

К иконографическим «родственникам» лика Горгоны в древнерусском искусстве могут быть отнесены многочисленные декоративные мотивы в виде представленной анфас личины. В частности, личины, встречающиеся на щитах святых воинов на фресках и иконах (табл. XXI, 1)⁵¹, по-видимому, генетически восходят (через посредство византийского искусства) к популярному мотиву классического искусства — щиту, украшенному головой Горгоны Медузы.

Изображения личин, в том числе окруженных плетениями (которые могли ассоциироваться со змеями), — вообще не редкость в прикладном искусстве. Следует отметить находки в Новгороде и Гнездове скандинавских амулетов X в. с подобным изображением (табл. XXII, 3). Такие привески и их модификации имели чрезвычайно широкое распространение⁵². Личина, окруженная плетениями, встречена также на наконечнике

ножен меча X в., найденном близ Коростеня⁵³. Вполне вероятно, что бытование на Руси привесок и других вещей с подобными изображениями способствовало усвоению византийского типа амулетов со сходными изображениями.

Изображение двух человеческих голов, связанных между собой плетениями, на так называемом складне мастера Лукиана 1412 г. (табл. XXI, 2), по-видимому, также следует рассматривать в связи с змеевидной композицией. Изображение на этом складне св. Сисиния и архангела Михаила, а также семи спящих отроков эфесских (ср. с суздальским змеевиком)⁵⁴ сближает его как произведение, связанное с лечебной магией и апокрифами, со змеевиками. Поэтому, хотя плетения в данном случае не представляют собой волос рассматриваемых голов, а соединяют их шеи, весьма вероятна связь этого уникального изображения с иконографией змеевидной композиции. Из двух голов, снабженных надписями «живот» и «смерть», с образом «истеры»-«дны» следует связывать скорее последнюю (так как одно из значений «дны» — конец, смерть).

Личины, окруженные плетениями, нередко как бы выходящими из них, в том числе и являющимися как бы их волосами, встречаются в тератологическом орнаменте рукописей⁵⁵. Иногда часть плетений заканчивается змеиными головками (табл. XXII, 4), что свидетельствует о смысловой связи мотива с иконографией Горгоны-истеры. В нескольких случаях плетения-волосы образуют сложный узел (табл. XXII, 5—8), что можно связать с мотивом «истеры»-«дны», волосы которой связаны ангелами. Ноги соответствующих персонажей нередко имеют вид птичьих, что указывает на их демонический характер. То, что они обычно изображены с ногами, опутанными плетениями, «связанными», еще раз возвращает нас к заговорной формуле «от дны», «власы и ногти» связанной «от трех ангел». В XV—XVI вв. в югославянских и русских рукописях встречаются изображения человеческой личины, увенчанной плетениями, имеющими вид корон или вадыбленных волос⁵⁶.

К числу деградированных вариаций типа Горгоны Медузы может быть отнесен ряд изображений на русских монетах XV в. На них представлена голова анфас, окруженная завитками в верхней и нижней частях (табл. XXI, 5, 6). Уже И. И. Толстой указал на вероятность связи этого изображения с Горгоной Медузой и змеевидной композицией⁵⁷. Мнение этого исследователя, прекрасно знавшего нумизматику (в том числе античную) и специально занимавшегося амулетами-змеевиками, заслуживает внимания. Во всяком случае такое толкование — пока единственно возможная попытка как-то объяснить значение данного монетного типа. Подобная личина может сочетаться с изображением сцены казни на другой стороне или с фигурой с саблей и топором в руках. Оба эти типа по смыслу связаны с идеей устрашения (на монетах — очевидно, адресовано фальшивомонетчикам)⁵⁸. С той же темой, вероятно, связана и личина. Об этом свидетельствует, в частности, ростовская монета Андрея Федоровича и Александра Константиновича, где эта личина с завитками, по-видимому как устрашающий мотив, повторена в верхней части сцены казни⁵⁹.

К числу иконографических модификаций образа «истеры»-«дны», по-видимому, следует отнести также один уникальный сюжет в резьбе по кости конца XV в. Он украшает резной посох из собрания Оружейной

палаты, возможно, входивший в состав великокняжеских регалий Ивана III ⁶⁰. Исключительно обильный и разнообразный декор посоха состоит преимущественно из зооморфных образов, в том числе многочисленных чудовищ. Интересующий нас образ вписан в круглый медальон. Это чудовище имеет несколько голов различных животных, а в середине, на груди, — человеческий лик в тюрбане. Кроме голов различных существ — птицы, змеи и, вероятно, рыбы, чудовище имеет также птичьи крылья, лапы и хвост (табл. XXI, 3). Ближайшей аналогией данному изображению, несомненно, является змеевидная композиция (зооморфные головы по кругу и человеческая — в центре). Наличие голов не только змеи, но и других животных может быть связано с мифологическим мотивом оборотничества, присутствующим в заклительной формуле, относящейся к «истер»-«дне». Тюрбан с характерным рисунком (сдвоенные полосы поперек основы) — в иконописи, как правило, принадлежность нечестивых иноверцев. Комбинация иконографических черт, по-видимому, указывает на то, что данный образ ассоциировался с иноверной ведьмой-оборотнем. В этой связи можно вспомнить изображение полоцкого князя Всеслава в Радзивилловской летописи в причудливом тюрбане ⁶¹. Тюрбан, возможно, должен был изображать колдовскую повязку, которую носил Всеслав и которая, по мнению летописца, была причиной его жестокости ⁶². Напомним, что автор Слова о полку Игореве наделяет Всеслава чертами оборотня. Как уже говорилось, с представлениями об оборотничестве связана и разновидность змеевидной композиции на амулете с русскими надписями и именами Андрея и Евдолии, где наряду с драконьими головами изображены также птичьи (табл. II, 3). Место изображения, близкого по значению змеевидной композиции, отражает средневековую символику нижнего конца посоха, с которым связывались представления об угрозе и поражении враждебных сил.

Связь ряда позднейших змеевиков с апокрифическим житием Феодора Тирона и, в частности, человеческой головы в центре змеевидной композиции с матерью Феодора, похищенной змеем, заставляет отнести к числу параллелей змеевидной композиции ряд изображений чуда Феодора Тирона, на которых представлена его мать в змеином гнезде. Среди них особенно важны композиция на Людогощенском кресте 1359 г., где мать святого показана обвитой, как бы спеленатой змеем ⁶³, и изображения на ряде икон. Интересны извивы тела змеи на новгородской иконе начала XVI в. из Русского музея, рисунок которых приближается к мотивам тератологии (как правило, в иконописи не представленным) ⁶⁴. Особенно характерна икона Никифора Савина (XVII в.) из Русского музея, где мать Феодора Тирона изображена в пещере на престоле, а вокруг нее — многочисленные многоглавые змеи, увенчивающие ее короной ⁶⁵.

Связь змеевидной композиции с символикой плодородия, эротическая подоснова соответствующего ей мифологического мотива, а также сосуществование этого мотива с христианским изображением на другой стороне амулета перекликаются с одним свидетельством письменных источников конца XV в. Новгородский архиепископ Геннадий в ряду сведений о нечестии «жидовствующих» еретиков пишет: «Да с Ояти привели мне попа да дьяка, и они христианину дали крест-тельник, древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да мужской» ⁶⁶. В данном слу-

чае «сором женской» мог быть изображен на кресте символически, вполне вероятно — в виде одной из модификаций змеевидной композиции. В таком случае речь идет об одной из разновидностей амулета-змеевика. Так или иначе, двойственный христианско-языческий характер тельника и его эротическая символика сближают его с амулетами-змеевиками. Оппозиция женского и мужского начала в известной степени перекликаются с мотивами «живот—смерть» на складне мастера Лукиана.

Предложенные материалы в общих чертах обрисовывают культурно-исторический контекст, с которым было связано распространение на Руси амулетов-змеевиков, и свидетельствуют о том, что ни в плане поверий, касающихся использования этих амулетов, ни даже в плане иконографии весьма своеобразной змеевидной композиции эти амулеты отнюдь не были изолированным явлением в культурной жизни древней Руси.

- ¹ *Неверов О. Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 39. Илл. 143.
- ² *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. М.; Л., 1951. № 16. С. 127, 186, 195. Табл. XXXI, 1—3, 5.
- ³ *Веселовский Н.* Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. Пр., 1918. Вып. 65. С. 1—8.
- ⁴ *Molinier E.* Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Paris, 1896. V. I. P. 18, 19. Pl. 11.
- ⁵ Византийский сатирический диалог. Л., 1986. С. 10.
- ⁶ *Weitzmann K.* Greek mythology in byzantine art. Princeton, 1950. Pl. XXXXV, 124.
- ⁷ *Pope A. U., Ackerman P.* A survey of persian art. London; N. Y., 1938. V. V. Pl. 853a.
- ⁸ *Mode H.* Stwory mityczne i demony. Warszawa, 1977. S. 246; *Bridaham L. B.* Gargoyles, chimaeras and the grotesque in french gothic sculpture. N. Y., 1969.
- ⁹ *Boll F.* Stern Glaube und Sterndeutung. Berlin; Leipzig, 1926.
- ¹⁰ *Schlumberger G.* Amulettes byzantines anciennes destinées à combattre les maléfices et maladies // Revue des études grecques. Paris, 1892. T. 5. P. 79; *Idem.* Amulettes byzantines anciennes // Mélanges d'archéologie byzantine. Paris, 1895. P. 124, 135—138; *Панченко Б.* Каталог моливдовулов. София, 1908. Вып. 1. С. 69. Табл. VIII, 5; *Спицын А. А.* Археологический альбом // ЗОРСА. Пр., 1915. Т. XI. С. 242, 245. Рис. 43; 44; *Laurent V.* Amulettes byzantines et formulaires magiques // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1936. Bd 36, H. 2. S. 306—309. Taf. 5, 1, 3, 4.
- ¹¹ *Толстой И. И.* О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб., 1888. Т. III. С. 411, 412.
- ¹² Там же. С. 389, 390.
- ¹³ Там же. С. 389.
- ¹⁴ *Delatte A., Derchain Ph.* Les intailles magiques greco-egyptiennes. Paris, 1964. P. 224—227. N 306—312.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 245—258. N 336—363; *Barb A. A.* Diva Matrix — a faked gnostic intaglio in the possession of P. P. Rubens and the iconology of a symbol // Journal of Warburg and Courland Institutes. London, 1953. T. XVI. P. 193 a. f.
- ¹⁶ *Залеская В. Н.* К вопросу об атрибуции суздальского змеевика: В связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик» // ВВ. М., 1974. Т. 36. С. 184—189. Публикацию текста см.: *Истрин В. М.* Греческие списки Завещания Соломоида. Одесса, 1898.
- ¹⁷ *Соколов М. И.* Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Тр. Славянской комиссии МАО. М., 1895. Т. I. С. 189.
- ¹⁸ Там же. С. 135.
- ¹⁹ Там же. С. 157.
- ²⁰ *Delatte A., Derchain Ph.* Les intailles magiques. . . P. 25—39. № 1—33; *Неверов О. Я.* Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // ВДИ. М., 1974. № 1. С. 95, 98, 99. Табл. I, 1—9.

- ²¹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 338; *Иванов П.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. V, 72.
- ²² *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964. С. 126, 127.
- ²³ *Mode H.* Stwory mityczne. . . S. 23, 135.
- ²⁴ ОР ГБЛ. Рогожское собр. Ф. 247. № 676. Л. 326 об.; ГПБ. Кирилло-белозерское собр. № 68/1145. Л. 381 об. Об этих рукописях см.: *Лурье Я. С.* Два миниатюриста XV в.: К проблеме так называемого художественного мышления древней Руси // Культурное наследие древней Руси. М., 1976.
- ²⁵ *Чернецов А. В.* Резные посохи XV в.: Работа кремлевских мастеров. М., 1987. Табл. 1, 2; 3, 1; 22, 1.
- ²⁶ *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. Илл. 89; 91; *Чалый В. В., Фомичев Н. М.* Древнерусская костяная бляшка из Азова // СА. 1985. № 3. С. 262—264.
- ²⁷ *Толстой И. И.* О русских амулетах. . С. 388, 389.
- ²⁸ *Соколов М. И.* Новый материал. С. 147.
- ²⁹ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. С. 135.
- ³⁰ *Соколов М.* Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. СПб., 1889. № 6. С. 343, 345, 346.
- ³¹ *Орлов А. С.* Амулеты «змеевики» Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926. С. 33.
- ³² *Петров Н. И.* О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // АИЗ. М., 1898. Т. VI. № 5/6.
- ³³ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследование в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- ³⁴ *Пыпин А. Н.* Для объяснения статьи о ложных книгах // Летописи занятий Археологической комиссии за 1861 г. СПб., 1862. С. 40.
- ³⁵ *Былины* / Подг. текста В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 1. С. 8—19.
- ³⁶ *Пыпин А. Н.* Для объяснения статьи. . С. 42.
- ³⁷ *Чернецов А. В.* Резные посохи. . Табл. 17, 2.
- ³⁸ *Лесючевский В.* Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1. С. 17. Рис. 9. Ср.: *Орлов А. С.* Амулеты «змеевики». . С. 36.
- ³⁹ *Лесючевский В.* Некоторые змеевики. С. 20, 21. Рис. 12.
- ⁴⁰ *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. Прилож. С. X, XI; *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 233.
- ⁴¹ *Карнеев А.* Материалы и заметки. . . Прилож. С. X, XI.
- ⁴² ОР БАН. Хронографический сб. 17.17.9. Л. 779, 780.
- ⁴³ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. II. С. 370, 371. Рис. 6.
- ⁴⁴ *Пыпин А. Н.* Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Купчелов-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 3, 6.
- ⁴⁵ *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. I. С. 16.
- ⁴⁶ Рукопись Древлекранилища Пушкинского Дома. Собр. Заволоко. № 257. Л. 136, 137.
- ⁴⁷ *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским спискам с XVI по XIX в. СПб., 1884. Т. I. Табл. 244; М., 1884. Т. II. С. 73.
- ⁴⁸ *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 276.
- ⁴⁹ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. II. С. 383.
- ⁵⁰ *Успенский А. Н.* Фрески церкви Спаса Нередицы. М., 1910. С. 11, 12, 20. Табл. 8.
- ⁵¹ *Каргер М. К.* Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв. М.; Л., 1964. Табл. 122; *Алпатов М. В.* Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII в. // Всеобщая история искусства. М., 1955. Т. III. Табл. 113.
- ⁵² *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М., 1981. С. 39, 45. Рис. 13, 1; *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. P. 152. Fig. 256.
- ⁵³ *Фехнер М. В.* Наконечник иожен меча из кургана близ Коростеня // СА. 1982. № 4.
- ⁵⁴ *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М., 1971. Вып. Е1-49. С. 103. Табл. 3, 1; *Рындина А. В.* Складень мастера Лукиана // Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973.

- ⁵⁵ *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1888. Табл. XXIV, 2; LXVII, 6—10; LXXI, 19 и др.
- ⁵⁶ *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 424. Рис. 67.
- ⁵⁷ *Толстой И. И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Зап. Нумизматического отд. РАО. СПб., 1911. Т. II. С. 19; *Chernetsov A. V.* Types on russian coins of the XIV and XV centuries: An iconographic study // BAR International series. 167. Oxford, 1983. Pl. XV, 16—18.
- ⁵⁸ *Марков А. К.* О типах русских монет XV в. // Зап. Нумизматического отд. РАО. СПб., 1910. Т. I, вып. IV.
- ⁵⁹ *Chernetsov A. V.* Types on russian coins. . P. 120. Pl. VII, 9.
- ⁶⁰ *Чернецов А. В.* Резные посохи. Табл. 17, 2.
- ⁶¹ Радаивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. I. Л. 97 об.
- ⁶² ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 155.
- ⁶³ *Лазарев В. Н., Мневв Н. Е.* Памятник новгородской деревянной резьбы XIV в.: Людогощенский крест // Сообщения Ин-та истории искусств. М., 1954. № 4/5. С. 164.
- ⁶⁴ *Лаурина В. К.* Новгородская иконопись конца XV—начала XVI в. и московское искусство // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств, XIV—XVI вв. М., 1970. С. 433, 434.
- ⁶⁵ *Алматов М. В.* Русское искусство. Табл. 169.
- ⁶⁶ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 313.

КАТАЛОГ ТИПОВ ДРЕВНЕРУССКИХ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

*

Змеевики с изображением архангела Михаила

№ 1

XI в. Диаметр 7 см. Найден под Черниговом, на берегу р. Белоус, в 1821 г. Табл. I, 2

Змеевик золотой круглый литой, с четырьмя не полностью сохранившимися петлями для скрепления его с утраченным оглавием. Получил в науке название «черниговской гривны».

На лицевой стороне — рельефное изображение в круге архангела Михаила в рост с мерилом и зеркалом (сферой и лабарумом). Мерило завершается прямоугольным навершием и имеет высоту, равную фигуре архангела. Зерцало — в виде круга — архангел держит в левой руке. Крылья развернуты и имеют мелкую перистую разделку. Нимб рельефный. На архангеле — стихарь с эпитрахилью и орарем, один конец которого накинут на левую руку. Пропорции фигуры укорочены, ступни ног развернуты в противоположные стороны. На фоне обронная надпись МХ||ИЛЪ. Рельефные буквы имеют поперечную штриховку. Изображение архангела обрамлено ободком с точечным орнаментом и кольцевой обронной надписью, в которой рельефные буквы также имеют поперечную штриховку. Надпись греческая

† ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ Κ(ύρι)ς ΣΑΒΔΟΘ ΠΛΗΡΙΣ Ο
ΣΥΑΝΟΣ Κ(α)ΙΓΙ

Т. е. «Свят, свят, свят. Господь Саваоф исполнь небо и земля».

Надпись окантована более крупным точечным орнаментом. Внешнее кольцевое поле имеет орнамент в виде пальметт и веерообразно расходящихся трех лепестков, соединенных у основания стеблями. По краю идет тонкая полоса орнамента в виде жгута.

Иконография архангела Михаила на черниговском змеевике византийская. Она повторяет хорошо разработанный в византийском искусстве вариант, который представлен на медной чеканной иконке с изображением архангела Михаила и донатора Иоанна, происходящей из Херсона и датируемой XI—XII вв.

На обороте в круге изображены женская голова с расчесанными на прямой пробор волосами и часть туловища с грудями, от которых расходятся вниз и в стороны по две пары змей с толстыми чешуйчатыми туловищами, ушастыми головами и оскаленными пастьями. Другая пара змей отходит от верха женской головы. Змей получился восьмиголовым. Змеи-

ная композиция равномерно заполняет почти все пространство круга. Вокруг нее идет обронная славянская надпись

✦ ГН ПОМОЖИ РАБОУ СВОЮМЪ ВАСНАГЖ АМНН

По внешнему кольцевому полю — греческая заклинательная надпись, исполненная также оброном

✦ ΥΣΣΕΡΑ ΜΕΛΑΝΙ ΜΕΛΑΝΟΜΕΝΙ ΟΣΙΝΛΙΕ ΚΕ ΟΣ
ΑΡΑΚΟΝ ΣΥΡΗΖΗΣ ΚΕ ΟΣ ΔΡΝΙΟ ΚΥΜΝΙΝΤΙ

Смысл этой надписи расшифровывают по-разному: «Матица черная, почерневшая, как змей, (ты) вьешься, и как дракон, свищешь, и как лев, рычишь, и как ягненок, спи (спишь)» (по Г. С. Дестунису). Под матицей здесь имеется в виду утроба, опухоль кожи. «Здесь недуг вьется, кружится около больного в виде змея, в образ которого облекся некогда злой дух» (*Дестунис Г. С.*, 1884. С. 8). Более произвольное чтение надписи было предложено профессором Дерптского университета Крузе (в передаче И. Ставровского): «Черная родильница очернила себя злом (или лучше яростью), пресмыкалась в прахе, как змея, и шипела, как дракон, и рычала, как лев, и была в ужасе, как ягненок, [когда победил ее архангел Михаил]» (*Ставровский И.*, 1836. С. 336—354).

Первое чтение надписи, восстановленное Г. С. Дестунисом по сличению с подобными заклинательными формулами, известными и на других змеевиках, более аргументированно.

Сложность чтения надписи заключается в том, что она сделана не на древнегреческом, а на малоизвестном средневековом наречии, возможно, еще и искаженном русским мастером в передаче ее с греческого оригинала.

Назначение змеевика как амулета-филактерия, призванного охранять человека от всяких бед и болезней, по средневековому представлению наводимых на человека многоликим бесом, изображенным в виде женской головы, окруженной змеями, можно считать доказанным (*Евгений [Болховитинов]*, митрополит, 1833. С. 121—123; *Соколов М.*, 1889. С. 339—368).

На лицевой стороне змеевиков помещали христианское изображение змеборца и целителей или другой иконографический сюжет, символически связанный с борьбой с дьяволом в виде змея.

Древнейшими из известных змеевиков являются змеевики с изображениями архангела Михаила. Представление об архангеле Михаиле как о змеборце было навеяно прежде всего Апокалипсисом, где он ниспровергает дьявола в бездну. А трисвятая песнь вокруг изображения архангела Михаила на лицевой стороне змеевика указывает и на победу христианства над язычеством (*Ставровский И.*, 1836. С. 346—348).

Суеверное почитание змеевиков было характерно прежде всего для принявшей христианство феодальной верхушки, о чем свидетельствуют дорогие отливки из золота и серебра, иногда именные, т. е. сделанные по специальному заказу.

На черниговской гривне имеется русская надпись, призывающая Господа помочь «рабу своему Василию». Надпись по эпиграфическим признакам датируется XI в. и вполне справедливо связывается с именем

Владимира Мономаха, имевшего христианское имя Василий и бывшего черниговским князем до 1095 г. (*Срезневский И. И.*, 1882. С. 40, 41).

О русском происхождении черниговской гривны говорят древние отливки с этой же литейной формы, не имеющие дефекта этого змеевика, — сквозной и несколько разошедшейся трещины на его нижнем конце. Этот дефект имеется только на тех отливках, которые были сделаны уже в XIX в. (*Орлов А. С.*, 1926. С. 27, 28).

К ранним отливкам нужно отнести медный экземпляр, находившийся в Черниговском музее (*Шугаевский В.*, 1928. С. 224—234); очень четкий по воспроизведению изображений и надписей экземпляр Исторического музея УССР (инв. № 1429-В; табл. I, 2) и серебряный экземпляр, найденный археологом В. И. Якубовским в Хмельницкой обл. и хранящийся в Музее исторических драгоценностей УССР (*Якубовский В. Г.*, 1975).

В собрании ГИМ хранятся девять копий черниговской гривны, отличных в XIX в. Два экземпляра копий находятся в Музее истории Киева.

Анастасевич В., 1821. С. 425—442; 1822. С. 341—349; *Берлинский М.*, 1822. С. 116—119; *Каченовский М. Т.*, 1822; *Кеппен П.*, 1822. С. 3—11; *Санглен Я.*, де, 1826. С. 110—125; *Варвинский Г.*, 1826. С. 126—130; *Нечаев С.*, 1826. С. 131—137; *Евгений [Болховитинов]*, митрополит, 1833. С. 121—123; *Ставровский И.*, 1836. С. 336—354; О черниговской и некоторых других медалях. . ., 1837. С. 176—183; Собрание русских медалей. . ., 1840. С. 1. Табл. I; Древности Российского государства, 1849. Отд. I. С. 42—45; *Погодин М.*, 1871. С. 22. Табл. 42; *Прозоровский Д. И.*, 1877. С. 6; *Срезневский И. И.*, 1882. С. 40, 41; *Дестунис Г. С.*, 1884. С. 1—26; *Толстой И. И.*, 1888. С. 376, 377; *Толстой И.*, *Кондаков Н.*, 1897. Вып. 5. С. 161. Рис. 220; *Уваров А. С.*, 19106. С. 341; *Орлов А. С.*, 1926. С. 27, 28; 1952. С. 15—17; *Лихачев Н. П.*, 1928. С. 124—127; *Шугаевский В.*, 1928. С. 224—234; *Рыбаков Б. А.*, 1949. С. 58. Рис. 25; 1951. С. 444, 445. Рис. 222; 1964. С. 19, 20. Табл. XXXIV, 1, 2; 1971. С. 92. Рис. 124; *Куза А. В.*, 1966; *Якубовский В. Г.*, 1975; *Василенко В. М.*, 1977. С. 334—336. Рис. 144; 145; *Боровский Я. Е.*, 1988; *Köppen P.*, 1822. S. 15; *Francke J. V.*, 1824; *Morgenstern C.*, 1826; *Napiersky*, 1835; *Kruse*, 1835.

№ 2

XII в.

ИА АН УССР. Диаметр 6,5 см. Найден на Киевском детинце в заполнении жилища. Раскопки С. Р. Кирилич в 1979 г. Табл. IV, 5

Змеевик бронзовый круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение архангела Михаила в рост с мерилом и зеркалом. Мерило завершается сверху трезубцем и имеет высоту, равную фигуре архангела. Крылья развернуты и равномерно заполняют пространство круга. Одежда архангела — стихарь и, по-видимому, орарь, конец его накинут на левую руку, в которой он держит зеркало (средняя часть фигуры и левое крыло повреждены, и детали изображения не видны). Черты лица сглажены. На фоне слева видна рельефная буква М. Изображение Михаила окантовано рельефным ободком, имевшим поперечные насечки. Внешнее кольцевое поле заполнено обронной надписью, буквы которой сильно повреждены. Надпись начинается от креста над головой архангела. По-видимому, это трисвятая песнь на греческом языке (ἄγιος, ἄγιος, ἄγιος. .). По краю лицевая сторона змеевика окантована двумя рядами рельефных жгутиков. С правой стороны и внизу край змеевика поврежден коррозией.

На обороте изображена человеческая голова, но не по центру, а ближе к нижней части змеевика. От нее отходят плотно слившиеся толстые змеиные туловища с ушастыми звериными головами. Центральная круговая композиция окружена ободком с поперечной насечкой. По краю идет кольцевая обронная надпись, буквы которой сильно повреждены и не читаются. Надпись окантована двумя рельефными полосами со следами поперечной насечки. Обратная сторона сильно повреждена коррозией.

Змеевики, отлитые по данной литейной форме, пока не найдены. Экземпляр уникален. Стратиграфически датируется XII в.

Килиевич С. Р., 1980. С. 274, 275; 1982. С. 109. Рис. 82.

№ 3

XII—
начало XIII в.

Волковський військово-історический музей П. І. Багра-
тіона. Розміри 5×4,2×0,9 см. Волковськ. Случайная на-
ходка Г. И. Пеха на «Замчище» в 1946 г. Табл. I, 4

Змеевик бронзовый круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение архангела Михаила в рост, стоящего на поверженном змее. В руках у архангела — мерило и зеркало. Формы изображения крупные, с плохо проработанными деталями. Надписей на фоне нет. Изображение окантовано рельефным толстым жгутом с поперечной насечкой. Рельефное кольцевое поле имеет как будто надпись резбой вглубь, но из-за плохой сохранности ни одной буквы прочесть нельзя. По краю змеевик окантован рельефным ободком.

На обороте — змеиная композиция вокруг человеческой головы с почти стертими чертами лица и помещенной не в центре, а в верхней части змеевика. Симметрично расположенные змеиные туловища заканчиваются ушастыми звериными или драконьими головами. Змеиное гнездо окантовано толстым рельефным жгутом с поперечной насечкой. Кольцевое внешнее поле имеет плохо читаемую надпись резбой вглубь.

Другие змеевики, отлитые по данной литейной форме, пока не найдены. Датировка устанавливается приблизительно по аналогичной иконографии архангела Михаила на змеевике, найденном на Киевском детинце (см. № 2).

Штыхов Г. В., Захаренко П., Н., 1971. № 48; *Зверуго Я. Г.*, 1975. С. 38, 42, 129.

* * *

Примечание. Сходный по иконографии обеих сторон медный змеевик находился в собрании Ю. Б. Иверсена. По-видимому, именно этот экземпляр впоследствии (1922—1923 гг.) поступил в собрание ГИМ из коллекции П. В. Зубова (табл. I, 3; *Толстой И. И.*, 1888. С. 379. № 5; *Орлов А. С.*, 1926. С. 32).

В отличие от волковьского данный змеевик несет на обеих сторонах читаемые (хотя и несколько поврежденные) надписи. Обе они славянские. На лицевой стороне это — трисвятая песнь (во всех остальных случаях она встречается на амулетах-змеевиках только по-гречески)

+ СТЬ СТЬ СТЬ ГЬ САВАОӨ ИСПОЛНЬ НЕБО И ЗСМАЖ САВ ТВО

На оборотной стороне надпись включает имя заказчика
ГН ПОМОЗН РАБОУ СВОЮМОУ ПЕТРОВИ Н....АЖ

№ 4

XIV в.

ГИМ. Диаметр 7,2 см, толщина 3 мм. Из собрания А. С. Уварова, № 378. Табл. II, 3

Змеевик красномедный круглый, очень массивный, отлитый в двусторонней литейной форме, с широким ушком для подвешивания.

На лицевой стороне — рельефное изображение в рост архангела Михаила с мерилом с круглым навершием и зеркалом. Крылья широко развернуты, заполняя пространство круга. В подножии — овальная подушка. Детали изображения проработаны плохо. Изображение обрамлено гладкой рельефной полосой. По внешнему кольцевому полю идет русская надпись рельефными буквами крупным уставом

+ ГН ПОМОЗН РАБЪ СВОЕНЪ ЕВДОТИНЪ АМННЪ

Внешняя кольцевая рамка отсутствует.

На обороте — широкая человеческая личина, от которой концентрически отходят четыре пары коротких змеиных туловищ с большими ушастыми и глазастыми головами, попарно обращенными друг к другу. Под этими головами изображены поперечные перехваты из змей с птичьими головами. Змеиная композиция окружена гладкой рельефной полосой. На внешнем кольцевом поле — рельефная русская надпись крупным уставом

+ ГН ПОМОЗН РАБОУ СВОЮМОУ АНДРЪИКИ АМННЪ

Внешняя кольцевая рамка на обороте отсутствует.

Известен еще один подобный змеевик, но более грубо сделанный. Он был опубликован в «Собрании русских медалей» и вторично И. И. Толстым. Этот же экземпляр переиздан Б. А. Рыбаковым.

А. С. Уваров считал, что змеевик с именами Андрея и Евдолии мог принадлежать внуку Александра Невского Андрею Александровичу и его жене Евдокии. Более вероятно предположение Д. И. Прозоровского, которое подтвердил и Б. А. Рыбаков, о том, что по именам Андрея и Евдокии его можно отнести к сыну тверского князя Александра Михайловича Андрею, супругой которого была Евдокия. Оба они умерли от моровой язвы, свирепствовавшей в 1365 г. Следует добавить, что почитание архангела Михаила было особенно характерно для Твери. Оба змеевика имеют, по-видимому, тверское происхождение. Характер уставной надписи более соответствует середине XIV в.

Собрание русских медалей. . . , 1840. С. 1. Табл. I, 2; *Прозоровский Д. И.*, 1877. С. 34, 35; *Толстой И. И.*, 1888. С. 377, 378. № 3; Каталог собрания древностей. . . , 1908. С. 105, 106. Рис. 96. № 378; *Орлов А. С.*, 1926. С. 43, 44 (змеиной композиции тип VI, версия 1); *Рыбаков Б. А.*, 1964. С. 44. № 52. Табл. XXXIV, 5, 6.

№ 5

XIV в. ГИМ. Вертикальный диаметр 3,6 см, горизонтальный — 3,4 см. Из собрания А. С. Уварова, № 373. Табл. II, 2

Змеевик круглый из белого сплава, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания.

На лицевой стороне — рельефное изображение архангела Михаила в рост, с мериллом с круглым навершием в правой руке и зеркалом — в левой. Крылья широко развернуты, заполняя пространство круга. Детали изображения сглажены. Надписей нет. По краю идет узкий рельефный бортик.

На обороте — человеческая личина, от которой отходят восемь коротких змеиных туловищ с большими ушастыми звериными головами. По краю идет рельефный бортик со следами поперечной насечки. Надписей нет.

Лицевая и оборотная стороны змеевика повторяют в миниатюре иконографическую схему тверского змеевика с именами Андрея и Евдолии (табл. II, 3).

Каталог собрания древностей. . . , 1908. С. 105. № 373. Рис. 92; 93; Орлов А. С., 1926. С. 44 (змеиной композиции тип VI, версия 2).

№ 6

XII—
XIII в.

В 1836 г. находился в Казанском университете. Диаметр 5,4 см. Случайная находка. Табл. III, 2, 4 (Описание дается по фото с гальванопластической копии, хранящейся в частном собрании А. Э. Клеева в Москве)

Змеевик золотой круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение архангела Михаила в рост с мериллом и зеркалом. Мерилло в размер фигуры архангела заканчивается сверху трезубцем. Волосы на голове показаны кудрявыми, нимб рельефный гладкий. На груди — что-то вроде чешуйчатой кольчуги. Ноги поставлены носками врозь. Крылья развернуты и имеют перистую разделку. Формы изображения крупные, без мелочной проработки. На фоне справа и слева рельефные буквы

MI XΛ

Внутренний ободок вокруг архангела — в виде рельефной волнистой линии. По кольцевому полю — рельефная надпись, начинающаяся от креста над головой архангела

✠ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟ ΣΑΒΑΟΝ ΠΛΗΡΙΣ ΞΡΑΝΟ
ΚΕ ΓΙΣ ΤΙΣ ΔΟΖΙΣ

Т. е. «Свят, свят, свят. Господь Саваоф исполнь небо и земля». Край змеевика рельефный гладкий.

На обороте в центре изображена женская голова с растрепанными волосами, от которой отходят семь змеиных туловищ с раздвоенными на конде головами. Головы, глазастые и ушастые, с раскрытыми пастьми,

скорее напоминают не о змеях, а о драконах. Вокруг женской головы, между туловищами змей, помещены рельефные греческие буквы

ΕΦΡΟΣΥΝ

Попытки читать эти буквы как имя собственное «Ефросин» не представляются убедительными, так как надпись относится не к носящим змеевик, а к женской голове-дьяволу, и является началом греческого слова *φροσυνή*, которое переводят как «умствование, вымысел» (*Эрдман*, 1836. С. 362).

Змеиная композиция окружена рельефной волнистой линией. Кольцевая рельефная надпись содержит заклинательную греческую формулу «истер», переданную здесь так

ΙΙΖΣΤΕΡΑ ΜΕΛΑΝΙ ΜΕΛΑΝΟΜΕΝΙ ΟΣ ΟΦ ΙΑΙΕ ΚΕ Ο ΛΕΟ
ΡΥΧΑΣΕ ΟΣ ΔΡΗΝ

Серебряный экземпляр подобного змеевика хранится в ГРМ (БК-1865). Это, по-видимому, тот экземпляр, который принадлежал А. А. Бобринскому (*Бобринский А. А.*, 1898. С. 313. Рис. 3; 4).

Три змеевика, из бронзы, меди и оловянисто-свинцового сплава, были найдены в Новгороде на Великой улице (13-9-1739; 17-18-456; 17-24-753). Два датируются по данным дендрохронологии XII в. (1177—1197 гг.), один — XIII в. (1238—1268 гг.).

Новгородские находки дают веские основания для датировки змеевиков с подобной символикой и иконографией и позволяют считать золотой и серебряный экземпляры также новгородскими. Этот иконографический вариант змеевика среди южнорусских находок неизвестен.

Эрдман, 1836. С. 360—363. Рис. 4; *Толстой И. И.*, 1888. С. 377. № 2; *Бобринский А. А.*, 1898. С. 313. Рис. 3; 4; *Орлов А. С.*, 1926. С. 40, 41; *Седова М. В.*, 1966. С. 243—245. Рис. 1, 3—7; 1981. С. 66, 68. Рис. 23, 7—11.

№ 7

XII в.

Находился в собрании Д. И. Прозоровского. Диаметр 5,6 см.
Табл. II, 1

Змеевик бронзовый круглый литой. На лицевой стороне — изображение архангела Михаила в рост с мерилom с лопатообразным завершением и зеркалом в левой руке. Михаил попирает ногами схематично изображенного под ним змея, в пасть которого как будто вставлен нижний конец мерилa. Надписей на фоне нет. Вокруг идет кольцевая обронная надпись

СТЕ ΜΝΧΑΝΛΕ ΙΕΛΝΚН ОНН (вм. ΡΧ) ΙΣΤ

Д. И. Прозоровский читает надпись следующим образом: «Святой Михаиле ангеле великий супостаты ничь сокр. ъе ратуй».

На обороте изображена женская голова с разобранными на обе стороны волосами и симметрично отходящими от нее змеиными туловищами с извивающимися головами. По краю — кольцевая обронная славянская надпись

ПОМОЗН РАБЕ СВОИЕ

Далее по схематичному рисунку читается плохо.

Д. И. Прозоровский надпись читает так: «Господи, помози рабе своей Варваре, нареченной в крещении. Многа лета».

Это — второй именной змеевик с изображением архангела Михаила.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 9. № 9; *Толстой И. И.*, 1888. С. 379. № 4; *Орлов А. С.* 1926. С. 30.

№ 8

XII в.

Найдены в Новгороде на Троицком раскопе, на усадьбе А, принадлежавшей духовным лицам (Тр. 12-43). Диаметр 4 см. Табл. II, 4

Два биллоновых круглых змеевика с ушками для подвешивания. На лицевой стороне — изображение архангела Михаила в рост с мерилом и зеркалом. Мерило сверху заканчивается трезубцем. Архангел одет в стихарь с ораем, один конец которого накинута на левую руку. Черты лица видны плохо, нимб показан точечным орнаментом. Крылья широко развернуты, заполняя пространство круга. По сторонам — следы обронных надписей: М||ОХС (по-видимому, Михаил архистратиг), сверху — α в круге (ο ἄγιος). Изображение окантовано рельефной полосой с поперечными насечками.

На обороте в центре — человеческая личина, от которой концентрически отходят раздваивающиеся туловища змей с 12 головами. Змеиное гнездо также окантовано рельефной полосой с поперечными насечками.

Изображение Михаила отличается укороченными пропорциями, сухой и геометризованной разделкой одежд. Змеевики не имеют ни молитвы, ни заклинательной надписи.

Новгородское их происхождение не вызывает сомнений. Дата — XII в. — устанавливается стратиграфически.

Янин В. Л., *Колчин Б. А.*, *Ершевский Б. Д.*, *Хорошее А. С.*, 1974. С. 34; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 16—18; *Колчин Б. А.*, *Хорошее А. С.*, *Янин В. Л.*, 1981. С. 100, 101. Рис. 51; *Седова М. В.*, 1981. С. 69. Рис. 23, 5, 6.

№ 9

XIII в.

Из собрания А. С. Уварова. Диаметр 4,8 см. Табл. XVII, 5

Змеевик бронзовый круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — поясное изображение архангела Михаила с мерилом и зеркалом. Крылья развернуты так, что заполняют все пространство круга. Детали изображения плохо видны. По краю змеевика идет рельефный бортик.

На обороте — плохо различимая человеческая личина, окруженная змеями с ушастыми головами. По краю прослеживается слабовыраженный ободок. Надписей нет.

Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 105. № 374. Рис. 94; 95.

№ 10

XII в.

Из раскопок М. В. Седовой в Суздале в 1983 г. Диаметр 4,3 см. Табл. III, 1

Змеевик бронзовый круглый, литой в двусторонней литейной форме. Сильно поврежден — нет ушка и оторвана верхняя часть. Есть утрата металла у правого плеча архангела и внизу у ног фигуры. По вертикали пластина разломана на две неравные части.

На лицевой стороне изображена фигура архангела Михаила в рост с мериллом и зеркалом. Изображение грубое, плохо проработанное, имеющее укороченные пропорции. По краю фигура обрамлена точечным ободком.

На обороте — почти стертая фигура демона, от которого отходят 12 змей. По краю также имеется точечный орнамент.

По иконографии лицевой и оборотной сторон, а также по размерам этот змеевик повторяет только что описанные новгородские змеевики XII в. и имеет, по всей видимости, новгородское происхождение.

№ 11

XIII в.

Из собрания Д. И. Прозоровского. Диаметр 5,5 см. Табл. III, 3

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания.

На лицевой стороне рельефное изображение архистратига Михаила в рост, с мериллом, заканчивающимся трезубцем и, по-видимому, зеркалом в левой руке (на прориси не обозначено), с широко расставленными крыльями, заполняющими площадь круга. Надписи на фоне нет. Изображение обрамлено полосой из крупных выпуклых кругов. По внешнему кольцевому полю идет обронная надпись

⊙ МНХАЛО + ШРХНСТРАТНГЪ

По краю — рельефный волнистый ободок.

На обороте в центре изображена человеческая личина, от которой отходят семь змеиных туловищ, раздваивающихся и образующих 14-голового змея. Изображение обрамлено волнистой рельефной линией. По кольцевому полю идет обронная надпись

+ДОНК Н М ИАЖЕНА...Н НЧ

Надпись повреждена, некоторые буквы утрачены.

По краю идет рельефный волнистый бортик. По иконографической схеме змеевик аналогичен казанскому и новгородским.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 1—46. Табл. 4; Толстой И. И., 1888. С. 379, № 6.

№ 12

XII в.

Найден в Суздале в 1979 г. Раскопки М. В. Седовой. Диаметр 3 см. Табл. XVII, 4

Змеевик бронзовый круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне поясное изображение святого с жезлом в правой руке

и каким-то неопределенным предметом — в левой. Лик безбородый, волосы показаны кудрявыми. Фон взрыт коррозией. По краю идет узкий рельефный ободок. М. В. Седова приняла это изображение за Дмитрия Солунского. Изображение больше соответствует архангелу Михаилу, тем более что на фоне как будто прослеживаются очертания крыльев. Змеевики с изображением Дмитрия Солунского нам неизвестны.

На обороте змеевика плохо прослеживается человеческая личина с симметрично отходящими от нее змеиными туловищами со слабо различимыми очертаниями голов. На обороте также имеется рельефный ободок.

Змеевики с поясным изображением архангела Михаила, кроме вземпляра из собрания А. С. Уварова, известны и в собрании ГИМ. Последний был приобретен в 1907 г. и, по сведениям продавца, был найден в Киеве или Киевской губернии.

Седова М. В., 1980. С. 74, 75; *Седов В. В., Седова М. В.*, 1983. С. 130—138. Рис. 2 (Ср.: *Орлов А. С.*, 1926. С. 32).

Змеевики с изображением Богоматери Умиление с младенцем на правой руке

№ 13

XII в.

Диаметр 5,5 см, высота с ушком 5,9 см. Вес 15 золотников. Найден в 1877 г. в с. Белгородка (Белгород Киевский). Принадлежал И. П. Хрущеву. Табл. V, 1

Змеевик золотой круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На ушке с лицевой и оборотной сторон выгравирована одна и та же ромбовидная фигура, разделенная на четыре части, в каждой из которых помещено по маленькому кругу.

На лицевой стороне в круге помещена поясная фигура Богоматери с младенцем на правой руке. Правая рука Христа вытянута к левому плечу Богоматери. Лик Христа не соприкасается с лицом Марии, их разделяют полностью изображенные нимбы. На фоне справа и слева помещены монограммы МНР ΘΥ.

Изображение окружено двумя рядами кольцевых надписей, разделенных кольцевыми полосами с поперечной насечкой. Наружная надпись начинается сверху от четырехконечного креста

† ΘΚΕ ΦΡΟΥΡΗ ΦΥΛΑΤΤΕ ΩΠΟΦΩΚΤΙΕ ΔΜΝΩ ΑΜΝΗ

Т. е. «Богоматерь, стереги, храни, свети, агнцу, аминь» (по Г. С. Де-стунису).

Внутренняя надпись

† ΥΣΤΕΡΑ ΜΕΛΑΝΙΜΕΝ ΟΣ ΟΦΝΕ ΗΝΝΕ ΚΕ ΟΣ ΛΕΟΒΡΥΧΔ

На оборотной стороне представлена безбородая голова в царской диадеме с яснами по сторонам. От головы отходят 12 змей с головами,

похожими на собачьи. Над головой между верхними двумя змеями помещена звезда. По краю идет кольцевая обронная надпись

✚ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΚΙΥ ΣΑΒΔΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΞΡΑΝΟ Κ

Змеевик, возможно, греческой работы.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 44. Табл. XVII; *Хрущев И.*, 1880. С. 134, 135. Табл. VII; *Толстой И. И.*, 1888. С. 382. № 12; *Дестунис Г. С.*, 1889. С. 111, 112; *Толстой И.*, *Кондаков Н.*, 1897. С. 162. Рис. 221.

№ 14

XII в.

ГЭ, № 2032/1. Диаметр 4,5 см, высота 5,4 см. Найден в 1886 г. близ д. Ковшич Краснинского уезда Смоленской губернии. Табл. V, 2

Змеевик золотой круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне низким рельефом дано поясное изображение Богоматери с младенцем на правой руке. Лица Марии и младенца не соприкасаются, хотя по иконографии это один из типов Умиления. Рельефный нимб Христа украшен точечным орнаментом. Нимб Богоматери имеет несколько концентрических линий. Одежды показаны бессистемными линиями. На фоне резные вглубь монограммы МΘΓ. Изображение обрамлено полосой с поперечными насечками. Следующая за нею полоса имеет резную вглубь надпись

ΥΣΤΕΡΑ ΜΕΛΛΙΝΟΘΕΝΣΙΝΛΗΚΕΟΣΟΦΟΝΒΡΥΧΑ

Надпись окантована более тонкой полосой с поперечной насечкой. Внешнее кольцевое поле лицевой части змеевика занято резной вглубь плохо читаемой надписью.

На обороте — человеческая голова с разобранными на прямой пробор волосами; от нее отходят 12 туловищ сложно переплетенных змей с ушастыми головами. Змеиная композиция обрамлена волнистой рельефной линией. По краю идет кольцевое поле с обронной надписью

✚ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΔΓΙΟΣ ΚΙΥ ΣΑΒΔΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΞΡΑΝ

По иконографической схеме лицевой и оборотной сторон, размерам и низкому рельефу этот змеевик похож на золотой змеевик, найденный в Белгородке, но отлит в совершенно иной литейной форме, имеет другие надписи и отличается в деталях отделки. В данном случае можно говорить только о том, что греческие змеевики типа белгородского послужили образцом для изготовления русских, к числу которых относится и смоленский змеевик. Датируется по аналогии с белгородским XII в. Копия смоленского змеевика хранится в ГИМ.

Толстой И. И., 1888. С. 382. № 13; *Дестунис Г. С.*, 1889. С. 111, 112; *Русские древности в памятниках искусства.* ., 1897. С. 163. Рис. 223; *Орлов А. С.*, 1926. С. 31, 32 (змеиной композиции тип I, версия 3); *Blankoff J.* 1979. Fig. 19; 20.

XII—XIII вв. ЗИХМЗ, № 1489. Размеры 9,9×7,5×0,2 см. Из] ризницы Троице-Сергиевой лавры. Табл. VI, 1; VII

Змеевик медный золоченый круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для прикрепления к нему оглавия. Оглавие серебряное золоченое, с очень примитивным изображением Перуковотворного Спаса. На верхних скошенных углах оглавия — резная надпись IC XC. На закрепках помещены две жемчужины.

На лицевой стороне змеевика — рельефное изображение Богоматери Умиление (по-видимому, тип древней Владимирской) с младенцем на правой руке. На фоне — резные вглубь монограммы МРΘ; IC X. Изображение обрамлено рельефной полосой как бы из продолговатых и сплюснутых бусин. По внешнему кольцевому полю идет крупная рельефная греческая надпись

+ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΜΗΝ

Т. е. «Богородица, блюди и помогай имеющему тебя. Аминь». Надпись с внешней стороны обрамлена двумя рядами рельефных полос из крупных и мелких бусин.

На обороте — женская голова с отходящими от нее змеиными туловищами, скручивающимися сверху и снизу в волюты. Головы змей глазастые, с раскрытыми пастьями. Изображение обрамлено такой же рельефной полосой из крупных и мелких бусин, как и на лицевой стороне. По кольцевому внешнему полю идет крупная рельефная греческая надпись

+ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΟΥ ΣΑΒΑΟΦ Ο ΠΑΝΗΣ ΞΡΑΝΟΣ

Т. е. «Свят, свят, господь Саваоф. Исполнь небо».

Змеевик был вставлен в икону «Богородичных праздников» строгановских писем XVII в.

К змеевику относится запись в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. (при описании иконостаса Троицкого собора): «Да по другую сторону, подле образа апостола Павла, икона образ Пречистые Богородицы Умиление, литая, серебряная, вставлена в тцку, обнизана жемчугом, во главе Спасов образ резной, на закрепках два зерна гурмыжских, а на тцке писаны празники богородичны, поля обложены серебром басмою, золочены» (л. 44 об.).

Змеевиков с подобными иконографическими схемами лицевой и оборотной сторон, но отлитых в разных литейных формах, отличающихся размерами и проработкой деталей изображений (Христос изображен то с обнаженными до колен ногами, то с ногами, прикрытыми одеждой), много, и вряд ли все они учтены в научной литературе.

Назовем известные нам по литературе и музейным коллекциям:

1. Змеевик в собрании ГЭ из коллекции Погодина (табл. VIII, 1).
2. Змеевик в собрании ГЭ из коллекции Ф. А. Каликина (№ Э/РП-1090; табл. VIII, 2). И. И. Толстой указывает на четыре таких змеевика в собрании ГЭ (два других нам неизвестны).
3. Змеевик из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко (рис. 326).

4. Змеевик из собрания ГРМ (№ 1671; табл. VI, 3).

5. Змеевик Загорского музея. Получен в д. Ерзовка (Новый Бор) от П. П. Беловой. Змеевик был ею найден в 1961 г. на оз. Городня (экспедиция Л. Э. Калмыковой в Новгородскую обл. в 1971 г.).

6. Змеевик в зарубежной коллекции Савича.

7—11. Пять змеевиков из собрания ГИМ: 1) из Кабинета изящных искусств; 2) неизвестного происхождения (№ 7250); 3) из собрания П. И. Шукина (№ 2991); 4) из собрания А. А. Ширинского-Шихматова (№ 39965); 5) из собрания А. С. Уварова (№ 350; табл. VI, 2).

И. И. Толстой приводит сведение о том, что подобный змеевик был найден на Куликовом поле (табл. V, 4). Сведение взято, по-видимому, из публикации Е. Нечаева и Г. Напирского.

Все экземпляры ГИМ отнесены А. С. Орловым к отливкам, сделанным позднее XII в. К наиболее ранним отливкам принадлежат экземпляры Загорского музея и ГЭ, восходящие к XII в. Этот тип змеевиков как наиболее распространенный существовал долго, и еще в XVII в. его поместили в икону «Богородичных праздников».

Нечаев С., 1826. С. 131—136; *Напирский Г.*, 1836. С. 355—359; *Горский А. В.*, 1841. С. 41, 42; *Древности Российского государства*, 1849. Отд. I. № 23; *Амфилохий, архим.*, 1873. С. 177—179; *Погодин М.*, 1871. С. 23. № 3; *Макарий, архим.*, 1859. С. 337—339; *Гольшев И. А.*, 1876. С. 128; *Прозоровский Д. И.*, 1877. С. 3. Табл. IV, 2; *Толстой И. И.*, 1888. С. 380, 381. № 7; *Бобринский А. А.*, 1898. С. 313. № 4; *Собрание Б. И. и В. Н. Хавенко*, 1900. Табл. XXIX, 326; *Тр. Общества истории и древностей российских*. Кн. III, ч. 2. С. 131—137; *Лихачев Н. П.*, 1906. № 480. Табл. CCLVIII; 1911. С. 152. Рис. 353; 1928. С. 125; *Каталог собрания древностей*. . ., 1908. С. 99, 100. Рис. 80; 81. № 350; *В.*, 1911. С. 45—47; *Олсуфьев Ю. А.*, 1920. С. 161. № 249/13; *Флоренский П. А.*, 1923. С. 1—3. № 1/13; *Орлов А. С.*, 1926. С. 34—36 (змеиной композиции тип II); *Лесючевский В.*, 1928. С. 17, 18. Рис. 9; *Рыбаков Б. А.*, 1948. С. 613. Рис. 134; *Russian ecclesiastical art*. . ., 1951. P. 56. Pl. 25; *Николаева Т. В.*, 1960. С. 98—100. № 6; *Бланков Ж.*, 1973. С. 206; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 9; 10.

* * *

Примечание. Среди довольно многочисленных змеевиков, несущих изображение Богоматери Умиление и змеевидной композиции типа черниговской гривны с круговыми надписями на обеих сторонах, известен поздний (по А. С. Орлову — XVIII в.) медный золоченый змеевик с русскими, а не греческими надписями (ГИМ. Собр. Уварова. № 348; *Каталог собрания древностей*. . ., 1908. С. 99. № 348; *Орлов А. С.*, 1926. С. 36). Русские надписи отличаются от обычных греческих и по содержанию. Они читаются следующим образом:

Лицевая сторона:

**+ ДОСТОННО ЕСТЬ ЯКО ВОИСТИННОУ БЛАЖИТИ
ТА БЦЕ ПРИСНОБЛАЖЕНН ПРЕНЕПОРЧ**

Оборотная сторона:

**ЧТНЪИШЪ ХЕРЪВНМЪ И СЛАВННЪШЮ КЪИСТИНИИ
СЕРАФМЪ БЕЗО ИСТАВНИ**

Следует отметить, что подобные надписи, по содержанию представляющие собой популярное песнопение, обычны на древнерусских панагиях.

Молитвенный текст отмечен чертами старообрядческой традиции («воистину», а не «без сравнения», как принято в позднейшем, «никонианском», церковном обиходе).

№ 16

XII в. ГЭ; № 1003/7. Диаметр 6,3 см. Табл. VIII, 3

Змеевик бронзовый круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение Богоматери Умиление с младенцем на правой руке (тип древней Владимирской?). Христос прижимается головой к лицу Богоматери, правая его рука вытянута к левому плечу Богоматери, ноги прикрыты одеждой. Нимбы рельефные гладкие, углубленные к контурам голов и обведенные по краю врезанной линией. На фоне резные вглубь надписи IC XC и монограмма Богоматери — MP — на левом поле. На внешнем кольцевом поле — крупная надпись рельефными буквами, начинающаяся сверху от четырехугольного креста

+ ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ ΒΟΝΘΝ ΤΩΝ ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΛΜΝ

На обороте изображена лысая человеческая личина, от которой винтообразно отходят девять змей с ушастыми головами. По внешнему кольцевому полю идет крупная обронная надпись, которая начинается сверху от четырехконечного креста

+ ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΟΥ ΣΑΒΑΘΘ Ο ΠΛΗΡΙΣ ΞΡΟΝΟΣ ΠΡΕΘΣ

Подобный змеевик хранился в собрании А. С. Уварова, находящемся теперь в ГИМ. Обоснованием датировки змеевиков этого типа являются древняя иконография Богоматери Умиление, восходящая к домонгольским образцам, и палеография крупной уставной надписи.

Толстой И. И., 1888. С. 382. № 11; Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 104. № 371. Рис. 91; *Орлов: А. С.*, 1926. С. 39, 40 (змейной композиции тип V, версия 1); *Чаев Н. С.*, 1951. С. 241. Рис. 54; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 11; 12.

Змеевик без христианского изображения, с греческой молитвой, обращенной к Богородице

№ 17

XII в. (?) Местонахождение неизвестно. Диаметр 6 см. Из собрания Д. И. Прозоровского. Табл. VI, 4

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с остатком ушка для подвешивания. На лицевой стороне шесть строк обронной греческой надписи в круге

**+ ΥΣΤΕ | ΡΑ ΜΕΛΑΝΙ ΜΕ | ΑΑΝΟΜΕΝΙ ΟΣ | ΟΦΗΛΕ ΚΑΙ Ο |
ΔΡΑΚ, ΣΥΡ, | ΖΗΣ Κ**

По кольцевому внешнему полю идет другая надпись

† ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΝΘΕΙ ΤΗ ΣΗ ΔΟΥΛΗ ΕΙΡΗΝΗ

На обороте в круге представлена человеческая личина с отходящими от нее сверху и снизу завивающимися в волноту змеиными туловищами и ушастыми головами. По внешнему кольцевому полю идет крупная рельефная надпись

† ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΣ ΣΑΒΒΑΟΘ ΠΑΝΡΗΣ Ο
ΟΥΡΑΝΟΣ ΚΑΙ

Змеевик известен пока в одном экземпляре. Возможно, он имеет греческое происхождение. По оборотной стороне он больше всего сходен с самыми распространенными змеевиками с изображением Богоматери Умиление (тип древней Владимирской) и, по-видимому, датируется тем же временем.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 2. Табл. I, 1; Толстой И. И., 1888. С. 389. № 25.

Змеевики-складни с изображением Богоматери Умиление (тип древней Владимирской)

№ 18

XIII в. ГЭ. Из раскопок М. К. Каргера в Изяславле. Табл. IX, 1

Средняя створка медного змеевика-складня кривоугольной формы (с прямыми нижними углами, плечиками и полукруглой аркой сверху). На лицевой стороне — рельефное изображение Богоматери Умиление с младенцем на правой руке. Правая рука Христа протянута к левому плечу Богоматери, ноги обнажены до колен. Это, по-видимому, древний домонгольский тип Владимирской Богоматери, который по иконографии ближе всего к костромской Федоровской иконе XIII в. Иконографические особенности изображения следующие: большие глаза Богоматери имеют двойную окантовку век, как на ранних каменных иконах XII—XIII вв. Звезда на мафории, закрывающей голову, в виде косоугольного креста. Разделка одежд дана набегающими друг на друга косыми кругляющимися линиями со сплошной косоугольной штриховкой. Края мафория украшены крупными бусинами. Такие же бусины обрамляют рамку иконки по краю, а в арочном обрамлении наведен двойной ряд таких бусин. Отлитое вместе с иконкой ушко для подвешивания в нижней части представляет собой пирамидальную горку из бусин, а в верхней — прямой выступ-ушко. По углам нижней части иконки — уступы с отверстиями для скрепления со средником утраченных створок. Верхняя часть иконки по сторонам от головы Богоматери повреждена (большие неровные дыры там, где металл утрачен).

На обороте — следы змеиного гнезда в круге в верхней части иконы и следы нечитаемой обронной надписи — в нижней.

Перед нами — древнейший вариант подобного змеевика-складня, который нужно отнести к XIII в. Более поздние подражания среднику этого

змеевика-складня уже являлись самостоятельными кротчатыми иконками-змеевиками, сохранявшими древнюю иконографическую схему, но имевшими уже поздние злиграфические признаки надписи на обороте змеевика. Надпись ни на одном из известных экземпляров не прочитана точно, но там, где лучше сохранены буквы, смысл надписи сводится к просьбе об исцелении (табл. IX, 2).

Схема змеиной композиции в круге, обрамленном ободком с крупными бусинами, повторяет оборот змеевиков с изображением Богоматери Знамение, найденных в Новгороде и в Берестье. Об одновременности этих изделий может говорить и совершенно идентичная манера разделки одежд (ср.: табл. XII, 3, 4).

На более поздних экземплярах прослеживается лишь одна особенность, которой нет на новгородском змеевике. Это — изображение распростертых рук по сторонам головы, в центре змеиной композиции, и ног — внизу.

Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900. № 333. С. 21. Табл. XXX; Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 101. № 352—354. Рис. 84; 85; Орлов А. С., 1926. С. 52 (змеиной композиции тип III, версия 2).

* * *

Примечание. В каталоге собрания А. С. Уварова надпись, выполненная зеркально на поздних кротчатых змеевиках под змеевидной композицией, воспроизведена следующим образом:

А	Х
Т	Ъ
ЪШН	РО
	МЪ
ИЦЪЛНТІА СЪ СЪМЪ ГОС	
ЛАШИМЪ ХЪ БОЪ Н	

По мнению издателей каталога, эта надпись может быть прочтена как «Утешим робах (?) и целития с сем бо(с)лящим Х(ристо)с бог н(аш)» (Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 101). Чтение сомнительно, в особенности — двух колончатых частей надписи. Также сомнительным представляется и чтение Н. Петрова: «Бич яро(с)т(н)ейшим и целитель всем болящим Хъ бог н(аш)» (Орлов А. С., 1926. С. 24, примеч. 2; Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900. С. 21). С большей или меньшей уверенностью представляется возможным разобрать лишь две нижние горизонтальные строки как «исцелитель всем болящим Христос бог наш».

№ 19

XV—XVI вв.

Местонахождение неизвестно. Размеры (без оглавия) 4,5×4 см. Из собрания Д. И. Прозоровского. Табл. IX, 3

Змеевик медный кротчатый (с прямыми нижними углами, плечиками и полукруглой аркой), отлитый в двусторонней литевой форме, с неподвижным оглавием с Нерукотворным образом Спаса.

На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери с младенцем на правой руке. Ноги Христа обнажены до колен. На руке обронные буквы монограммы МР ΘΥ; ΙС ΧС. По краю — высокая рельефная рамка.

На обороте сверху в круге — человеческая личина с отходящими от нее 12 перекрещивающимися змеями. В левом нижнем углу — маленькая фигура святого без нимба, втыкающего копье в пасть вьющегося змея. В правом нижнем углу — обронные надписи в три строки

ΜΡΘΥ | ΜΡΟΥ | ΣΝΖ

Лицевая часть этого змеевика повторяет среднюю часть иконы-складня XIII—XIV вв., опубликованного у Ханенко (№ 334). На ней представлен извод Богоматери, который в живописи получил название Федоровского.

В ГИМ есть шесть подобных змеевиков.

Некоторую разновидность подобного змеевика представляет змеевик ГРМ, отличающийся тем, что он более вытянут по вертикали, плечики у него слабовыражены (змеевик имеет как бы дугообразное завершение), а надпись на обороте помещена в прямоугольном щитке (табл. IX, 5).

Толстой И. И., 1888. С. 392. № 30; Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 101—103. Рис. 86; *Орлов А. С.*, 1926. С. 49; *Лесючевский В.*, 1928. С. 20. Рис. 12.

Змеевики с изображением Богоматери Одигитрии

№ 20

XIII в. ГИМ. Диаметр 6,1 см. Из собрания А. С. Уварова. № 347. Табл. X, 3

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с широким ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке. Отливка настолько грубая, что черты лица и детали изображения не видны. Вся композиция окаймлена толстым рельефным жгутом. Гладкое кольцевое поле с внешней стороны также имеет небольшое рельефное утолщение и следы имитации надписи.

На обороте изображена змееножная женская фигура с руками и ногами, переходящими в змеиные туловища. Детали изображения не видны. По краю имеется невысокий рельефный бортик.

В собрании ГИМ есть еще один подобный змеевик (№ 43647), найденный в Вышгороде Киевском.

Один подобный змеевик хранится в Третьяковской галерее и происходит из собрания И. С. Остроухова. На этом экземпляре более отчетливо видна змееножная фигура на обороте. По кольцевому полю имеются следы имитации надписи.

Основанием для датировки змеевиков данного типа служат змееножная фигура, появляющаяся на змеевиках не раньше XIII в., и обобщенно грубые формы Богоматери с младенцем на лицевой стороне.

Толстой И. И., 1888. С. 383. № 15; Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 98. Рит. 76; 77; Орлов А. С., 1926. С. 36 (змеиной композиции тип III, версия 1); Бланков Ж. 1973. С. 207; Blankoff J., 1979. Fig. 5; 6.

* * *

Примечание. Имеются некоторые основания датировать данный тип змеевиков более ранним временем. Присутствующий на нем тип змеевидной композиции первичен по отношению к представленному на змеевике первой половины XII в. из Новгорода с изображением Распятия (№ 40). Там эта композиция отмечена чертами явно вторичной схематизации (повидимому, посредствующей формой была ее разновидность, известная по змеевикам с изображением Крещения Господня — № 27). Типологически вторична по отношению к змеевидной композиции круглых змеевиков с изображением Богоматери Одигитрии, как указал А. С. Орлов, и третья, «упадочная», версия данного типа по его классификации, представленная на змеевиках с изображением Богоматери Знамение (№ 26). Появление последних не может быть датировано временем позже XII в.

№ 21

XIII—XIV вв.

ГРМ, № 1245. Размеры 6 (с ушком) × 4 × 0,2 см. Принадлежал Прохорову

Змеевик медный киятчатой формы, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. Верх змеевика оформлен в виде пятилопастной арки, внизу боковые стороны несколько сходятся, но в общем образуют прямые углы. Нижняя полоса змеевика повреждена так, что образует волнистую линию. На лицевой стороне — рельефное поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем Христом на левой руке. Рельеф голов более высокий, чем фигур. Нимбы окантованы рельефной полосой, у Христа нимб крестчатый. На фоне слева выпуклые буквы монограммы МΘ. По краю идет узкий рельефный бортик. На обороте низким рельефом очень нечетко изображена человеческая личина, от которой отходят многочисленные змеи с раздвоенными или даже разтроенными головами. Змеиная композиция заполняет всю оборотную сторону, на которой нет даже рельефного бортика.

Подобный змеевик был в собрании А. С. Уварова и опубликован в его каталоге (ГИМ, № 349; табл. XI, 5).

По поводу датировки змеевиков этого типа считаю существенным замечание В. Лесючевского: «Условной датой для этого экземпляра я бы считал XIII—XIV вв. Отнести его к более раннему периоду мешают новые для такого времени приемы выполнения рельефа (живописные приемы, я бы сказал) и форма самой иконки, лишенная утолщенной рамки или валика по краям. Потеря классических форм драконовых голов, чрезмерная закругленность их контуров и мягкость рельефа говорят тоже против более раннего, чем XIII в., времени. С другой стороны, этот змеевик по сохранившимся еще чертам архаики нельзя сравнить и с теми киятцами-змеевиками, которые датируются (по палеографическим признакам) не раньше XV в.»

Прозоровский Д. И., 1877. С. 46. Табл. XIX; *Толстой И. И.*, 1888. С. 391. № 29; Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 99. Рис. 78; 79; *Орлов А. С.*, 1926. С. 43 (змеиной композиции тип V, версия 4); *Лесючевский В.*, 1928. С. 18, 19. Рис. 10.

№ 22

XV—XVI вв.

Местонахождение неизвестно. Размеры (без оглавия) 4,5×4 см. Публикуется по изображению в статье И. И. Толстого. Табл. XI, 1, 2, 4

Змеевик медный киотчатый (с прямыми нижними углами, плечиками и полукруглой, несколько приплюснутой аркой), с подвижным оглавием, на котором награвирован Нерукотворный образ Спаса.

На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке (тип Одигитрии). На фоне — обронные монограммы МР ΘΥ; ΙС ΧС. По краю идет рельефная рамка.

На обороте в прямоугольной части киотца помещен круг с человеческой личиной и исходящими от нее перекрещивающимися 12 змеями. Сверху в полукруглом обрамлении изображена фигура святого в нимбе, вносящего кошке в пасть змея, к которому он стоит как бы спиной. На фоне сверху обронная надпись АΓН. Это, по-видимому, та же фигура Феодора Тирона, которая обычно помещалась на змеевиках с изображением Никиты с бесом.

Подобный змеевик (надломан в нижней части), происходящий из старых коллекций, хранится в Новгородском музее (№ 3491/12).

Подобные змеевики первоначально были средней частью триптихов со створками. В верхней их части помещалось поясное изображение святого, а в нижней — поколенное изображение двух святых, над которыми имелась строка нечитаемой обронной надписи.

Такой киотец и обратная сторона подобного киотца со змеиной композицией со створкой опубликованы в каталоге собрания Уварова.

Толстой И. И., 1888. С. 390. № 3; Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 100—108. Рис. 87—89; *Рыбаков Б. А.*, 1948. С. 614. Рис. 135.

№ 23

XVIII в. (?)

ЗИХМЗ. Найден у частного лица в 1982 г. Диаметр 5,4 см, высота с оглавием 6,2 см, толщина 0,4 см. Табл. X, 4

Иконка-змеевик, отлитая из красноватой меди, круглая, с неподвижным ушком для шнура. На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери Одигитрии с младенцем на левой руке и обронными монограммами МР ΘΥ; ΙС ΧС на фоне в верхней части. По краю — выпуклый ободок с веревочным орнаментом. Слева внизу край иконки отломан, и края слома заглажены.

Рельеф низкий, слегка сглаженный, черты лица Христа стерты. У Богоматери большие кисти рук, нос показан треугольником. Поверхность фона неровная.

На обороте в центре — человеческая личина в зубчатой короне или со вздыбленными волосами. От нее вниз расходятся две пары тонких змей, у которых головы с раскрытыми пастьями и углубленными точками глаз.

Вверх отходят две тонкие перекрещенные змеи. Седьмая змея, более толстая, изображена отдельно извивающейся в правой части иконки. В ее широко открытую пасть вонзает копые маленький человечек без нимба, изображенный в левой части иконки. На нем нет никаких атрибутов (изображен как бы нагим). Под ним отчетливая обронная надпись **ΦΕΟΔΩΡ** (по палеографии XVIII в.). Змееборцем обычно изображали Феодора Тирона. Но здесь человечек представлен без одежд и без нимба. Выпуклый ободок проработан пунсоном в виде колечек.

Лицевая сторона иконки с изображением Богоматери Одигитрии и веревочным орнаментом на ободке имеет иконографическое сходство с иконками из собрания А. С. Уварова (Каталог собрания древностей. ., 1908. № 359—367. Рис. 90). Иконки с подобными иконографическими типами изображения Богоматери, но отлитые в иных литейных формах, есть и в Новгородском музее (№ 3136, 3149; сообщение И. Стерлиговой). Для новгородских иконок характерны обрамления в виде слабоскрученного жгута, а также изображение креста на Голгофе в оглавии. Возможно, что и описываемый змеевик имеет новгородское происхождение.

В собрании ГИМ есть три подобных змеевика: 1) № 44199; куплен в 1907 г. у П. С. Кузнецова; желтомедный; 2) № 47452; поступил в 1911 г. в дар от М. Н. Сперанского; зеленомедный; 3) № 2998; из собрания П. И. Щукина; бронзовый.

Орлов А. С., 1926. С. 54, 55 (змеиной композиции тип VIII, версия 4).

Иконка-змеевик с изображением Богоматери и святых

№ 24

XVI в.

ГИМ. Размеры 7×6,5 см. Из собрания А. С. Уварова. № 351.
Табл. XI, 3

Иконка-змеевик медная, с неподвижным ушком-оглавием, прямыми нижними углами и закругленными верхними.

На лицевой стороне, в киотце такой же формы, как и иконка, — поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке (тип Одигитрии). По сторонам в киотцах, разделенных рельефными перемычками, помещены: в трех верхних отделениях — поясные фигуры Деисуса (Христос, Богоматерь и Иоанн Предтеча), в двух боковых — архангелы с мерилами в руках, в двух нижних угловых — апостолы Петр и Павел, в двух нижних средних — две поясные фигуры с трудно читаемыми надписями, но, по-видимому, это святители. По краю идет гладкий рельефный ободок.

На обороте отлит киотец змеевика, у которого круг со змеиной композицией помещен внизу, а под ним — фигура Феодора Тирона, вонзающего копые в пасть змея. Эта композиция змеевика обычно сочетается с изображением Богоматери на лицевой стороне с младенцем на левой руке. Форма иконки и ее иконография характерны для резных из дерева иконок XVI в.

Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 100, 101. Рис. 82; 83. № 351; *Орлов А. С.*, 1926. С. 48; *Рыбаков Б. А.*, 1948. С. 614. Рис. 135.

Змеевики с изображением Богоматери Знамение

№ 25

XIII—XIV вв.

НГМ. Диаметр 5 см. Найден в Новгороде в 1959 г. (10-14-1790. Инв. № 3009). Дендрохронологическая дата 1313—1340 гг. Табл. XII, 3

Змеевик из оловянисто-свинцового сплава круглый, отлитый в двусторонней литейной форме. Вместе со змеевиком отлито и ушко для подвешивания. На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери Знамение. На фоне — рельефные буквы монограммы МΘΥ. Черты лиц Богоматери и Христа почти стерт. Нимб Богоматери рельефный с точечным орнаментом, нимб Христа рельефный крестчатый. Изображение окантовано рельефным жгутом. Внешнее кольцевое поле заполнено орнаментом в виде треугольников.

На обороте в центре — человеческая личина с отходящими от нее 12 тонкими змеями с головами, обращенными в противоположные стороны. Змеиная композиция равномерно заполняет пространство круга. По внешнему кольцевому полю — орнамент из крупных точек.

Змеевик, одинаковый с новгородским во всех деталях, отлитый, возможно, в такой же литейной форме, был найден П. Ф. Лысенко в Берестье в 1973 г., в слоях второй половины XII—XIII в., за пределами построек (табл. XII, 4).

Змеевики с изображениями Богоматери Знамение довольно редки. Все они, видимо, новгородского происхождения, учитывая особое почитание в Новгороде изображения Богоматери Знамение.

Седова М. В., 1966. С. 244. Рис. 8; 9; 1981. С. 69. Рис. 23, 3, 4; *Лысенко П. Ф.*, 1974. С. 375; 1985. С. 212, 267—270. Рис. 184.

№ 26

XII—XIII вв.

ГЭ. Диаметр 4 см. Происхождение неизвестно. Публикуется по рисунку в статье И. И. Толстого (№ 14)

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — поясное изображение Богоматери Знамение. Рисунок лиц почти стерт. Вокруг голов Богоматери и Христа показана двойная окантовка нимбов. На фоне рельефные монограммы, представленные в зеркальном отражении.

МΘΥ

На внешнем кольцевом поле лицевой и оборотной сторон — обронная надпись из славянских букв, представляющих собой либо тайнопись, либо произвольный набор знаков. На обороте — поясная человеческая фигура, окруженная путаным рисунком змей.

По изображению Богоматери Знамение змеевик, видимо, новгородского происхождения.

Более четкий вариант этого типа представлен змеевиком, хранящимся в Вологде (табл. XII, 2). На вологодском экземпляре лучше видны рельеф-

ные буквы надписи, чтение которой не проясняет смысла (если это не тайнопись?), но зато дает некоторые палеографические приметы XI—XII вв. Вологодский змеевик был найден А. Я. Брюсовым в 1959 г. в д. Погостище, на левом берегу р. Модлона, в составе ожерелья из финского погребения (Архив ИА. Р-1. № 2066а. Л. 25). В составе этого ожерелья были и маленькие круглые бронзовые образки с погрудными изображениями воинов. А. Я. Брюсов считает это погребение финским и датирует его X—XI вв. Нам эта дата кажется несколько завышенной. Погребение, возможно, относится к XII в. Что же касается змеевика с изображением Богоматери Знамение, то его иконография может указывать на связь с Новгородом. А. Я. Брюсов отмечает, что были найдены два змеевика, но о втором нет никаких сведений ни в археологическом отчете, ни в краткой публикации. Подобный же змеевик из собрания А. С. Уварова хранится в ГИМ.

Толстой И. И., 1888. С. 382, 383. № 14; Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 104. № 372; *Орлов А. С.*, 1926. С. 38 (змеевидной композиции тип III, версия 3); *Брюсов А. Я.*, 1969. С. 81—83. Рис. на с. 82; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 3; 4.

* * *

Примечание 1. Еще один миниатюрный амулет-змеевик с изображением Богоматери Знамение (диаметр 2,7 см) обнаружен на селище, примыкающем к городищу Ярополча Залесского (*Седова М. В.*, 1978. С. 119, 135. Табл. 6, 2, 3). Змеевидная композиция напоминает имеющуюся на змеевике из собрания А. С. Уварова с изображением полуфигуры архангела Михаила (табл. XVII, 5).

Примечание 2. Среди найденных на территории древней Руси змеевиков с изображением Богоматери имеется еще один тип с уникальными по иконографии как священным изображением, так и змеевидной композицией. Это змеевик из «зеркального металла» (?) из собрания Ханенко, найденный на городище Княжа Гора (табл. XII, 5). Редкая для древнерусского искусства иконография Богоматери без младенца, с «молебными» руками перед грудью и своеобразная трактовка змеевидной композиции допускают предположение о его нерусском (византийском) происхождении. Изображение Богоматери на змеевике сопровождается монограммами МР ΘГ (Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900. С. 20. Табл. ХХІХ, 325).

Сходные медные змеевики имеются в собрании ГИМ (№ 43649 и еще один в византийском отделе). Священное изображение и пояснительная надпись на этих змеевиках повреждены и не имели однозначного истолкования (предполагалось, что на первом из змеевиков ГИМ представлена св. Параскева) (*Орлов А. С.*, 1926. С. 53, 54).

Еще один змеевик, типологически примыкающий к описанным выше, бронзовый грушевидной формы (размеры 4×3,6 см), несет изображение св. Варвары, представленной сходно с иконографией Богоматери на описанных выше змеевиках, но с крестом в правой руке. По сторонам изображения — колончатая надпись КЯР|| КЯР[А]. Змеевик находится в собрании ГИМ (собрание Щукина, № 3030) (*Орлов А. С.*, 1926. С. 54).

Змеевики с изображением Крещения Господня

№ 27

XIII в. ГЭ, № 929/56. Диаметр 4 см. Происхождение неизвестно

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне изображено Крещение Господне. В центре — обнаженная фигура Христа, изогнутая в коленях и в бедрах вправо, с раскинутыми в стороны руками, в нимбе. Слева — стоящая фигура Иоанна Предтечи с правой рукой, протянутой к голове Христа. Справа изображен ангел, у которого видно только одно крыло. Между фигурами внизу помещены шестиконечные кресты. Надписей нет. По краю змеевик имеет узкий рельефный ободок.

На обороте изображена женская фигура с трапециевидной головой, на которой находится сверху столбик, с обнаженными грудями, разведенными ногами, переходящими в змеиные туловища. От пояса до бедер фигура покрыта как бы тканью. Руки обращены в стороны и также переходят в змеиные туловища. Змей получился 11-головый. Рисунок расположения змей напоминает оленье рога. По краю идет узкий рельефный ободок с поперечной насечкой.

Змеевик, отлитый в подобной же литейной форме, был в собрании Ханенко. Он найден в с. Староселье Остерского уезда Черниговской губернии. Из с. Староселье происходит и змеевик из собрания ГИМ (№ 43648). Исследователи датировали эти экземпляры XII—XIII вв.

Аналогичный эрмитажному змеевик (табл. XII, 3), отлитый в той же литейной форме (с одинаковыми дефектами по краю), находится в Русском музее (№ 4168) и описан В. Лесючевским. Возможно, что в Эрмитаже хранится экземпляр, принадлежавший Д. И. Прозоровскому. В Эрмитаже имеется и еще один змеевик со сценой Крещения на лицевой стороне (№ Э/РП-1345). Этот экземпляр был приобретен у Д. И. Сирого в 1964 г. Подобный же экземпляр (№ ЭРА-8/1) эрмитажного собрания был найден в 1981 г. в Киеве на территории Георгиевской церкви (получен с дублированными материалами из раскопок Райковецкого городища из Института археологии АН УССР). В 1957 г. Эрмитажем получен еще один экземпляр со сценой Крещения из собрания Ф. А. Каликина.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 10. Табл. XII, 10; *Толстой И. И.*, 1888. С. 383. № 17, 18; Каталог собрания древностей. . ., 1908. С. 108; *Орлов А. С.*, 1926. С. 36—38 (змеиной композиции тип III, версия 2); *Лесючевский В.*, 1928. С. 16. Рис. 7; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 13.

№ 28

XIII в. ГРМ, № 947. Диаметр 4,9 см. Происхождение неизвестно. Табл. XIII, 4

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне посредине изображена обнаженная фигура Христа, согнутая в бедрах влево. Руки не простерты в стороны, а правая согнута в локте и прислонена к бедру, левая слегка вытянута вперед. Иоанн Предтеча здесь изображен не слева, а справа.

таясь в стороны, композиция образует 12-голового змея. Этот вариант змеиной композиции несколько напоминает змееножную фигуру на змеевиках с изображением Крещения.

Как справедливо считает В. Лесючевский, естественнее всего ожидать, что на змеевиках изображены два святых воина, в житии которых есть указания на борьбу со змеем. Тогда в бородатом воине можно видеть одного из двух Феодоров — Стратилата или Тирона. Изображения их встречаются на других змеевиках и на литых иконках. Юный воин, вероятнее всего, может быть Георгием (*Лесючевский В.*, 1928. С. 13).

Другой змеевик эрмитажного собрания (№ 910Г-1344) приобретен у Д. И. Сирога в 1964 г.

Подобный змеевик имеется и в ГРМ (№ 5048). Это, по-видимому, тот экземпляр, который был найден Н. Г. Первухиным на одном из городищ Глазовского уезда Вятской губернии в конце 80-х годов прошлого века.

Такой же экземпляр был в собрании А. С. Уварова (ГИМ, № 385).

Змеевик ГИМ (№ 44673) был подарен в 1908 г. Московским археологическим обществом.

Змеевик ГИМ (№ 55639) передан из Ильинского имения великого князя Дмитрия Павловича в 1924 г.

Прогоровский Д. И., 1865. С. 414, 415; 1877. С. 5. Табл. VII, 5; *Толстой И. И.*, 1888. С. 386. № 21; Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 107. № 385. Рис. 99; 100; *Орлов А. С.*, 1926. С. 38, 39 (змеиной композиции тип IV); *Лесючевский В.*, 1928. С. 10—13. Рис. 1.

Змеевики с изображением Георгия

№ 30

XII в.

НГМ. Диаметр 5,2 см. Из новгородских раскопок на ул. Кирова (К40-68). Табл. XIV, 4

Змеевик медный круглый литой, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне изображен конный воин, едущий вправо и вонзающий копьё в пасть змея, извивающегося у ног коня. Лицо воина обращено прямо к зрителю. На нем одежда с продольными полосами, за спиной развеваются плащ. Воин безбородый, в нимбе. В такой иконографии змеборцем обычно изображали Георгия. По краю змеевика имеется узкий рельефный бортик в виде жгута.

На обороте змеиная композиция сглажена и вместо нее награвирован шестиконечный, слегка процветший крест с плетенкой на вертикальном конце. У креста — резные вглубь буквы НК (по-видимому, *ника* — сим победиши!).

Змеевик был обнаружен в слоях второй четверти — середины XII в.

*Янин В. Л., Колчин Б. А.,*Ершевский Б. Д., Хорошев А. С.*, 1975. С. 45; *Седова М. В.*, 1981. С. 66. Рис. 24.

* * *

Примечание. Помимо рассматриваемого змеевика из новгородских раскопок, существует еще один, происходящий с Болгарского городища.

На нем изображен конный Георгий-змееборец, змеевидная композиция также изглажена, и на ее месте нанесена гравировка в виде креста (ГИМ, № 54744). Сведения о болгарском змеевике сообщены М. Д. Полубояриновой.

№ 31

XIII в.

ГЭ. Диаметр 4,5 см. Табл. XIV, 3

Змеевик медный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение конного воина, едущего вправо и вонзающего копьё в пасть змея, извивающегося у передних ног коня. Воин безбородый, кудрявый, в нимбе. За спиной у него развевается плащ. Пропорции фигуры укорочены; голова слишком велика ($\frac{1}{3}$ фигуры). Конь, маленький и коротконогий, больше напоминает осла. Вся композиция хорошо вписана в круг. По краю идет узкий рельефный ободок.

На обороте в центре изображена женская личина с разобранными на прямой пробор волосами. От нее лучеобразно отходят семь толстых чешуйчатых змеиных туловищ, заканчивающихся раздвоенными головами, напоминающими больше драконьи. Композиция довольно плотно заполняет пространство круга. По краю идет узкий и неровный рельефный ободок.

Змеевик этого типа известен в одном экземпляре.

Змеевики с изображением Феодора Стратилата

№ 32

XII в.

ГРМ, № 4162. Диаметр 6 см. Табл. XV, 3

Змеевик медный круглый литой, состоящий из двух створок, каждая из которых отлита в самостоятельной литейной форме. С подвижным оглавием змеевик соединяется с помощью трех петель. На лицевой створке — рельефное изображение Феодора Стратилата в рост, в воинских доспехах, поверх которых накинута развевающаяся за спиной плащ, скрепленный на груди. В правой руке он держит вертикально поставленное копьё величиной почти в рост его фигуры, а в левой — огибающий его щит. На фоне по сторонам — колончатые обронные надписи

А	Ө
Г	Є
Н	Д
А	Ъ
С	Р
Ъ	Ъ

По краю створки идет гладкое кольцевое поле.

На обороте изображена человеческая личина на круглом щитке, орнаментированном сходящимися попарно спиралевидными завитками. От

круга в стороны отходят шесть пар толстых змеиных туловищ с большими головами. Между змеиными туловищами находятся рельефные буквы ДЪНИ или ДИПЪ.

Змеевики подобного типа встречаются нечасто. Кроме змеевика, описанного Л. В. Далем, известны лицевая створка подобного змеевика в ГРМ и несколько экземпляров в ГИМ, из которых один сохранился полностью, т. е. представлен в двух половинках (собрание Щукина, № 2997).

В слове ДИПЪ первый исследователь змеевика Л. В. Даль видел имя одного из сыновей ветхозаветного Иакова и относил к нему следующие слова из Книги Бытия (49, 17, 18): «Да будет Дан змий на пути, седяй на распутии, угрызая пята конску; и падет конник вспять, спасен я ждый Господня». 12 змей вокруг головы он сближал с 12 коленами израильтян.

М. И. Соколов читает это слово как ДЪНИ и толкует его как указание на болезнь нутра, которую наводят на человека 12 лихорадок. Такого же мнения придерживался и Е. В. Барсов, считаший, что змий в Священном писании и народных повериях являлся выразителем всего злого, а 12-головый змий олицетворял на змеевиках 12 сестер-лихорадок как представительниц всех человеческих болезней. Самым неверным нужно признать чтение ИИЪД, т. е. Андрей (Н. И. Петров).

По-видимому, на протяжении веков неоднократно происходило пересмысление символики этого сюжета, пока оно не вылилось в более конкретные представления, прочно утвердившиеся в народных апокрифах.

Из археологических находок к змеевикам подобного типа нужно отнести лишь створку со змеиной композицией, приобретенную Новгородским музеем (№ 31868) в 1983 г. у коллекционера-перекупщика. Створка случайно найдена в Новгороде и стратиграфических привязок не имеет (сообщено И. Стерлиговой).

Небезынтересно мнение Л. В. Даля о том, что на змеевике изображен не змеборец, а воин, и предназначался он для благословения на войну, т. е. такие змеевики могли носить преимущественно воины.

Даль Л. В., 1874. С. 74; *Толстой И. И.*, 1888. С. 385. № 19; 1898. С. XXXIV—XXXVIII; *Соколов М.*, 1889. С. 361, 362; *Петров Н. И.*, 1898. С. 158; *Орлов А. С.*, 1926. С. 44, 45; *Лесючекский В.*, 1928. С. 14. Рис. 3; *Николаева Т. В.*, 1985.

№ 33

XIII в. ГРМ. № 4169. Размеры 3,6×3,4×0,6 см. Табл. XV, 4

Змеевик медный восьмиугольный двусторонний, с ушком в виде тонкой пластинки, согнутой в трубочку и припаянной одним концом к торцу змеевика. В трубочку продето кольцо с заходящими друг за друга концами.

На лицевой стороне — рельефное изображение Феодора Стратилата в рост, в воинских доспехах, с развевающимся за спиной плащом, скрепленным на груди, вертикально поставленным копьём в правой руке и щитом — в левой. На фоне — нечитаемые колончатые надписи. По краю идет узкая рельефная полоса. На обороте в круге изображена человеческая личина. От круга в стороны отходят шесть пар змеиных туловищ с головами. На углубленном фоне сохранились следы стекловидной массы красного и темно-зеленого (синего?) цвета.

Композиция этого змеевика повторяет предыдущую, но является более молодой. Дата этого змеевика может быть не старше XIII в.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 11. Табл. XV, 12; *Толстой И. И.*, 1888. С. 385. № 20; *Орлов А. С.*, 1926. С. 45, 46 (змеиной композиции тип VII, версия 2); *Лесючевский В.*, 1928. С. 15. Рис. 6.

Змеевики с изображением Никиты с бесом

№ 34

XV—XVI вв.

Местонахождение неизвестно. Размеры (без оглавия) 5×4,6 см. Публикуется по статье И. И. Толстого Табл. XVIII, 5

Змеевик медный киотчатой формы (с прямыми нижними углами, плечиками и аркой полукруглой формы), с оглавием. В оглавии — Нерукотворный образ Спаса. На лицевой стороне на фоне палат изображен в рост св. Никита. В правой поднятой вверх руке он держит вервие, а левой пригнул к себе за уши хвостатого беса, стоящего на правом колене и протягивающего вперед руки. У Никиты короткая до колен, подпоясанная одежда, на плечах, по-видимому, плащ, на ногах — сапожки до колен. Сверху на фоне — обронная надпись;

МН КНТ

На обороте сверху в круге изображена человеческая личина, от которой отходят 12 пересекающихся змей с открытыми пастьями. В левом нижнем углу стоит святой в нимбе, вонзающий копьё в пасть извивающегося змея. Под кругом — обронная надпись

ФЕДОР

С правой стороны — обронная надпись в три строки

МНТН
ФЕДОРА ТН
РОНА

По краю узкая рельефная рамка.

Эти поздние киотчатые змеевики происходят, по-видимому, от змеевиков-складней со створками, известных с XIII в. Киотец представляет собой среднюю часть складня. Обратная сторона такого змеевика часто сочеталась с изображением Богоматери Умиление на лицевой стороне (ср. табл. IX, 3—5).

Киотцы с Никитой, побивающим беса, представлены в ГИМ 11 экземплярами, которые немного различаются размерами и иным расположением надписи на обороте. Из них наиболее четок по отливке змеевик Севастьяновского собрания (№ 25250), приобретенный в 1892 г.

М. И. Соколов считает надпись МНТИ греческим словом μήτηρ, т. е. читает это слово как «мать». «Такая надпись внушена тем, что традиционное изображение демона в виде женской головы, окруженной змеями, понято было под влиянием сказаний о чуде Феодора (Тирона) как изображение его матери, окруженной 12 змеенышами» (*Соколов М.*, 1889. С. 362).

Прозоровский Д. И., 1877. С. 11. Табл. XIII, 12; *Толстой И. И.*, 1888. С. 392, 393. № 32; *Московский Публичный и Румянцевский музей.* . 1905. № 381, 382. Рис. 97; *Орлов А. С.*, 1926. С. 50, 51.

№ 35

XV в.(?)

Местонахождение неизвестно. Размеры 3,3×3×0,3 см. Публикуется по изображению в «Древностях Российского государства». Табл. XVIII, 6

Змеевик медный восьмиугольный, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания.

На лицевой стороне — рельефное изображение мученика Никиты, как бы привставшего с треножной скамьи и замахнувшегося палицей или веревкой на беса, которого он держит левой рукой. Бес представлен в виде маленького человечка с хвостом. На фоне — обронная надпись **СѢТЫИ**. Поверх длинной одежды Никиты накинут плащ, скрепленный на груди, голова в нимбе. По внешнему краю идет рельефная гладкая рамка.

На обороте — человеческая личина, от которой отходят 12 змей, пересекающих друг друга. Пасти змеиных голов раскрыты. По краю — рельефная гладкая рамка.

Подобный восьмиугольный змеевик с Никитой, бьющим беса, был найден в Рязани и опубликован Д. И. Прозоровским.

Калайдович К. Ф., 1823. С. 240—242; *Нечаев С.*, 1826. С. 134; *Погодин М.*, 1871. С. 23. Рис. 5; *Прозоровский Д. И.*, 1877. С. 11. № 12; *Толстой И. И.*, 1888. С. 393. № 33; *Соколов М.*, 1889. С. 363; Каталог Рязанского музея, 1891. С. 317. № 261.

Змеевики с изображением Козмы и Дамиана

№ 36

XIII—XV вв.

ГРМ, № БЕ-1867. Диаметр 5,3 см

Змеевик серебряный круглый, литой в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — две рельефные столпообразные фигуры Козмы и Дамиана в рост, между которыми представлена вверх фигура, как мы полагаем, погрудного Спаса с воздетыми руками и тремя нисходящими от него вниз лучами. Под нею — надпись **IC XC; NIKI**. По внешнему кольцевому полю идет плохо читаемая надпись **ИГЮС**. На обороте представлена женская голова с разобранными на прямой пробор волосами, от которой отходят шесть пар толстых змеиных туловищ с большими ушастыми головами и разинутыми пастьями.

Известно несколько медных змеевиков с подобными же иконографическими схемами лицевой и оборотной сторон, но отлитыми в разных формах. Большинство змеевиков этого типа происходит с Украины и имеет, по-видимому, южнорусское происхождение.

Медные змеевики при сходстве их лицевых, а также оборотных сторон имеют и некоторые черты различия. Так, на змеевике из Князей Горы между Козмой и Дамианом внизу изображен углубленными двойными линиями четырехконечный процветший крест. На экземпляре из г. Яцин Полтавской

обл. награвирован шестиконечный крест на ступенчатой Голгофе. Подобный же крест на Голгофе награвирован и на эмеевике из музея г. Мена Черниговской обл. (табл. XVII, 1). Нечто вроде креста на Голгофе есть и на экземпляре, принадлежавшем А. С. Уварову (табл. XVI, 2).

О том, что на эмеевиках этого типа изображены целители Козма и Дамиан, свидетельствуют те экземпляры (ГИМ, собрание Щукина, № 2999; серебряный эмеевик, несколько отличный по иконографии, найденный в Рязанской губернии; табл. XVI, 5), на которых сохранились рядом с изображениями колончатые надписи

КОУЗЪМА ДАМНАНЪ

Среди медных и бронзовых эмеевиков этого типа 1) бронзовый, ГРМ, № 1437; 2) бронзовый, Исторический музей УССР, № МТ-427; 3) медный, найден на Княжей Горе близ Канева (*Тарновский В. В.*, 1898); 4) бронзовый из г. Яцин Полтавской обл. (*Спасский И. Г.*, 1976. Рис. на с. 359); 5) медный, музей г. Мена Черниговской обл. (*Спасский И. Г.*, 1976. Рис. на с. 359); 6) медный из Новгорода-Северского (*Спасский И. Г.*, 1976. Рис. на с. 361); 7) бронзовый, найден в Киеве, ГЭ, фонд М. А. Миролюбова, инв. № 2818, 30.XII.1954 г.; 8) медный из собрания А. С. Уварова (Каталог собрания древностей. ., 1908. Рис. 98); 9) красномедный, ГИМ, № 8427, найден близ Ново-Иерусалимского монастыря (дар московского цехового В. Т. Тимофеева) (*Орлов А. С.*, 1926. С. 29); 10) зеленомедный, найден в окрестностях Канева, ГИМ, № 43650; 11) медный, ГИМ, собрание Щукина, № 2999 (*Орлов А. С.*, 1926. С. 29); 12) медный, найден на Куликовом поле (Тр. ОИДР. 1837. Ч. VIII. С. 177, примеч. 10); 13) бронзовый, найден случайно между Рим-Горой и «Красивым курганом» в районе Кисловодска (*Кузнецов В. А.*, 1970. С. 154, 155); 14) медный, происходит из Вышгорода, Исторический музей УССР, инв. № В-2/977.

Самые ранние из эмеевиков этого типа относятся к XIII в. Но судя по тому, что на некоторых из них есть надписи, по палеографии не старше XV в., надо думать, что подобный тип эмеевиков существовал долго и исчез не позже XV в.

Тарновский В. В., 1898; О черниговской и некоторых других медалях. ., 1837. С. 177, примеч. 10; Каталог собрания древностей. ., 1908. С. 106. Рис. 98; *Орлов А. С.*, 1926. С. 28—30 (зменной композиции тип I, версия 2); *Спасский И. Г.*, 1976. С. 358—362. Рис. на с. 359 и 361; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 7; 8; *Кузнецов В. А.*, 1970. С. 153—155.

№ 37

XIII в.

Найден в 1872 г. близ д. Песцово Рязанской губернии. Хранился в Рязанской ученой архивной комиссии. Сообщено А. И. Черепнинным. Табл. XVI, 5

Эмеевик серебряный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне изображены две фигуры святых в рост с плохо читаемыми обронными надписями их имен по сторонам. Это Козма и Дамиан. Предположение В. Н. Щепкина о том, что это апостолы братья Филипп и Андрей, ни на чем не основано. Апостолы

на змеевиках никогда не изображались. По внешнему кольцевому полю змеевика вместо греческой надписи, обычной для змеевиков подобного типа, идет русский текст

+ ГН ПОМОЗН РАБЪ СВОЕМЪ АНДРЪОВИ

По начерку букв В. Н. Щепкин относит эту надпись к XIII в., а по общему стилю письма считает ее русской по происхождению.

На обороте змеевика представлена женская личина с отходящими от нее змеиными туловищами с большими головами — в том варианте, как они изображены на древнейших змеевиках южнорусского типа (например, на черниговской гривне).

Змеевик относится к числу немногих именных экземпляров, отлитых по специальному заказу.

Не принадлежал ли этот змеевик князю Андрею Александровичу, сыну Александра Ярославича Невского? Серебряный экземпляр мог быть именно княжеским амuletом.

Щепкин В. Н., 1898. С. 132, 133; *Бобринский А. А.*, 1898. С. 7. Рис. 5; 6; *Орлов А. С.* 1926. С. 29.

Змеевик с изображением святого в круге

№ 38

XII—XIII вв. Калининский музей. Диаметр 5 см. Из старого собрания Тверского музея. Табл. XVII, 2

Змеевик медный круглый, литой в двусторонней литейной форме, с ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное погрудное изображение святого с нимбом в круге, помещенном в нижней части змеевика. Над кругом — по-видимому, погрудная фигура святого с воздетыми руками и тремя обращенными вниз лучами (в публикациях фигуру над кругом обычно называют «мечевидной»). На фоне справа и слева имеется по четыре не сквозных углубленных круга разного диаметра. По краю идет кольцевая обронная надпись, окантованная двумя рельефными полосами. Надпись начинается от четырехконечного креста, расположенного сверху

ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΣ САΒΑΘΘ ΠΛΙΡΙΣ Ο ΞΡΑΝΟΣ ΚΑ ΓΙ

На обороте — голова с 10 змеиными туловищами с большими ушастыми головами. По краю идет гладкий кольцевой ободок.

Тип представлен только одним экземпляром.

Прозоровский Д. И., 1877. С. 20. Табл. XVI; *Жизневский А. К.*, 1888. С. 115; *Толстой И. И.*, 1888. С. 388. № 23; В., 1911. С. 45—47.

Змеевики с изображением Бориса и Глеба

№ 39

XIII—XIV вв.

ГИМ, № 41938/1904, отд. археологии, Диаметр 3,6 см. Куплен музеем в 1904 г. По словам продавца, найден в Киевской губернии. Табл. XVII, 3

Змеевик серебряный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с широким ушком для подвешивания. На лицевой стороне — рельефное изображение в рост двух фигур, Бориса и Глеба, слегка повернутых друг к другу. Между ними в величину их фигур изображен восьмиконечный крест, который каждый из них держит одной рукой. Крест имеет древнюю домонгольскую иконографию (две верхние поперечные перекладины положены прямо и широко расставлены). Борис и Глеб изображены в корзах и княжеских шапках с полукруглым верхом. Детали лиц и одежды не видны. На фоне справа и слева видны врезанные вглубь колончатые надписи

Д
В А
Д

Очевидно, это обозначение христианских имен Бориса и Глеба «Давид» и «Роман». По краю лицевой стороны идет неровный рельефный бортик.

На обороте — человеческая личина, от которой попарно отходят змеиные туловища с ушастыми головами. По внешнему рельефному кольцевому полю врублены буквы русской надписи, из которой читаются буквы

НН ДЪНН

По предположению А. С. Орлова, «если ДЪНН — целое слово и обозначает греческую „истеру“, то возможно, что мы здесь в круговой легенде имеем славянский перевод греческого заклинания „истеры“, известного по другим змеевикам. Итак, легенда № 41938 совершенно единственная».

Другой змеевик, из серого металлического сплава, разломан пополам (ГИМ, № 55214). На нем также помещены две фигуры с восьмиконечным крестом между ними и колончатыми надписями!

Б С
Р А
С Б

Выпуклая круговая надпись на лицевой стороне начинается со слов

+ ГН ПОМѠЗН...

На обороте вокруг змеиной композиции врезана нечитаемая надпись. Змеевик был подарен музею Е. К. Кудиновым в 1924 г. Найден во Владимирской губернии. Змеевики с изображениями Бориса и Глеба чрезвычайно редки.

Третий зеленомедный змеевик с Борисом и Глебом (ГИМ, № 7251) был куплен у В. Е. Румянцева (Указатель Исторического музея, 1893. Зал 7, № 10).

Орлов А. С., 1926. С. 33, 34 (змеиной композиции тип I, версия 4).

Змеевики с изображением Распятия

№ 40

Первая половина XII в. НГМ. Из раскопок в Новгороде (20-28-730). Дендрохронологическая дата 1116—1134 гг. Табл. XVIII, 1

Змеевик серебряный круглый, отлитый в двусторонней литейной форме, с круглым ушком для шнура. На лицевой стороне рельефной рубчатой линией наведен четырехконечный крест, на котором изображен распятый Христос как бы в одежде до колен. Фигура его поставлена прямо, с распростертыми руками без изгибов в локтях, носки ног обращены врозь, голова склонена на правое плечо. Справа и слева под поперечной перекладиной креста условно изображены две фигуры архангелов с опущенными вниз крыльями. Лицевая сторона окантована двумя рельефными линиями с насечками и «жемчужником» между ними.

На обороте изображена человеческая фигура с круглой головой, столпообразным туловищем, руками и ногами, переходящими в полосатые змеиные туловища. Рельефного борта по краю нет, вместо него наведен ряд крупных, редко посаженных выпуклых «жемчужин».

Подобный змеевик, но отлитый в другой литейной форме, со слабовыраженными деталями изображений, издан И. И. Толстым. По сведениям А. С. Орлова, змеевик с Распятием из собрания ГИМ происходит из раскопок Г. О. Шмидта в 1883 г. в Гдовском уезде Петербургской губернии, на берегах Чудского озера при р. Плюсса (Указатель выставки при VII АС в Ярославле, 1887. С. 55. № 1361, 1396). Описан в «Указателе Исторического музея» (1893. Зал 3, № 1227: «В. А. Городцов пояснил нам, что змеевик найден среди курганных русских предметов XII и XIII вв., вернее, среди предметов второй половины XIII в.»).

Даль Л. В., 1874. С. 74—76. Рис. III; IV; *Толстой И. И.*, 1888. С. 383. № 16; *Орлов А. С.*, 1926. С. 37; *Седова М. В.*, 1966. С. 244. Рис. 1; 2; 1981. С. 66. Рис. 23, 1, 2.

Змеевики с изображением Распятия с предстоящими

№ 41

XV в. ГРМ, № 5046. Размеры 6,5×5,6×0,2 см. Табл. XVIII, 3

Змеевик-иконка медная с прямыми нижними углами и дугообразно закругленным верхом. На лицевой стороне — рельефное изображение Распятия с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом. Крест, на котором распят Христос, семиконечный. На верхней малой перекладине — рельефные буквы: $\overline{\text{IC}} \overline{\text{XC}}$. Тело Христа сильно прогнуто. Под кре-

стом полукругом показана гора Голгофа с головой Адама. Фигуры предстоящих столпообразные, с плохо проработанными деталями изображений. По краю идет широкая рельефная рамка.

На обороте иконки отлит готовый кротчатый змеевик с плечиками и дугообразно закругленным верхом. Внутри крота помещен круг со змеиной композицией, а сверху над кругом — маленькая фигурка Феодора Тирона, вонзающего копье в пасть извивающегося змея. В отливке кротца отпечатались и две петли для скрепления с оглавием. Рельефной рамки на обороте нет.

В данном случае для змеевика была приспособлена иконка-складень, на лицевой стороне которого было Распятие, а на обороте — «Лона Авраамово», как это показано на образке, который издан в книге Ханенко (Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900. Табл. XXXI, 349). На то, что первоначально описываемая икона-змеевик соединялась с другой створкой, указывает и петля на нижней грани, потерявшая конструктивный смысл, когда иконка стала змеевиком. Есть и икона-змеевик (ГИМ, 572/Д), где сторона складня с изображением «Лона Авраамова» использована как лицевая сторона кротчатого змеевика.

Основную форму подобных иконок-змеевиков В. Лесючевский относит к XV в. не только на основе формы иконок, стиля изображения и иконографии Распятия, но и потому, что только к XV в. получили распространение житие и житийные иконы Феодора Тирона. Но змеевики с иными лицевыми изображениями и композицией с Феодором Тироном на обороте производились и в более позднее время, вплоть до XVIII в.

Подобная иконка-змеевик хранилась и в собрании Ростовского музея церковных древностей, о чем сообщал И. А. Шляков. По его словам, «иконы с подобными изображениями ему приходилось видеть, хотя в настоящее время это редкость, носимыми на груди вместе с крестом, у крестьян северных губерний» (*Дестунис Г. С.*, 1889. С. 112, 113).

Дестунис Г. С., 1889. С. 112, 113; *Орлов А. С.*, 1926. С. 48 (змеевик с «Лоном Авраамовым»); *Лесючевский В.*, 1928. С. 20. Рис. 11.

Змеевики с семью отроками эфесскими

№ 42

Конец XII— начало XIII в. ГИМ, № 19726. Диаметр 5,9 см, толщина 7 мм. Из ризницы собора Рождества Богородицы в Суздале. Табл. XIX, I, 2

Змеевик из темно-зеленой яшмы с красными пятнами (гелиотроп) круглый, выпуклый к середине. Слева кусок камня отколот.

На лицевой стороне искусной резьбой вглубь изображены в разных позах семь спящих отроков эфесских. Композиция хорошо вписана в круг, так что одна фигура изображена в центре, а остальные — вокруг нее. Все отроки в нимбах. Около них изображены сосуды и посохи. Каждая фигура подписана. У верхней надпись расположена на горизонтали

Ⓐ ЄЗАКУС—ТЪАНАН

У остальных — по вертикали

Ⓐ	Т	Ⓐ	Р	Ⓐ	Л	Ⓐ	У	М	Ⓐ	А	Ⓐ
А	О	М	Т	М	Ї	Д	С	В	Н	Н	Ї
Н	Н	А		А	А	І	Н	А	А	Ъ	Ѡ
	Н		Н	Ъ	М	О	О	Н			
	Н		О	І		Н	С	Х			
	О		С	М				Ъ			
				Н							

Последние два имени следует читать

НАМВАНХЪ; ЇѠАНЪ

Вокруг отроков в двух кольцевых окружностях, разделенных тремя врезанными чертами, расположены славянские надписи, исполненные резьбой вглубь

+ ГН НСУСЪ КРЬСТЬ ДАВЪЕ СЪНЪ :Х: ОТРОКЪ ВЪ СѢСЬСКЪЕ
 ГЪРЬ ЛАЖЬ Н .МА РА. БЪМА СВОНМА + ГЪОРГНЕО ХРЬСТННЪ
 СЪНЪ ЖНВОЪ ТЪНЪЕ Н МНРЪНЪЕ Н ЧГАСН СНАЧЪ ЪМЪНЪЕО
 АМННЪ

На обороте тоже резьбой вглубь изображена человеческая личина с волосами на прямой пробор, от которой концентрически отходят шесть извивающихся змей с головами, обращенными в одну сторону. Между змеями на фоне изображены шесть звездочек. Вокруг — две строки кольцевых надписей, обрамленных тремя врезанными линиями. Начинается надпись от креста сверху

+ ГН ПЪМЪЪН РА... .ОНМА НАРЪУЪНЪМА ВЪ СВАТМЪЪ ХРЬЩЪ
 ННН МАРНН + Н ХРЬСТННЪ ВЪ МНРЪ Ъ МНОСЛАВАНЕ СЪ СТА-
 РЪНШЬСО ДЪУЪРНСО АМННЪ

Лучшее палеографическое исследование змеевика принадлежит М. Н. Сперанскому, который правильно датировал его концом XII — началом XIII в. Историческая принадлежность доказана М. В. Щепкиной, которая, на наш взгляд правильно, считает, что змеевик принадлежал Марии Шварновне, супруге Всеволода III Большое Гнездо.

Тихоново К. Н., 1874. С. 29; *Филимонов Г. Д.*, 1875. С. 73—75; *Прозоровский Д. И.*, 1877. С. 6. Табл. X, 8; *Толстой И. И.*, 1888. С. 386—388. № 22; *Сперанский М. Н.*, 1893. С. 49—60; *Указатель Исторического музея*, 1893. Зал 11; *Орлов А. С.*, 1926. С. 41—43 (змеиной композиции тип V, версия 3); *Вагнер Г. К.*, 1963. С. 98; *Рындина А. В.*, 1972; *Щепкина М. В.*, 1972. С. 74—80; *Бланков Ж.*, 1973. С. 208; *Залеская Б. Н.*, 1974; *Blankoff J.*, 1979. Fig. 14; 15; *Медынцева А. А.*, 1987.

XIII в.(?)

Местонахождение неизвестно. Размеры 6,5×6,5×3 см.
Из собрания А. А. Бобринского. Рис. 3

Змеевик из темного камня, квадратный. «Боковые и нижняя стороны — гладкие. На верхней стороне вырезан круг, окаймленный квадратной рамкой. Внутри круга — человеческая голова с исходящими от нее шестью змеиными головами, обращенными влево. Между змеями семь букв

АМННЬ ВІ

По ободку круга русская надпись

НПЗМЪЗНРАНХРЪСТННЪВЪМНІЗЪМНОЄЛАРНЕСЪСТАРЪНШ

Буквы местами очень неразборчивы» (*Бобринский А. А.*, 1898).

Возможно, что этот камень был как-то смонтирован с другим продолговатым камнем (размеры 10,5×5,5 см), который не имел змеиной композиции, но на нем изображены семь спящих отроков эфесских с надписями

ЄЗА; ТОНН; ІМНО; ЗСНО; АРА; РАН; ІНХ

На поле — надписи

БЪМА СКОММ

По боковым сторонам камня — как будто продолжение надписи на первом камне

ГЪОРІ ГНЕ | ОХРЪСТННЕСЪ | НЪЖНВОЪТННЪ ЄМНРЪНЪЕНУ

ЪНЪНУЄО АМННЬ +

Как предполагает А. А. Бобринский, надписи эти по содержанию сходны с надписью на суздальском яшмовом змеевике: «Надписи на моих камнях списаны, по-видимому, с подобной же оригинальной темы, но списаны лишь частью, лицом, совершенно не понимавшим смысла копируемого текста. Буквы ВІ, после слова „аминь“, на первом змеевике означают повторение слова „аминь“ 12 раз. Торговец, у которого я отыскал эти предметы среди всякого хлама, сообщил, что они приобретены им в Вятской губернии, где имеют священное значение».

К сожалению, автор не привел изображений надписей, по палеографии которых можно было бы судить о датировке этих предметов. Местонахождение самих вещей в настоящее время неизвестно.

Бобринский А. А., 1898. С. 310—312.

* * *

Примечание. Змеевик, изданный А. А. Бобринским, по-видимому, представляет собой антикварную подделку и притом довольно грубую. Об этом писали А. С. Орлов, Н. П. Лихачев и А. В. Рындина (*Орлов А. С.*, 1926. С. 11, 19; *Лихачев Н. П.*, 1928. С. 131, примеч. 1; *Рындина А. В.*, 1972. С. 217). На это указывают необычная форма и материал, а также не

находящий себе аналогий составной характер (при этом обе половины змеевика не подходят друг к другу ни по размерам, ни по форме). Дефектные надписи на обеих частях змеевика, несомненно, воспроизводят надписи сусдальского змеевика, включая имена Георгия, Христины, Миославы. Между тем повторение одних и тех же имен на змеевиках обычно связано с отливками в одной литейной форме или с использованием оттиска в формовочной глине более раннего змеевика, тогда как случай совпадения имен на каменных змеевиках неизбежно вызывает у исследователей недоумение и настороженность.

Змеевики с изображением Спаса на престоле

№ 44

XIV в.

ЗИХМЗ, № 1. Размеры 8,4×5,1×3,5×0,9 см. Из ризницы
Троице-Сергиевой лавры. Табл. XIX, 3

Змеевик трапециевидный из яшмы, в гладкой золотой оправе, прорванной с лицевой стороны там, где в нее вставлены четыре стекла и по углам — четыре жемчужные плашки. На обороте оправа гладкая, плотно облегающая камень по краю. Оправа имеет три петли, с помощью которых змеевик скрепляется с подвижным золотым ушком, на котором помещена круглая жемчужина в плоской золотой оправе, обрамленной золотой ленточкой, собранной в складки, и награвирована надпись IC XC.

На камне с лицевой стороны резьбой вглубь изображен Спаситель, сидящий на престоле, с благословляющей правой рукой и Евангелием на левом колене. Нимб крестчатый. По сторонам от головы надпись IC XC.

На обороте резьбой вглубь наведена человеческая личина, от которой отходит множество переплетающихся змей, заполняющих все пространство трапециевидной фигуры.

К этому змеевику относится следующая запись в Описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г. (л. 321): «Монастырская казна, которой ведает казначей Симон Азарьин. ., коробыя новгородская долга окована, а в ней дачи блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии по царевиче князе Иване Ивановиче и по опальных. икона воротная, резь на яшме, образ Спасов на престоле, обложена золотом гладко, а на зади — резь узор, по нем и на главе четыре червцы, да пять жемчюжьков».

В «коробе новгородской» были сложены многие произведения искусства, реквизированные Иваном Грозным у опальных князей и бояр, но этот змеевик как амулет, по-видимому, принадлежал его сыну Ивану и был вложен Грозным после того как сын был убит.

Изображения древних панагий. . ., 1854. Табл. XIV; *Олсуфьев Ю. А.*, 1924. С. 12; *Флоренский П. А.*, 1923. С. 46, 47. № 21/49; *Орлов А. С.*, 1952. С. 101. № 144; *Николаева Т. В.*, 1960. С. 100, 101. № 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л. В.*, 1974. Мелкое литье из некоторых западнорусских земель: Кресты в иконки Белоруссии // СА. 1974. № 3.
- Алешковский П. М.*, 1980. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.
- Алпатов М. В.*, 1955. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII в. // Всеобщая история искусства. М. Т. III.
- Амфилохий*, архим., 1873. О древней гривне // Древности: Тр. МАО. М. Т. III.
- Анастасевич В.*, 1821. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. СПб. Ч. VIII, № 18—20.
- Анастасевич В.*, 1822. О золотой гривне, найденной близ Чернигова // Тр. Вольного общества любителей российской словесности. СПб. Ч. XVII.
- Аничков Е. В.*, 1914. Язычество и древняя Русь. СПб.
- Афанасьев А. Н.*, 1865—1869. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М. Т. I—III.
- Барсов Е. В.*, 1885. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись // ЖМНП. № 12.
- Берлинский М.*, 1822. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Тр. Вольного общества любителей российской словесности. СПб. Ч. XVII.
- Бланков Ж.*, 1973. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М.
- Бобринский А. А.*, 1898. Несколько ненаданных змеевиков // ЗРАО. Тр. отд. славянской и русской археологии. М. Т. X.
- Боровский Я. Е.*, 1988. О змеевидной композиции черниговской гривны // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тез. докл. Чернигов.
- Бочаров Г. Н.*, 1969. Прикладное искусство Новгорода Великого. М.
- Брюсов А. Я.*, 1969. Финское погребение X—XI вв. в д. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. // КСИА. М. Вып. 120.
- Буслаев Ф. И.*, 1861. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб. Т. II.
- Буслаев Ф. И.*, 1884. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским спискам с XVI по XIX в. СПб. Т. I; М. Т. II.
- Былины* / Подг. текста В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 1.
- В.*, 1911. Тверской музей: Змеевики из коллекции Тверского музея // Тверская старина: Ежемесячный исторический журнал. Тверь. № 5.
- Вагнер Г. К.*, 1961. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. М. Вып. 85.
- Вагнер Г. К.*, 1963. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве // ВВ. М. Т. XXIII.
- Вагнер Г. К.*, 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М.
- Варвинский Г.*, 1826. О надписи на черниговской медали // Тр. и зап. ОИДР. М. Ч. III, кн. 1.
- Василенко В. М.*, 1977. Русское прикладное искусство: Истоки и становление, I в. до н. э. — XIII в. н. э. М.
- Велецкая Н. Н.*, 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.
- Велецкая Н. Н.*, 1988. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. М.
- Веселовский А. Н.*, 1883. Разыскания в области русских духовных стихов. СПб. Вып. VI—X.
- Веселовский А. Н.*, 1886. Заметки по истории апокрифов // ЖМНП. № 6.
- Веселовский Н.*, 1918. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. Пг. Вып. 65.
- Византийский сатирический диалог. Л., 1986.

- Виноградов Н.*, 1909. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: По старинным рукописям и современным записям. СПб. Вып. II.
- Высоцкий Н. Ф.*, 1909. О некоторых новых типах русских оберегов и об одном татарском амулете // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Казань. Т. XXV, вып. 6.
- Гальковский Н. М.*, 1913. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М. Т. II.
- Гальковский Н. М.*, 1916. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков. Т. I.
- Гольшев И. А.*, 1876. Амулет с изображением Крещения Господня, XIII—XIV вв. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. Т. I, вып. II.
- Гольмстен В. В.*, 1914. Лунницы Российского исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 г. М.
- Горский А. В.*, 1841. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М.
- Гуревич Ф. Д.*, 1941. Збручский идол // МИА. М.; Л. № 6.
- Гуревич Ф. Д.*, 1954. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. М. Вып. 54.
- Даль Л. В.*, 1874. Заметка о медных гривнах XII в. // Древности: Тр. МАО. М. Т. I, вып. 1.
- Даркевич В. П.*, 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4.
- Дестунис Г. С.*, 1884. Разбор спорной греческой надписи, изображенной на восьми памятиках // ИРАО. СПб. Т. X, вып. 1.
- Дестунис Г. С.*, 1889. Еще о «змейвиках»: Взгляд на Крузево объяснение греческой надписи, начинающейся со слова *zstera* // ЗРАО. СПб. Нов. сер. Т. IV, вып. 2.
- Добржинин Н. Г.*, 1900. Об иконографических формах великомученика Никиты // Тр. X AC в Риге. М. Т. III.
- Древлехрамнище Александро-Невской лавры // ИАК. СПб., 1910. Вып. 37, прибавление.
- Древности Российского государства. М., 1849. Отд. I.
- Евгений [Болговитинов]*, митрополит, 1833. Замечания о черниговской гривне // Тр. и летописи ОИДР. М. Ч. VI.
- Евсеев И. Е.*, 1905. Привесной образок с изображением св. великомученика Никиты // Сб. Орловского церковно-археологического комитета. Орел. Т. I.
- Жизневский А. К.*, 1885. Описание Тверского музея // Древности: Тр. МАО. М. Т. X.
- Жизневский А. К.*, 1888. Описание Тверского музея: Археологический отдел. М.
- Журжалина Н. П.*, 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2.
- Залеская В. Н.*, 1974. К вопросу об атрибуции суздальского змейвика: В связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змейвик» // ВВ. М. Т. 36.
- Зверуго Я. Г.*, 1975. Древний Волковыск. Минск.
- Зограф А. Н.*, 1951. Античные монеты // МИА. М.; Л. № 16.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.*, 1974. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.
- Иванов П.*, 1858. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве Министерства юстиции. М.
- Изображения древних панагий, хранящихся в ризнице Свято-Троицкия Сергиевы лавры. [Б. м.], 1854.
- Истрин В. М.*, 1893. Александрия русских хронографов. М.
- Истрин В. М.*, 1898. Греческие списки Заветания Соломона. Одесса.
- Кагаров Е. Г.*, 1918. Религия древних славян. М.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С.*, 1955. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л.
- Калайдович К. Ф.*, 1823. Русские древности: а) О древних русских медалях // Северный архив: Журнал истории, статистики и путешествий. СПб. Февраль, № 3.
- Каталог Рязанского музея // Тр. VII AC в Ярославле. М., 1891. Т. II.
- Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1908. Отд. VIII—XI.
- Каргер М. К.*, 1964. Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв. М.; Л.
- Карнеев А.*, 1890. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб.
- Карский Е. Ф.*, 1979. Славянская нирилловская палеография. М.

- Каченовский М. Т.*, 1822. Разыскания по поводу старинной золотой медали, недавно открытой // Вестник Европы. М. Февраль, март и апрель, июль и август, ноябрь.
- К-ий [Каченовский М. Т.]*, 1829. Еще разыскания о черниговской золотой медали // Вестник Европы. М. Июнь.
- Кеппен П.*, 1822. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном. М.
- Килиевич С. Р.* 1980. Раскопки феодального двора на Киевском детинце // АО 1979 г. М.
- Килиевич С. Р.*, 1982. Детинец Киева IX—первой половины XIII в.: По материалам археологических исследований. Киев.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А.*, 1982. Раскоп на ул. Кирова // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.*, 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
- Куза А. В.* 1966. Золотая гривна Мономаха // Наука и религия. № 8.
- Куза А. В., Соловьева Г. Ф.*, 1972. Языческое святилище в земле радимичей // СА. № 1.
- Кузнецов В. А.*, 1970. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе // Древние славяне и их соседи. М. (МИА. № 176).
- Лабуткина И. К.*, 1989. Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М.
- Лазарев В. Н., Мневя Н. Е.*, 1954. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV в.: Людогощенский крест // Сообщения Ин-та истории искусств. М. № 4/5.
- Лакиер А. Б.*, 1850. О знаках отличия за службу в России // Зап. Санкт-Петербургского нумизматико-археологического общества. СПб. Т. II.
- Лаурина В. К.*, 1970. Новгородская иконопись конца XV—начала XIV в. и московское искусство // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств, XIV—XVI вв. М.
- Лесюковский В.*, 1928. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Л. Т. 1.
- Летопись Русского археологического общества: Извлечение из протоколов заседаний // ИРАО. СПб., 1884. Т. I, вып. 1.
- Лихачев Н. П.*, 1906. Материалы для истории русского иконописания: Атлас снимков. СПб. Ч. II.
- Лихачев Н. П.*, 1911. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб.
- Лихачев Н. П.*, 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Тр. Музея палеографии. Л. Вып. 1.
- Лурье Я. С.*, 1976. Два миниатюриста XV в.: К проблеме так называемого художественного мышления древней Руси // Культурное наследие древней Руси. М.
- Лысенко П. Ф.*, 1974. Исследование Брестского отряда // АО 1973 г. М.
- Лысенко П. Ф.*, 1985. Берестье. Минск.
- Ляцкий Е.*, 1893. К вопросу о заговорах от трясовиц // Этнографическое обозрение. М. № 4.
- Майков Л. Н.*, 1868. Великорусские заклинания // Зап. Русского географического общества по отделению этнографии. СПб. Т. II.
- Макарий*, архим., 1859. О древнем наперсном образе в библиотеке Александровской лавры // ИРАО. СПб. Т. I, вып. 6.
- Мансветов И. Д.*, 1881. Византийский материал для сказания о двенадцати трясовицах // Древности: Тр. МАО. М. Т. IX, вып. 1.
- Марков А. К.*, 1910. О типах русских монет XV в. // Зап. Нумизматического отд. РАО. СПб. Т. 1, вып. 4.
- Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные МАО. М., 1896. Вып. II.
- Медынцева А. А.*, 1987. Суздальский змеевик // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюзной конференции, Суздаль. М. Московский Публичный и Румянцевский музей. Каталог отделения древностей: Древности русские. М., 1987.
- Напирский Г.*, 1836. Описание и объяснение древней медали // ЖМНП. СПб. № 1—3.
- Неверов О. Я.*, 1974. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // ВДИ. № 1.
- Неверов О. Я.*, 1976. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.

- Нечаев С.*, 1826. Замечания о старинном медном образе // Тр. и зап. ОИДР. М. Ч. III, кн. 1.
- Николаева Т. В.*, 1960. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск.
- Николаева Т. В.*, 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М. Вып. Е1-49.
- Николаева Т. В.*, 1985. Змеевики с изображением Феодора Стратилата как филиатерии преимущественно для воинов // «Слово о полку Игореве и его время. М. Новомбергский Н., 1906. Колдовство в Московской Руси XVII ст. СПб.
- Носова Г. А.*, 1975. Язычество в православии. М.
- О белгородской гривне // Биржевые ведомости. СПб., 1877. № 245.
- О черниговской и некоторых других медалях, описанных в трудах ОИДР: Письмо к действительному члену ОИДР профессору Дерптского университета, барону Карлу фон Моргенштерну // Тр. и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. VIII.
- Олеин А. Н.*, 1833. Литографированные рисунки к опыту о словесах от времени Трания и русских до нашествия татар. СПб.
- Олеин А. Н.*, 1836. О черниговской медали: Письмо президента императорской Академии художеств А. Н. Оленина к г. министру народного просвещения от 4 апреля 1836 г. // ЖМНП. СПб. Т. X.
- Олсуфьев Ю. А.*, 1920. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII в. и наиболее типичных XVIII и XIX вв. Сергиев.
- Олсуфьев Ю. А.*, 1924. Искусство XIV—XV вв.: Каталог наиболее выдающихся произведений этой эпохи в музее б. Троице-Сергиевой лавры / Комиссия по охране памятников искусства. 2-е изд., доп. и испр. Сергиев.
- Орлов А. С.*, 1926. Амулеты «змеевики» Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М. Прилож. V.
- Орлов А. С.*, 1952. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л.
- Панченко Б.*, 1908. Каталог моливдовулов. София. Вып. 1.
- Перетц В. Н.*, 1899—1901. Материалы к истории апокрифа и легенды. СПб. Т. I; II.
- Перетц В. Н.*, 1933. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // ИГАИМК. Л. Вып. 73.
- Петров Н. И.*, 1898. О некоторых змеевиках, энколпионах и образах, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // АИЗ. М. Т. VI, № 5/6.
- Петров Н.* [Б. г.]. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев. Вып. III: Южнорусские иконы.
- Погодин М.*, 1871. Древняя русская история до монгольского ига. М. Т. III, отд. 1: Атлас исторический, географический, археологический с объяснением.
- Познанский Н. Ф.*, 1912. Сисиниева молитва-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. СПб.
- Познанский Н. Ф.*, 1917. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг.
- Порфиридов Н. Г.*, 1959. Об одной группе древнерусских медных изделий // Сообщения ГЭ. Л. Т. VI.
- Порфирьев И. Я.*, 1872. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань.
- Порфирьев И. Я.*, 1890. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб.
- Прозоровский Д. И.*, 1865. Опись музея Имп. археологического общества // Изв. Имп. археологического общества. СПб. Т. V.
- Прозоровский Д. И.*, 1877. О древних медальонах, называемых «змеевиками» // Христианские древности / Изд. под ред. В. Прохорова. СПб. Кн. 1.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. I.
- ПСРЛ. М., 1962. Т. II.
- Пыпин А. Н.*, 1862а. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летописи занятий Археологической комиссии за 1861 г. СПб.
- Пыпин А. Н.*, 1862б. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Куселев-Безбородко. СПб. Вып. 3.
- Радавилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. I.
- Ровинский Д. А.*, 1881. Русские народные картинки. СПб. Т. III.
- Ровинский Д. А.*, 1900. Русские народные картинки. СПб. Т. I; II.

- Русанова И. П.*, 1966. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура древней Руси. М.
- Русанова И. П., Тимошук Б. А.*, 1986. Збручское святилище // СА. № 4.
- Рыбаков Б. А.*, 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1949. Древности Чернигова // МИА. М.; Л. № 11.
- Рыбаков Б. А.*, 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси: Домонгольский период. М.; Л. Т. II.
- Рыбаков Б. А.*, 1964. Русские датированные надписи XI—XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-44.
- Рыбаков Б. А.*, 1968. Святovit-Род // Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratioribus dicatus. Warszawa.
- Рыбаков Б. А.*, 1971. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.
- Рыбаков Б. А.*, 1974. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. № 4.
- Рыбаков Б. А.*, 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б. А.*, 1986. Язычество древней Руси. М.
- Рындина А. В.*, 1972. Суздальский змевики // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.
- Рындина А. В.*, 1973. Складень мастера Лукиана // Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М.
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв. // САИ. Л. Вып. Е1-60.
- Рябинин Е. А.*, 1988. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. М.
- Санглен Я.*, де, 1826. О медали, найденной в Чернигове // Тр. и зап. ОИДР. М. Ч. III, кн. 1.
- Сапунов Б. В.*, 1970. Памятники материальной культуры двоверцев // Тр. Гос. Эрмитажа. Л. Т. XI.
- Седов В. В.*, 1953. Древнерусское святилище на Перыни // КСИИМК. М. Вып. 50.
- Седов В. В.*, 1962. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. М. Вып. 87.
- Седов В. В.*, 1968. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М.
- Седов В. В.*, 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. Сер. Археология СССР. М.
- Седов В. В., Седова М. В.*, 1983. Древний Суздаль: Археологическое исследование // Вестник АН СССР. № 1.
- Седова М. В.*, 1957. Амулет из древнего Новгорода // СА. № 4.
- Седова М. В.*, 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода // Тр. Новгородской экспедиции. М. Т. III (МИА. № 65).
- Седова М. В.*, 1966. Новгородские амулеты-змевики // Культура древней Руси. М.
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М. В.*, 1980. Раскопки в Суздале // АО 1979 г. М.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода, X—XV вв. М.
- Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко, 1900. Древности русские. Киев. Вып. II.
- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I.
- Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1840.
- Соколов М.*, 1889. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змевики // ЖМНП. СПб. № 6.
- Соколов М. И.*, 1895. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змевики // Древности: Тр. Славянской комиссии МАО. М. Т. I.
- Спаский И. Г.*, 1976. Три змевики с Украины // Средневековая Русь. М.
- Спаский И. Г.*, 1970. Дукати і дукачи України. Київ.
- Сперанский М. Н.* 1893. О змевики с семью отроками // АИЗ. М. Т. I. № 4.
- Сперанский М. Н.*, 1899—1904. Из истории отреченных книг. СПб. Вып. I—IV.
- Спицын А. А.*, 1915. Археологический альбом // ЗОРСА. Пг. Т. XI.
- Срезневский И. И.*, 1882. Древние памятники русского письма и языка, X—XIV вв. СПб. 2-е изд.
- Ставровский И.*, 1836. Объяснение черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе, и по другим известным до сего времени и относящимся к тому же роду: Сочинение ординарного профессора Дерптского университета Крузе // ЖМНП. СПб. № 1—3.
- Стасов В. В.*, 1888. Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб.

- Сумцов Н. Ф.*, 1878. Заговоры: Библиографический указатель. Харьков.
- Сумцов Н. Ф.*, 1889. Культурные переживания // Киевская старина. Киев. Т. XXVII.
- Сумцов Н. Ф.*, 1896. Личные обереги от сглаза. Харьков.
- Тарновский В. В.*, 1898. Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев.
- Тимощук Б. А., Русанова И. П.*, 1983. Славянские святилища на среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. № 4.
- Тимощук Б. А., Русанова И. П.*, 1988. Второе Збручское (Крутиловское) святилище: По материалам раскопок 1985 г. // Древности славян и Руси. М.
- Тихонравов К. Н.*, 1874. Наперсный каменный амулет, хранящийся в ризнице Суздальского Рождественского собора // Древности: Тр. МАО. М. Т. IV, протоколы.
- Тихонравов Н. С.*, 1863. Памятники отреченной русской литературы. СПб. Т. I; II.
- Тихонравов Н. С.*, 1894. Памятники отреченной русской литературы. СПб. Т. III.
- Токарев С. А.*, 1957. Религиозные верования восточнославянских народов. М.; Л.
- Толстая С. М., Толстой Н. И.*, 1978. Заметки по славянскому язычеству // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архайдка. Традиция. М. 2: Вызывание дождя в Полесье.
- Толстая С. М., Толстой Н. И.*, 1981а. Заметки по славянскому язычеству // Русский фольклор. Л. Т. XXI: Поэтика русского фольклора. 1: Вызывание дождя у колодца.
- Толстая С. М., Толстой Н. И.*, 1981б. Заметки по славянскому язычеству // Славянский и балканский фольклор: Обряд: Текст. М. 5: Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах.
- Толстая С. М., Толстой Н. И.*, 1982. Заметки по славянскому язычеству // Обряды и обрядовый фольклор. М. 3: Первый гром в Полесье; 4: Защита от града в Полесье.
- Толстой И. И.*, 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. СПб. Т. III.
- Толстой И. И.*, 1898. Отзыв действительного члена графа И. И. Толстого о сочинении М. И. Соколова «Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками» // ЗРАО. Т. X, вып. 1/2.
- Толстой И. И.*, 1911. Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Зап. Нумизматического отд. РАО. СПб. Т. II.
- Толстой И., Кондаков Н.*, 1897. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб. Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода.
- Толстой Н. И.*, 1985. Заметки по славянскому язычеству: Откуда название шуликун? // Восточнославянские языки, история, культуры. М.
- Турилов А. А., Чернецов А. В.*, 1986. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ. № 1.
- Уваров А. С.*, 1910а. Византийские филактерии и русские наузы // Уваров А. С. Сб. мелких трудов. М. Т. I.
- Уваров А. С.*, 1910б. Граф Алексей Сергеевич Уваров // Сб.: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам / Под ред. гр. П. С. Уваровой. М. Т. III.
- Указатель выставки при VII археологическом съезде в Ярославле.* Ярославль, 1887. Указатель Исторического музея. Изд. 2-е. М., 1893.
- Успенская А. В.*, 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни в X—XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Успенский А. Н.*, 1910. Фрески церкви Спаса Нередицы. М.
- Успенский Б. А.*, 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.
- Фезнер М. В.*, 1982. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. № 4.
- Филимонов Г. Д.*, 1875. Змеевик суздальского Рождественского собора // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. Вып. 6/10.
- Флоренский П. А.*, 1923. Опись панагий Троице-Сергиевой лавры XII—XIX вв. Сергиев.
- Франко І.*, 1896—1910. Апокрифі і легенди з українських рукописів / Збирав, упорядкував і пояснив Ів. Франко. Львів. Т. I—V
- Фрегер Дж. Дж.*, 1980. Золотая ветвь. М.
- Христианские древности и археология: Ежемесячный журнал /* Изд. В. Прохоров. СПб., 1862. Кн. 5.
- Хрущев И.*, 1880. Белгородка и найденный в ней змеевик // ИРАО. СПб. Т. IX, вып. 1.

- Чаев Н. С., 1951. Просвещение // История культуры древней Руси: Домонгольский период. М.; Л. Т. II.
- Чалый В. В., Фомичев Н. М. 1985. Древнерусская костяная бляшка из Азова // СА. № 3.
- Четыркин И. Д., 1900. К вопросу об изображениях великомученика Никиты // Тр. X АС в Риге. М. Т. III.
- Чернецов А. В., 1985. Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в древней Руси // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л. (ТОДРЛ. Т. XXXVIII).
- Чернецов А. В., 1987. Резные посохи XV в.: Работа кремлевских мастеров. М.
- Штылаў Г. В., Захарэнка П. Н., 1971. Старажытныя скарбы Беларусі. Мінск.
- Штылов Г. В., Захаренко П. Н., 1971. Древние сокровища Белоруссии. Минск.
- Шугаевський В., 1928. Мідяний змеевик чернігівського музею — повторення золотої «чернігівської гривні» // Чернігів і Північне лівобережжя: Огляді, розвідки, матеріали (Зап. українського наукового товариства в Києві). Київ. Т. XXIII.
- Щепкин В. Н., 1898. Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губернии // АИЗ. М. Т. VI.
- Щепкина М. В., 1972. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.
- Эрдман, 1836. Объяснение еще одной древней медали [Письмо ординарного профессора Казанского университета Эрмана к г. министру народного просвещения] // ЖМНП. СПб. № 1—3.
- Якубовський В. І., 1975. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької обл. // Археологія. Київ. № 16.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершеский Б. Д., Хорошев А. С., 1974. Новгородская экспедиция // АО 1973 г. М.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершеский Б. Д., Хорошев А. С., 1975. Новгородская экспедиция // АО 1974 г. М.
- Arne T., 1914. La Suède et l'Orient. Uppsala.
- Barb A. A., 1953. Diva Matrix — a faked gnostic intaglio in the possession of P. P. Rubens and the iconology of a symbol // Journal of Warburg and Courland Institutes. London. T. XVI.
- Blankoff J., 1972. A propos d'une amulette zmeevik du musée de Vologda // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire slave à l'Université de Bruxelles. Bruxelles. T. XX.
- Blankoff J., 1973. A propos du «dvoeverie» et des amulettes «zmeeviki» // Communications présentées par les slavistes de Belgique VIIe congrès international de slavistique (Varsovie, 1973). Bruxelles.
- Blankoff J., 1979. Survivances du Paganisme en vieille Russie // Problèmes d'histoire du Christianisme. Université Libre de Bruxelles.
- Boll F., 1926. Sternglaube und Sterndeutung. Berlin; Leipzig.
- Bridham L. B., 1969. Gargoyles, chimaeras and the grotesque in french gothic sculpture. N. Y.
- Chernetsov A. V., 1983. Types on russian coins of the XIV and XV centuries: An iconographic study // BAR International series. 167. Oxford.
- Collection de Me Maréchal: Catalogue. Paris, 1966.
- Delatte A., Derchain Ph., 1964. Les intailles magiques greco-egyptiennes. Paris.
- Fraener M., 1884. Kritische Analekten // Philologus. Göttingen. Suppl. Bd V, H. 1.
- Francke J. V., 1824. Die Goldmünze de Bazilius in St. Petersburg erläutert // Neues Museum der teutschen Provinzen Russlands. Dorpat. Bd 1, H. 1.
- King C. W., 1864. The gnostics and their remains, ancient and medieval. London.
- Köppen P., 1822. Altertum und Kunst in Russland // Wiener Jahrbücher der Literatur besonders abgedruckt. Wien.
- Kruse, 1835. Nachtrag zu Herrn D-r Napiersky Beschreibung einer Denkmünze // Dorpater Jahrbücher der Literatur. Dorpat. Bd V.
- Laurent V., 1936. Amulettes byzantines et formulaires magiques // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig. Bd 36, H. 2.
- Mansikka V., 1922. Die Religion der Ostslaven: Quellen. Helsinki.
- Mode H., 1977. Stwory mityczne i demony. Warszawa.
- Moltner E., 1896. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Paris. V. I.

- Morgenstern C.*, 1826. *Caroli Morgensterni de numismate Basilii Tschernigoviae nuper efosso commentatio*. Dorpat.
- Napiersky*, 1835. *Beschreibung und Erklärung einer alten Denkmünze // Dorpater Jahrbücher der Literatur*. Dorpat, Bd V.
- Pope A. U.*, *Ackerman P.*, 1938. *A survey of persian art*. London; N. Y. V. V.
- Russian ecclesiastical art: A descriptive catalogue of the de Savitsch collection / Compiled by Nathalie Scheffer*. Washington, D. C., 1951.
- Schlumberger G.*, 1892. *Amulettes byzantines anciennes destinées à combattre les maléfices et maladies // Revue des études grecques*. Paris. T. 5.
- Schlumberger G.*, 1895. *Amulettes byzantines anciennes // Mélanges d'archéologie byzantine*. Paris.
- Sedov V. V.*, 1981. *Pagan sanctuaries and idols of the Eastern Slavs // Symposium international et pluridisciplinaire sur le paganisme slave*. Bruxelles—Gand, 21—24 mai 1980. *Contributions // Slavica Gandensia*. 7/8.
- Weitzmann K.*, 1950. *Greek mythology in byzantine art*. Princeton.

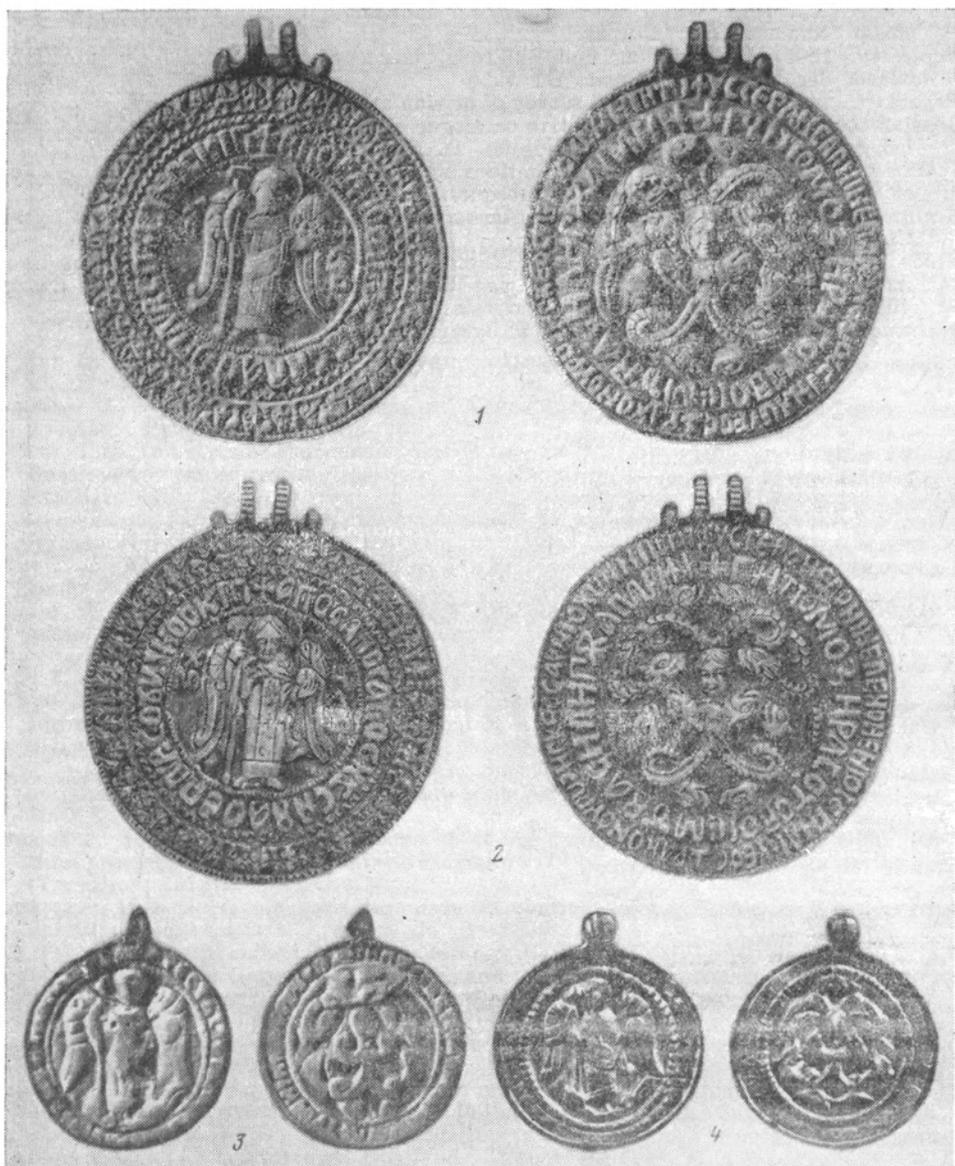

Таблица I
Змеевики с изображением архангела Михаила

1 — черниговская гривна, XI в. Золото. ГЭ. Виз. отд., № 22/1 (по И. И. Толстому, № 1); 2 — древняя отливка с черниговской гривны. Медь. Исторический музей УССР, № 1429-в; 3 — с русскими надписями на обеих сторонах. Медь. Из собрания Ю. Б. Иверсена (по И. И. Толстому, № 5); 4 — Бронза. Волковск случайная находка

Таблица II
Змевики с изображением архангела Михаила

1 — с русскими надписями на обеих сторонах (по Д. И. Прозоровскому и И. И. Толстому, № 4);
2 — Белый сплав. Из собрания А. С. Уварова, № 373; 3 — с именами Евдогии и Андрея. XIV в.;
Медь. ГИМ, № 378 (по И. И. Толстому, № 3); 4 — XII в. Биллон. Из раскопок в Новгороде. Усадьба
Олвесея Гречина (Тр. 12-43)

Таблица III
Змеевики с изображением архангела Михаила

1— XII в. Бронза. Из раскопок 1983 г. в Суздале; 2—XII—первая половина XIII в. Золото. Хранился в Казанском университете (по И. И. Толстому, № 2); 3 — с русскими надписями. Медь. Из собрания Д. И. Прозоровского (по И. И. Толстому, № 6); 4 — фото с гальванокопии золотого змеевика (см. 2)

Таблица IV
Змеевики с изображением архангела Михаила

1 — Конец XII в. Оловянисто-свинцовый сплав. Из раскопок в Новгороде (17-18-456); 2 — Конец XII в. Золотистая бронза. Из раскопок в Новгороде (17-24-753); 3 — Середина XIII в. Медь. Из раскопок в Новгороде (13-9-1739); 4 — Новгород, подъемный материал (Софийская сторона, берег Волхова); 5 — XII в. Бронза. Раскопки 1979 г. в дегинце Киева (Десятинный пер., 3)

Таблица V
Змеевики с изображением Богоматери Умиление

1 — византийского происхождения (?). XII в. Золото. Из с. Белгородка (летописный Белгород) (по И. И. Толстому, № 12); 2 — XII в. Золото. Из д. Ковшич Смоленской обл. ГЭ, № 2032/1 (по И. И. Толстому, № 13); 3 — Медь. Из собрания Ю. Б. Иверсева (по И. И. Толстому, № 10); 4 — Медь (по И. И. Толстому, № 7)

Таблица VI
Змеевик с греческой молитвой, обращенной к Богородице

1 — Золоченая медь. (Из ризницы Троице-Сергиевой лавры. ЗИХМЗ, № 1489; 2 — оборотная сторона змеевика с изображением Богоматери Умиление на лицевой стороне. Медь. Собрание А. С. Уварова, № 350; 3 — оборотная сторона змеевика с изображением Богоматери Умиление на лицевой стороне. ГРМ, № 1671; 4 — византийского происхождения (?) с именем Ирины. Медь. Из собрания Д. И. Прозоровского (по И. И. Толстому, № 25)

Таблица VII
Икона (XVII в.) из иконостаса Троицкого собора
Троице-Сергиевой лавры с врезанным в нее медным золоченым змеевиком.
ЗИХМЗ, № 1489 (см. табл. VI, 1)

Таблица VIII
Змеевики с изображением Богоматери Умиление →

1 — Бронза. Из собрания Погодина. ГЭ; 2 — Из собрания Ф. А. Каликина. ГЭ, Э/РП-1090; 3—
 Бронза. Из собрания М. П. Погодина. ГЭ, № 10003/7 (по И. И. Толстому, № 11)

Таблица IX
Киотчатые змеевики с изображением Богоматери Умиление

1 — средник складня. XIII в. Медь. Из раскопок в Изяславле. ГЭ; 2 — Из собрания А. С. Уварова, № 352; 3 — Медь. Из собрания Д. И. Прозоровского (по И. И. Толстому, № 30); 4 — оборот змеевина. Из собрания А. С. Уварова, № 355; 5 — оборот змеевика. ГРМ, № 1671

Таблица X
Змевики с изображением Богоматери Одигитрии

1 — Медь. ГЭ (по И. И. Толстому, № 15); 2 — оборот змевика. Из собрания И. С. Остроухова. Гос. Третьяковская галерея; 3 — Из собрания А. С. Уварова, № 347; 4 — XVIII в. Медь. ЗИХМЗ

Таблица XI
Киотчатые змеевики с изображением Богоматери Одигитрии

1 — складень. Из собрания А. С. Уварова, № 357; 2 — оборот средника складни. Из собрания А. С. Уварова, № 358; 3 — с изображением Богоматери Одигитрии в центре, Деисуса, архангелов и святых — в клеймах. Змеевидная композиция на оборотной стороне представляет собой оттиск киотчатого змеевика меньших размеров. Из собрания А. С. Уварова, № 351; 4 — Медь. Из собрания великого князя Петра Николаевича (по И. И. Толстому, № 31); 5 — Из собрания А. С. Уварова, № 349

Таблица XII
Змеевки с изображением Богоматери

1 — X—XI вв. (по А. Я. Брюсову). XII в. (по Т. В. Николаевой). Из финно-угорского погребения близ д. Погостьяще Вологодской обл.; 2 — Медь. ГЭ (по И. И. Толстому, № 14); 3 — Первая половина XIV. Оловянисто-свинцовый сплав. Из раскопок в Новгороде (10-14-1790); 4 — XIII в. Свинец. Из раскопок в Берестье; 5 — Найден на городище Княжа Гора. Из собрания В. И. и В. Н. Ханенко

Таблица XIII
Змеевики с изображением Крещения

1 — Из собрания Д. И. Прозоровского (по И. И. Толстому, № 17); 2 — зеркальный перевод композиции Крещения. ГЭ (по И. И. Толстому, № 18); 3 — ГРМ, № 4168; 4 — зеркальный перевод композиции Крещения. ГРМ, № 947; 5 — оборот с изображением зеркального перевода композиции Крещения. ГЭ, № РП-1092

Таблица XIV
Змеевики с изображением конных святых

1 — с изображением двух конных святых воинов. Хранился в музее Русского археологического общества (по И. И. Толстому, № 21); 2 — с изображением двух конных святых воинов. ГЭ; 3 — с изображением чуда св. Георгия о змии. ГЭ; 4 — с изображением чуда св. Георгия о змии на лицевой стороне и гравировкой в виде процветшего креста на месте изглаженной змеевидной композиции — на оборотной. XII в. Бронза. Из раскопок в Новгороде (К40-68)

Таблица XV
Змеевники с изображением св. Феодора Стратилата

1 — в виде круглого складня (по Л. В. Далю и И. И. Толстому, № 19); 2 — задняя створка подобного змеевника. Хранилась в Археологической комиссии; 3 — передняя створка подобного змеевника. Медь. ГРМ, № 4162; 4 — восьмиугольный. ГРМ, № 4169; 5 — восьмиугольный (по Д. Н. Прозскому и И. И. Толстому, № 20)

Таблица XVI
Змеевики с изображением Козмы и Дамиана

1 — Низкопробное серебро. ГЭ (по И. И. Толстому, № 24); 2 — Из собрания А. С. Уварова, № 383;
 3 — Бронза. ГРМ, № 1437; 4 — ГЭ. Из г. Яции Полтавской обл.; 5 — с русской надписью, содержащей имя Андрея. XIII в. Серебро. Найден близ д. Песцово Рязанской обл.

Таблица XVII
Змеевики с различными изображениями

1 — с изображением Козмы и Дамиана. Музей г. Мены Черниговской обл.; 2 — с изображением неизвестного святого в медальоне. Медь. Хранился в Тверском музее (по И. И. Толстому, № 1); 3 — с изображением Бориса и Глеба. XIII—XIV вв. ГИМ, № 41938/1904; 4 — с изображением по фигуре святого война (?) XII в. Из раскопок в Суэдале 1979 г.; 5 — с изображением полуфигуры хангела Михаила. Бронза. Из собрания А. С. Уварова, № 374

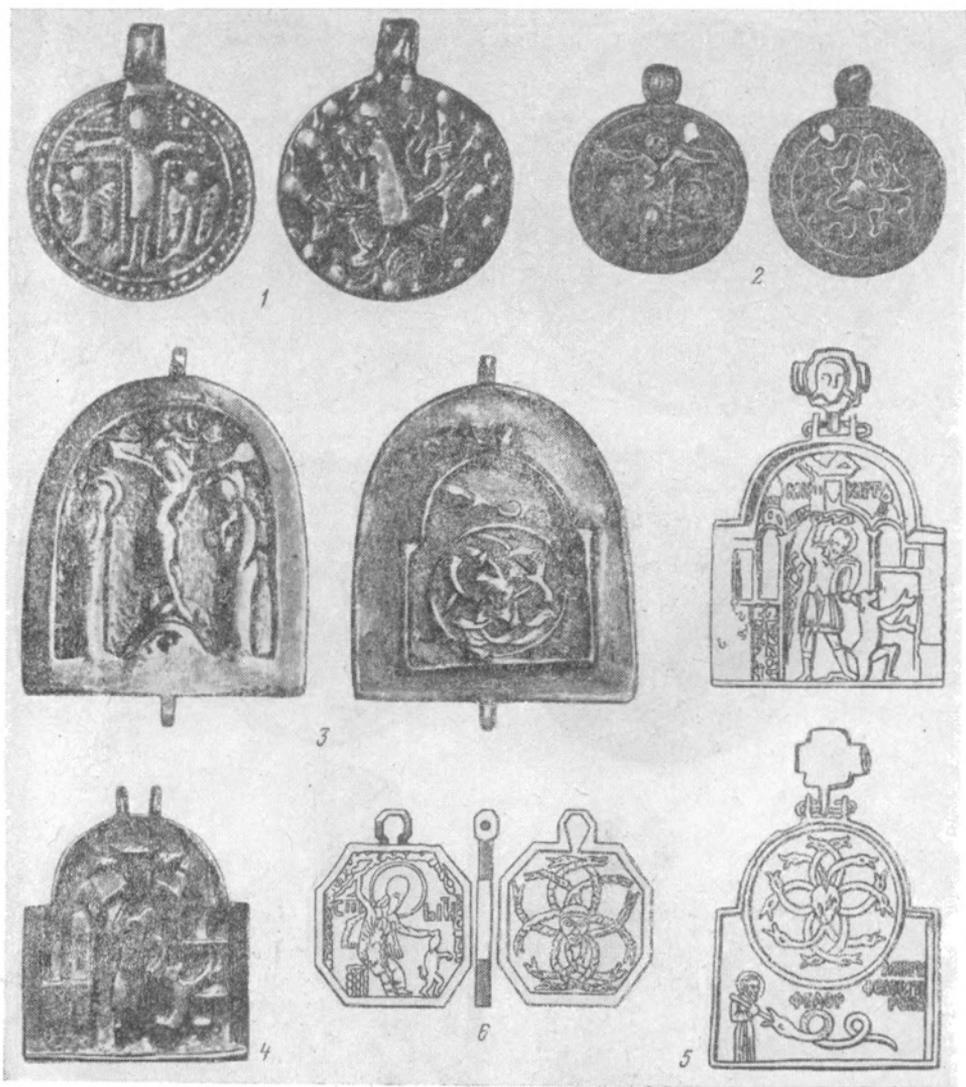

Таблица XVIII

Змеевики с изображением Распятия и св. Никиты, побивающего беса

1 — с изображением Распятия. Первая половина XII в. Серебро. Из раскопок в Новгороде (20-28-730); 2 — с изображением Распятия. ГИМ, собрание П. И. Щукина, № 3006 (по Л. В. Далю и И. И. Толстому, № 16); 3 — киотчатый с изображением Распятия с предстоящими. Лицевая сторона отлита с оттиска ажурной створки иконы-складня; для оборотной использован оттиск с киотчатого змеевика меньших размеров. Медь. ГРМ, № 5046; 4 — лицевая сторона киотчатого складня с изображением св. Никиты, побивающего беса. Из собрания А. С. Уварова, № 381; 5 — киотчатый с изображением св. Никиты, побивающего беса. Медь (по «Древностям Российского государства» и И. И. Толстому, № 32); 6 — восьмиугольный медальон с изображением св. Никиты, побивающего беса. Медь (по «Древностям Российского государства» и И. И. Толстому, № 33)

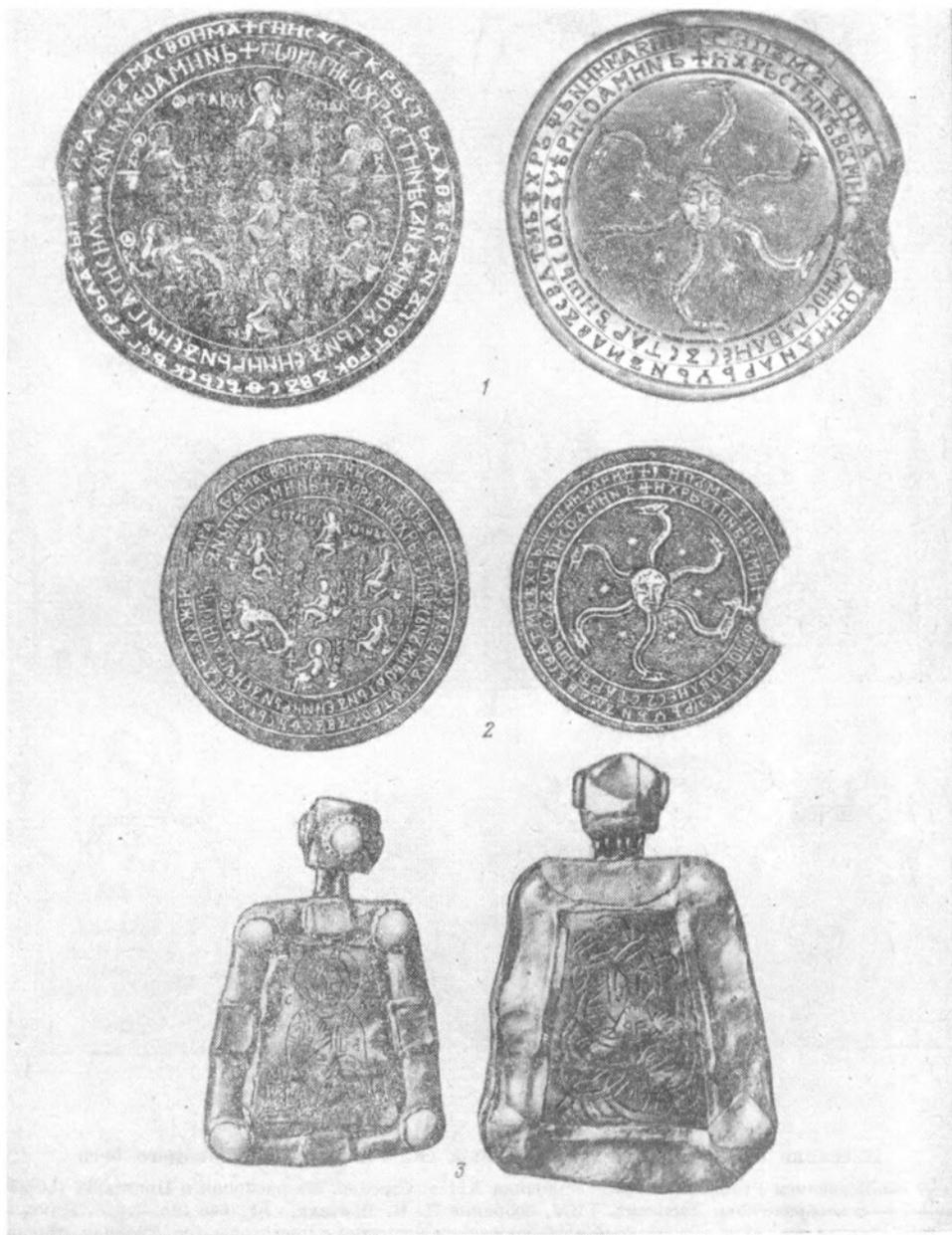

Таблица XIX. Змеевики из камня

1, 2 — суздальский, с изображением семи отроков эфесских и русскими надписями на обеих сторонах, содержащими ряд имен представителей княжеской семьи. Конец XII—начало XIII в. Яшма. ГИМ, № 19726 (по И. И. Толстому, № 22); 3 — трапециевидный с изображением Спаса на престоле. XIV в. Яшма. Вклад Ивана Грозного в ризницу Троице-Сергиевой лавры. ЗИХМЭ, № 1

Таблица XX
Змеевики византийского происхождения

1 — Камень (по Монфоону и И. И. Толстому, № 26); 2 — Камень. Хранился в Готе (по И. И. Толстому, № 27); 3 — Зеленая яшма. Хранится в Маастрихтском соборе («печать св. Серватия») (по И. И. Толстому); 4 — Камень (по Кингу и И. И. Толстому); 5 — односторонний. Камень. Хранился в Готе (по И. И. Толстому, № 28); 6 — Свинец. Приобретен в Константинополе (по Г. Шломберже)

Таблица XXI

Аналогии змеевидной композиции в древнерусском искусстве

1 — щит с устрашающей личиной. Фреска церкви Спаса на Ковалеве. XIV в. Новгород; 2 — объединенные узлом-плетенкой личины «живот» и «смерть» на иконке-складне мастера Лукиана. 1412 г. Гос. Музеи Московского Кремля. № 228 Вл; 3 — деталь резного посоха. Конец XV в. Гос. Оружейная палата; 4 — оттиск печати князя П. И. Шуйского при грамоте 1562 г. с гностическим мотивом — чудовищем с петушиной головой и ногами в виде змеи (по П. И. Иванову); 5, 6 — личина, окруженная завитками, на монетах ростовских князей Андрея Федоровича и Александра Константиновича. Ранее 1404 г.

Таблица XXII
Аналогии змеевидной композиции в древнерусском искусстве
и археологическом материале

1 — Александр Македонский добывает голову «девицы Горгонии». Миниатюра Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в.; 2 — Александр Македонский и «девица Горгония». Миниатюра XVII в.; 3 — привеска миндалевидной формы скандинавского происхождения; 4—8 — инициалы тератологического стиля из русских рукописей XIV в.: 4 — Псалтырь Фроловская (вторая). ГПБ, № 2, 5—8 — Евангелие недельное. 1362 г. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии (Соф.), № 3, ныне — в ГПБ

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НИКОЛАЕВОЙ

Татьяна Васильевна Николаева, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР, доктор исторических наук, крупный исследователь в области древнерусского прикладного искусства, скончалась 30 апреля 1984 г.

Т. В. Николаева родилась в 1924 г. в г. Нелидово Калининской обл. в семье служащего. В 1939 г. она поступила на исторический факультет МГУ. После окончания университета в 1944 г. Т. В. Николаева была зачислена в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР, которую окончила в 1948 г. В том же году она поступила в Загорский государственный историко-художественный заповедник, где проработала 19 лет в должности заведующей историко-художественным отделом. За это время ею созданы такие отделы музея, как «Русское искусство XIV—XVII вв.», «Русское искусство XVIII—XX вв.», исторический и археологический. Т. В. Николаева проводила огромную работу по сбору произведений древнерусского и народного искусства, возглавляя экспедиции музея в различные районы Московской, Калужской, Калининской и Костромской областей. В результате собрание музея пополнилось большим количеством произведений древней иконописи, прикладного искусства и старопечатных книг. Т. В. Николаева являлась хранителем экспозиции драгоценных металлов (ризницы Троице-Сергиевой лавры), активно выступала как экскурсовод и лектор, проводила занятия с сотрудниками музея, способствуя подготовке научных кадров. За плодотворную музейную деятельность Т. В. Николаева была награждена медалью «800 лет Москвы», отмечалась грамотами Министерства культуры СССР, РСФСР и управления культуры Мособлсполкома.

В 1963 г. Т. В. Николаева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Произведения древнерусской мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея».

Уже во время работы в музее проявились лучшие качества Т. В. Николаевой: безграничная преданность своему делу, неиссякаемое трудолюбие, целеустремленность, высокая духовность и дисциплина ума. Огромная эрудиция в сочетании с тонкой проницательностью позволили ей стать первооткрывателем неведомых ранее шедевров древнерусского искусства и по-новому интерпретировать уже известные.

В 1966 г. Т. В. Николаева начала работать в Институте археологии АН СССР. Здесь в полной мере проявился ее исследовательский талант. В 1974 г. она защитила докторскую диссертацию «Художественное ремесло Московской Руси». В выдающемся труде, охватившем период великокняжеской Москвы (XIII—конец первой трети XVI в.), впервые в отечественной науке воссоздана целостная история развития художественного ремесла этого времени, выделены местные школы искусства таких крупных центров Руси, как Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Новгород,

Тверь, на основе которых расцвело искусство Москвы — средоточия культуры объединенного государства.

Перу Т. В. Николаевой принадлежит свыше 50 печатных работ, в том числе пять монографий: «Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея» (Загорск, 1960), «Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в.» (М., 1971); «Древнерусская живопись в собрании Загорского музея» (М., 1976); «Прикладное искусство Московской Руси» (М., 1976); «Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.» (М., 1983). Исследователю был чужд узковещеведческий подход к материалу. В работах Татьяны Васильевны произведения искусства всегда вписаны в широкий историко-культурный контекст. Опыт музейного работника помогал ей в точнейшей атрибуции предметов прикладного ис-

Татьяна Васильевна Николаева

кусства, навыки археолога способствовали строгости исследовательской методики. Вместе с тем глубокое знание истории и быта изучаемой эпохи, всей совокупности письменных и вещественных источников позволяло Т. В. Николаевой убедительно реконструировать идейное содержание произведений искусства, выраженную в них символику, выявлять исторические предания, связанные с ними (см., например, блестящий этюд о рогатине тверского князя Бориса Александровича). Произведения древнего искусства в ее трудах начинают «говорить», приобретают конкретный и многоплановый смысл, вещь становится документом истории.

Т. В. Николаева пользовалась заслуженным авторитетом среди коллег. Она была членом ученых советов Института археологии АН СССР, Гос. музеев Московского Кремля, Загорского музея и Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, вела постоянную консультативную работу, щедро делилась знаниями и опытом, охотно брала на себя труд научного редактирования и рецензирования книг и статей. Т. В. Николаева принимала участие в археологических исследованиях Белгорода Киевского, Александрова, Старой Рязани.

Т. В. Николаева всегда подчеркивала национальный характер произведений древнерусского искусства. «Русская душой», она особенно любила природу средней полосы России, ее народ, глубоко осознавала неразрывную связь минувшего и настоящего, живую преемственность исторических эпох. Человек большого мужества и силы воли, она работала до последних

дней и ушла из жизни полная творческих планов. Для тех, кто знал Татьяну Васильевну, она останется примером подвижнического, бескорыстного служения науке, воплощением скромности и человечности. Светлая память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

В. П. Даркевич

Список печатных работ Т. В. Николаевой

1954

Народная защита крепости Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. М.

1955

Археологические находки на территории Загорска // Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник: Краткие сообщения. М.
Каталог серебряных блюд в собрании Загорского музея // Там же.
Реставрация произведений русского искусства // Там же.

1956

Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник: Путеводитель. М. Разделы «Древнерусское искусство XIV—XVII вв.»; «История монастыря-крепости XIV—XVII вв.» (Переизд. в 1957, 1968 и 1970 гг.)

1957

Новые находки на территории Загорского музея // СА. № 1.

1958

Древняя панатия // Сообщения Загорского музея. Загорск. Вып. 2.
К вопросу о связях древней Руси с южными славянами // Там же.
Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Там же.
О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника // СА. № 3.
Оклад с иконы «Троица» письма Андрея Рублева // Сообщения Загорского музея. Загорск. Вып. 2.
Потомки Авраамия Палицына // Там же.

1959

Древнерусское искусство // Загорский музей-заповедник. Загорск.

1960

К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея. Загорск. Вып. 3.
Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск.
Серебряные блюда, чаши и лохани в собрании Загорского музея // Сообщения Загорского музея. Загорск. Вып. 3.

1965

Надгробие новгородского архиепископа Сергия // СА. № 3.

1966

Икона-складень 1412 г. мастера Лукяна // Пленум Института археологии АН СССР 1966. Секция славяно-русской археологии: Тез. докл. М.
Древнерусское искусство: Итоги экспедиций музеев РСФСР по выявлению и собиранию произведений древнерусского искусства: Каталог. Л. / В соавторстве.

Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 6.

Троицкий живописец XVI в. Евстафий Головкин // Культура древней Руси. М. Экспедиции Загорского музея по сбору произведений древнерусского искусства // Всероссийская научная конференция, посвященная новым исследованиям в области древнерусского искусства и итогам экспедиций музеев РСФСР: Тез. докл. Л.

1968

Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1968.
Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана // СА. № 1.
Прикладное искусство // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники. М. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М.
Собрание древних рукописей // Троице-Сергиева лавра: Художественные памятники. М.

1969

Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л.

1970

О некоторых волоколамских древностях // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. М.
Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1969 г. М. / Совм. с Б. А. Рыбаковым.

1971

Крест 1544 г. из Волоколамска // СА. № 2.
Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. // САИ. М. Вып. Е1-49.

1972

Александровская слобода Ивана Грозного // АО 1971 г. М. / Совм. с Б. А. Рыбаковым.
Скарбы мастацтва // Помнікі гісторыі культуры Беларусі. Мінск. № 1. — Рец. на кн.: Штыхов Г. В., Захаренко П. Н. Древние сокровища Белоруссии. Минск, 1971.

1974

Икона-складень XV в. и поход Ивана III на Новгород // Культура средневековой Руси. Л.
Художественное ремесло Московской Руси: Автореф. дис. докт. ист. наук. М.

1975

Каменная иконка, найденная в Новгороде при раскопках 1972 гг. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1974. М.

1976

Из истории культуры тверского Отроча монастыря // СА. № 4 Совм. с Т. И. Макаровой.
О сюжете изображений на рогатине тверского князя Бориса Александровича // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1975. М.
Прикладное искусство Московской Руси. М.
Тверские двери XIV в. // Средневековая Русь. М.

1977

Декоративно-прикладное искусство // Очерки русской культуры XVI в. М. Ч. 2: Духовная культура.
Древнерусская живопись Загорского музея: Каталог. М.
Предметы книжеского убора XIV в. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1976. М.

1978

Б. А. Рыбаков // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М. Сер. истории. Вып. 12 / Совм. с С. А. Плетневой.

Древний Звенигород: Архитектура, искусство. М.
К 70-летию Б. А. Рыбакова // История СССР. № 3 / В соавторстве.
Рязанская икона с изображением Пантократора и Никиты с бесом // Древняя
Русь и славяне. М.

1979

Новейшие открытия историков и археологов // Книжное обозрение. № 12. —
Рец. на кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

1980

Икона-мощевик Успенского Кузьмина монастыря на р. Яхрени // Памятники
культуры: Новые открытия; Ежегодник, 1979. М.

Иконка Дмитрия Солунского из Подмосковья // СА. № 3. / Совм. с А. Г. Векслером.

1982

[Рецензия] // СА. № 1. — Рец. на кн.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—
XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и восточной Белоруссии. М., 1980.

[Рецензия] // ВИ. № 4. — Рец. на кн.: *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.*
Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

1983

Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. // САИ. М. Вып. Е4-60.

1984

Победный крест XIV в. // Древнерусское искусство. М.

1985

Змеевики с изображением Феодора Стратилата как филактерии преимущественно
для воинов // «Слово о полку Игореве» и его время. М.

К 800-летию похода Игоря Новгород-Северского на половцев // Международная
ассоциация по изучению и распространению славянских культур: Информационный
бюл. М. Вып. 13.

Семейная реликвия Бутурлиных // Памятники культуры: Новые открытия:
Ежегодник, 1983. М.

1987

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М. / Подгот. совм. с Е. Н. Клити-
ной и Т. Н. Манушиной.

1988

Вновь найденное произведение миниатюриста А. Г. Овсова // Памятники куль-
туры: Новые открытия: Ежегодник, 1987. М. / Совм. с В. С. Поповым.

SUMMARY

The book deals with specific amulets spread in Russia in 11th—19th centuries. These are minor pectoral icons having non-christian magical image on their reverse side. The image represents a human head (or a half-figure) surrounded by snakes; it is a modification of the classical iconography of Medusa. There is also a Greek magical inscription on some amulets, in particular on the earliest Russian samples. According to the inscription the demonic image on the amulets represented the womb («hystera»). The amulets are of Byzantine origin; their magical power was directed first against female diseases. In Medieval Russia these amulets became very popular, they were used by men and women as universal means against various troubles and evil forces. The Byzantine amulets were usually made of stone; in Medieval Russia metal ones dominated. Gold and silver amulets and those having owners' names were made for Russian princes and other representatives of aristocracy. Medieval Russian amulets-«zmeeviki» characterize wide-spread superstitions having exclusively long continuity of existence.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ	— Археологические известия и заметки
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГРМ	— Государственный Русский музей
Э	— Государственный Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗИХМЗ	— Загорский историко-художественный музей-заповедник
ЗОРСА	— Записки Отделения Русской и славянской археологии
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАО	— Московское археологическое общество
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НГМ	— Новгородский государственный историко-художественный музей-заповедник
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАО	— Русское археологическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава первая ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

12

Глава вторая ПРОИСХОЖДЕНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ИКОНОГРАФИЯ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

29

КАТАЛОГ ТИПОВ ДРЕВНЕРУССКИХ АМУЛЕТОВ-ЗМЕЕВИКОВ

49

ЛИТЕРАТУРА

86

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НИКОЛАЕВОЙ (В. П. Даркевич)

116

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Т. В. НИКОЛАЕВОЙ

118

SUMMARY

121

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

122

Николаева Т. В., Чернецов А. В.

Н63 . Древнерусские амулеты-змеевики. — М.: Наука,
1991. — 124 с.: ил.
ISBN 5-02-010041-2

Книга посвящена древнерусским амулетам, на которых изображения, связанные с христианской религией, сочетались с нехристианской «змеевидной» композицией. Амулеты-змеевики XI—XVI вв. отражают распространенное на Руси «двоеверие». В книге публикуются и анализируются все известные змеевики, исследуется вопрос о символическом значении «змеевидной» композиции, эволюции ее содержания и месте в контексте древнерусского искусства.

0504000000-248
И $\frac{042(02)-91}{101-91(1 \text{ полуг.})}$

ББК 63.4(2)

Научное издание

Николаева Татьяна Васильевна,
Чернецов Алексей Владимирович

**ДРЕВНЕРУССКИЕ
АМУЛЕТЫ-ЗМЕЕВИКИ**

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина
Редактор издательства Н. И. Сергиевская
Художник В. Я. Вигант
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технические редакторы И. В. Чудецкая,
Н. Н. Ковина
Корректоры Н. П. Гаврикова, Т. М. Ефимова

ИБ № 47491

Сдано в набор 29.06.90

Подписано к печати 19.08.91

Формат 70×90¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 9,36. Усл. кр. отт. 9,65. Уч.-изд. л. 9,6.

Тираж 1900 экз. Тип. зак. 865.

Цена 6 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

